Мирча Элиаде

Девица Кристина

I

У дверей в столовую Санда остановила его, прикоснувшись к рукаву, — первый интимный жест за те три дня, что они провели под одной крышей.

— А у нас новый гость, знаете? Профессор...

Егор заглянул ей в глаза. Они блестели в полутьме комнаты. «Может быть, это знак?» — подумал он и попытался привлечь девушку к себе. Но она отстранилась и распахнула двери. Егор одернул пиджак и застыл на пороге. Горела та же лампа с белой калильной сеткой, дававшая слишком резкий, искусственный свет. В улыбке г-жи Моску усталость сквозила заметнее, чем прежде. Егору уже не надо было видеть ее лица, чтобы угадать эту улыбку.

— Позвольте вам представить господина художника. Егор Пашкевич, — с помпой изрекла г-жа Моску, плавно поведя рукой в его сторону. — Имя несколько непривычное, но он чистокровный румын. Господин Пашкевич оказал нам честь погостить в наших пенатах...

Егор поклонился с самым любезным выражением лица. Г-жа Моску обернулась к новому гостю, вся превратившись в трепет. Нечасто ей выпадал случай насладиться церемониалом настоящего, полновесного представления.

— Господин Назарие, университетский профессор, гордость румынской науки! — провозгласила она.

Егор решительным шагом подошел к профессору и пожал ему руку.

— Я всего лишь скромный ассистент, сударыня, — пробормотал г-н Назарие, пытаясь поймать ее взгляд. — Более чем скромный...

Но г-жа Моску вдруг в изнеможении опустилась на стул. Профессор в оторопи остался стоять подле, не смея поднять ни на кого глаза, боясь показаться смешным. Прошло несколько мгновений, прежде чем он тоже решился сесть, по левую руку от г-жи Моску.

— Это место занято, — громким шепотом сказала Симина, — рядом с мамой сижу я...

Г-н Назарие вскочил и отпрянул к стене. Егор и Санда поспешили к нему, конфузливо улыбаясь и наперебой уверяя, что не стоит обращать внимания на детские выходки, что девочка избалована, к тому же для нее действительно нет большей радости, чем сидеть за столом рядом с матерью, даже при гостях.

— Ей всего девять лет, — добавила Санда.

Г-жа Моску все время сохраняла на лице улыбку, как бы прося простить ее, что она не принимает участия в разговоре. Дискуссия, должно быть, чудо как интересна, о, она-то это себе представляет, интересна, умна, поучительна, но усталость, увы, не позволяет ей насладиться в полной мере. Причем было очевидно, что г-жа Моску не слышит ни слова, что звуки порхают мимо нее, ни малейшим образом не задевая слуха.

Егор проводил г-на Назарие на другой конец стола, предложил ему место рядом с Сандой и, еще раз бросив взгляд на г-жу Моску, подумал: «Какие странные приступы...»

— Очень вам благодарен, — вполголоса проговорил профессор, садясь. — Я, кажется, нечаянно обидел ребенка. И какого ребенка — ангела...

Он повернул голову к Симине и посмотрел на нее, широко улыбаясь, со всей теплотой, на какую был способен. Человек вполне еще молодой, лет сорока без малого, он постарался вложить во взгляд отеческие чувства, но улыбка получилась

заискивающей, а его лицо, чистое, сдержанное лицо ученого, рассиялось не в меру. Симина встретила отеческий взгляд с язвительной, колкой иронией. Несколько мгновений она смотрела гостю прямо в глаза, потом поднесла к губам салфетку, как бы стирая чуть заметную улыбочку, и не спеша обернулась к матери.

— Вы, конечно, приехали на раскопки, — нарушил молчание Егор.

Профессор, еще не оправившись от неловкости, был тем более благодарен Егору за то, что тот перевел разговор на его занятия, предмет его страсти.

— Да, сударь мой, — отвечал он, судорожно глотнув воздуха. — Как я уже рассказывал госпоже Моску, этим летом возобновлены раскопки в Бэлэноае. Не знаю, насколько вы осведомлены, но для нас, румын, доисторическое становище в Бэлэноае не лишено значения. Там нашли тот самый знаменитый ионический lebes — казан, в котором, как вам, безусловно, известно, доставлялось на пиры мясо...

Г-н Назарие явно оседлал своего любимого конька. С воодушевлением, но не без некоторой грусти живописал он те стародавние пиры, которые позже так гротескно копировали варвары.

— ...что же вы хотите, на всем нижнем Дунае, особенно здесь, к северу от Джурджу, в пятом веке до Рождества Христова была развитая цивилизация, греко-скифо-фракийская цивилизация, как я уже имел честь доложить госпоже Моску...

Г-н Назарие опять сделал попытку перехватить взгляд хозяйки салона, но встретил только ту же застывшую улыбку, невидящее лицо.

— Бэлэноая, maman, — попробовала вывести ее из оцепенения Санда, чуть ли не крича через стол. — Господин Назарие говорит про раскопки в Бэлэноае...

Услышав свое имя и вдруг очнувшись в центре всеобщего внимания, профессор снова смешался. Он даже выставил вперед руку, как бы защищаясь или извиняясь за то, что вынудил Санду повысить голос. Г-жа Моску, казалось, приходит в себя то ли после обморока, то ли после сна. За несколько секунд ее лицо без кровинки снова налилось свежестью, высокий лоб расправился, она заговорила:

— Бэлэноая? Там у нас было когда-то родовое имение.

— У тети Кристины, — моментально подсказала Симина.

— Да, да, ее наследство, — с живостью подтвердила г-жа Моску.

Санда укоризненно посмотрела на младшую сестру. Но та благочинно уставила взгляд в тарелку. При резком свете лампы ее смоляные кудри отливали тусклым блеском, как старое серебро. «Но какой ясный лоб, какой нежный румянец», — думал Егор. От Симины на самом деле нельзя было отвести глаз: черты ее лица уже определились, поражая безукоризненной, зрелой не по летам красотой. Егор чувствовал, что сидящий рядом с ним профессор смотрит на девочку с тем же восхищением.

— Что-то скучно у нас сегодня. Все разъехались, все нас покинули... — раздался голос Санды. Она обращалась больше к Егору.

Художник услышал вызов, укор в ее голосе и, с некоторым усилием оторвав взгляд от Симины, приготовился рассказать в меру пикантный анекдот, который всегда имел успех в семейных домах. «Мы неразговорчивы, потому что слишком умны...» — так начинался анекдот, но начать Егор не успел. Его опередил г-н Назарие:

— У вас, вероятно, летом бывает много гостей, здесь, в имении...

Он говорил несколько минут кряду, без передышки, как будто боялся, чтобы снова не пало молчание, — о раскопках, о красоте придунайских равнин; сетовал на нищенское положение музея древних культур... Егор украдкой поглядывал на г-жу

Моску. Лицо ее выражало восторг, но было ясно, что она сейчас далеко. Санда, воспользовавшись паузой в монологе г-на Назарие, громко сказала:

— Maman, жаркое остынет...

— Какие интересные вещи рассказывает господин профессор! — воскликнула г-жа Моску и, со своим неизменным аппетитом, принялась за жаркое, слегка наклонив голову над тарелкой и больше ни на кого не глядя.

Впрочем, кроме нее, не ел никто. Даже г-н Назарие, голодный с дороги, не сумел осилить больше половины порции. Остальные едва притронулись к своим — такое амбре было у жаркого.

Санда властным жестом поманила экономку, которая смирно стояла у дверей.

— Я кому говорила не подавать больше баранины, — со сдержанным гневом процедила она.

— Где же, барышня, птицу взять? — защищалась экономка. — Которая была, я всю прирезала вчера и третьего дня. Которая сама не околела. Была одна гусыня, да я ее сегодня утречком тоже околемши нашла.

— Почему же у крестьян не купить? — вскипела Санда.

— А они не продают, — без запинки ответила экономка. — Не продают, или у них тоже... того, — добавила она со значением.

Санда покраснела и сделала ей знак убрать тарелки. Г-жа Моску доела жаркое.

— Какие прекрасные вещи рассказал нам господин профессор про Бэлэноаю! — начала она несколько нараспев. — Подумать только, под землей — и столько разных фигурок, столько золотых украшений!..

Профессор забеспокоился.

— Золотые попадаются редко, — перебил он ее, — время золота тогда еще не настало. Да и здешняя цивилизация была аграрной, не города — селенья, хотя и процветающие. Золото же ходило больше в греческих портах...

— Находили и золото, украшения из старинного золота, я помню, — с негаснущим упоением произнесла г-жа Моску.

— И у тети Кристины такие были, — ввернула Симина.

— Угомонись, — одернула ее Санда. — Тебе-то откуда знать?

— Мне мама говорила, — бойко парировала Симина. — И кормилица.

— Вечно кормилица забивает тебе голову всякими небылицами, — возмутилась Санда. — Ты уже большая, а на уме одни сказки!

Симина ответила сестре едва уловимой улыбкой, одновременно презрительной и равнодушной, потом перевела взгляд на Егора, посмотрела испытующе и важно, как бы прикидывая, чего от него ждать — тоже занудства?..

Беседа не клеилась. Г-н Назарие обратился к Егору.

— Это замечательно, что вас увлекли придунайские степи, — заговорил он. — По-моему, еще никто не брался изображать такую природу. Первое впечатление от нее — безысходность. Кажется, что все тут пусто, выжжено солнцем, но стоит приглядеться — какое мощное, всесокрушающее плодородие! Дивные, чарующие места...

Он говорил искренне, с чувством. Егор смотрел и удивлялся. Вот тебе и книжный

червь, вот тебе и бирюк. Куда девалась его угловатость? Жесты стали летучи, а слова — как соком налитые. То ли он произносил их по-особому, глубже, проникновеннее...

— Да, господин Пашкевич прекрасный художник, но он и лентяй, каких свет не видал, — дразняще протянула Санда. — Живет у нас целых три дня и еще ни разу не взялся за кисть...

— Как прикажете понимать ваш дружеский укор? — галантно откликнулся художник. — Я мог бы понять его, например, в том смысле, что вам не терпится увидеть меня за работой, чтобы я поскорее все написал и уехал восвояси...

Санда улыбнулась ему поощряюще. Егор прекрасно понимал этот язык, все его оттенки, полушутливые, кокетливые, капризные, и то, что за ними, — манок, зов, желание. «Санда, что ни говори, великолепна», — думал он. Хотя ее поведение в эти три дня его порядком разочаровало. Здесь, в имении, она меньше всего походила на ту раскованную юную особу, которая в Бухаресте с такой смелостью приблизила его к себе и так горячо пожала ему руку, когда он принял приглашение погостить месяц у них в усадьбе. «Мало ли что — может быть, просто стесняется других гостей», — пытался Егор оправдать ее сдержанность в первый вечер.

— ...Я и точно никуда сейчас не годен, — продолжал он, обращаясь к г-ну Назарие. — Во всяком случае, что касается живописи. То ли в погоде дело — осень, а похоже на разгар лета, так разлагающе действует...

— Но я бы его простила, если бы он исправился, — смеясь, сказала Санда. — Эти три дня были слишком шумные, столько народа, столько друзей, не до работы. А вот с завтрашнего утра уже можно и начать, теперь мы одни...

Егор поигрывал ножом. Рукам его требовалось сжать что-то твердое и холодное.

— Я тоже буду жить совершенно незаметно, — заверил г-н Назарие. — Мы будем видеться только здесь...

Г-жа Моску рассеянно кивнула.

— Вы оказываете нам большую честь своим присутствием. — У нее вдруг прорезался неожиданно уверенный и сильный голос. — Подумать только: гордость румынской науки!..

Видимо, это словосочетание доставляло ей особое удовольствие. Егор опустил глаза, уже не так судорожно сжимая нож. Санда из-под ресниц следила за его движениями с внезапной досадой. «Он может Бог знает что подумать о маме».

— Сударыня, — недоуменно перебил хозяйку г-н Назарие. — Позвольте мне отнести ваши похвалы на счет моего учителя, великого Василе Пырвана. Вот кто действительно был нашей вершиной, нашей гордостью, румынским гением...

Казалось, профессор только и ждал повода уйти в слова, отгородиться ими от этого странного застолья, от этих чудаковатых хозяев. Он говорил об учителе с жаром и благоговением: это у него он заразился страстью к археологии, это он, учитель, доказал, что румынская земля славна прежде всего древней историей.

— А прелесть раскопок, палаточной жизни, трепет перед каждым найденным предметом! Какой-нибудь железный гребень, ржавый гвоздь, глиняный черепок, убогие, никчемные вещицы — да валяйся они на дороге, за ними никто и не нагнется, для нас же они милее самой прекрасной книги и, быть может, даже самой прекрасной женщины...

Санда взглянула на Егора, улыбаясь и ожидая ответной иронической улыбки. Но тот слушал уважительно, с сочувствием.

— Иногда с простого железного гребня начинается открытие цивилизации... — снова обратился профессор к г-же Моску, и вдруг у него перехватило горло. Он осекся, остолбенело глядя куда-то поверх нее, не смея даже закрыть глаза, — ведь каких только страстей не увидишь с закрытыми глазами!

— Кто будет кофе? — громко спросила в это мгновенье Санда, с шумом отодвигая стул и вставая из-за стола.

Г-н Назарие почувствовал, как холодная влага покрывает его плечи, грудь, руки, будто он медленно вступал в полосу студеного тумана. «Я просто устал», — подумал он, крепко сплетая пальцы. Скосил глаза на Егора. Ему показалось странным, как тот сидит: улыбается и тянет вверх руку, словно ученик на уроке.

— Вы тоже, профессор? — услышал он голос Санды и поспешно ответил:

— С превеликим удовольствием...

Но только увидев на столе чашечки с кофе, он понял, о чем его спрашивали, и совершенно пришел в себя. Вновь, уже без страха, он поднял глаза на г-жу Моску. Она сидела, задумчиво подперев щеку рукой. За столом молчали. Он только заметил, что Симина смотрит на него пытливо и как-то подозрительно. Будто трудясь над разгадкой тайны. Озабоченность ее была тяжелой, неприязненной. Совсем не детской.

II

Г-н Назарие очень осторожно отворил дверь. Снял со стены маленькой прихожей керосиновую лампу с прикрученным фителем и потихоньку пошел по коридору, стараясь ступать бесшумно. Но крашеные темно-вишневые полы поскрипывали даже под ковровой дорожкой. «Что за манера расселять гостей по разным углам!» — с некоторым раздражением думал г-н Назарие. Не то, чтобы его мучили страхи, но до Егоровой комнаты надо было пройти через длинный коридор, мимо ряда дверей, и кто его знает, не потревожит ли он чей-нибудь покой? Если же предположить, что все эти комнаты пустые... На этой мысли г-н Назарие задерживаться не хотел.

Комната Егора была последней. Он с облегчением постучал.

— Надеюсь, я вас не слишком потревожу, — сказал он в приоткрытую дверь. — Что-то не спится...

— И мне тоже, — откликнулся Егор, вставая с кушетки.

Комната была большая, просторная, с балконом, выходящим в парк. В углу стояла старинная деревянная кровать. Шкаф, умывальник, кушетка, изящный письменный стол, два стула и шезлонг дополняли убранство. Все же комната была такая большая, что казалась меблированной весьма скудно. Предметы отстояли далеко друг от друга, и между ними можно было свободно разгуливать.

— Очень славно, что вы пришли, — сказал Егор. — Я ломал себе голову, чем перебить бессонницу. Как-то не захватил с собой книг. Думал, что днем буду трудиться...

«А вечера проводить с Сандой», — закончил он мысленно, вслух же добавил:

— Сегодня первый раз я так рано ушел к себе. Эти дни было весело: большое общество, допоздна гуляли по парку. Но, кажется, гости очень утомляли госпожу Моску... Вы не курите? — Он предложил г-ну Назарие раскрытый портсигар.

— Нет, благодарю. Я хотел вас спросить, в этих комнатах, что нас разделяют, никто не живет?

— Похоже, никто, — с улыбкой ответил Егор. — Это комнаты для гостей. Целый этаж для гостей. Впрочем, по-моему, и внизу все комнаты пустые. Госпожа Моску живет во флигеле, вместе с дочерьми.

Он закурил и сел на стул подле профессора. Помолчали.

— Великолепная ночь! — сказал профессор, глядя в проем балконной двери.

В темноте проступали огромные, нечеткие контуры деревьев. Егор тоже обернулся. В самом деле, чудная ночь. Но попрощаться с гостями в половине десятого и уйти за мамой, как паинька...

— Если долго не двигаться, — продолжал профессор, — и дышать вот так, редко и глубоко, почувствуешь Дунай... Я так делаю...

— Но все-таки он далековато, — заметил Егор.

— Километрах в тридцати. Или даже меньше. Та же ночь и там, одна на всех...

Г-н Назарие встал и вышел на балкон. Нет, луна будет разве что через несколько дней, понял он, натолкнувшись на мрак.

— И воздух тот же, — снова заговорил он, медленно запрокидывая голову и вдыхая ртом. — Вы, вероятно, не жили на Дунае, иначе от вас не ускользнул бы этот запах. Я чую Дунай даже из Бэрэгана.

Егор засмеялся.

— Ну, это вы хватили, из Бэрэгана!

— Нет, в самом деле, — возразил г-н Назарие. — Это ведь не то что чувствуется вода, по влажности воздуха. Это как легкие испарения глинистой почвы и таких растений с колючками...

— Довольно туманно, — с улыбкой вставил Егор.

— ...или как будто гниют целые леса, где-то далеко-далеко, а ветер доносит до тебя этот запах, непередаваемый и в то же время банальный. Его скоро узнаешь из любого места... Когда-то и здесь были леса. Леса Телеормана...

— И этот парк тоже такой старый... — сказал Егор, выходя на балкон и указывая рукой вниз.

Г-н Назарие посмотрел на него добрыми глазами, не в силах скрыть снисходительной улыбки.

— Всему, что вы здесь видите, не больше сотни лет, — объяснил он. — Акация... Дерево бедноты. Кое-где вязы...

И он пустился в разглагольствования о лесах, о деревьях.

— Не удивляйтесь, — неожиданно прервал он сам себя, кладя руку Егору на плечо. — Это мне знать необходимо. Для раскопок, конечно. И я набирался знаний — из книг, от людей, ученых и неученых — отовсюду понемногу. Иначе как бы я установил, где мне искать моих скифов, гетов и весх прочих, кто тут обитал...

— Ну, здесь-то, вероятно, так много следов не найдешь, — сказал Егор, чтобы поддержать разговор о древней истории.

— Почему же, — сдержанно возразил г-н Назарие. — Дороги пролегали и тут, могли быть и селенья на лесных опушках, особенно вблизи рек... Так или иначе, когда сходят вековые леса, места остаются зачарованные. Это наверняка...

Он смолк и снова стал впивать воздух, чуть перегнувшись через перила балкона, в ночь.

— Всякий раз так радуюсь, когда узнаю Дунай, — продолжал он, понизив голос. — У него тоже чары, но сердце их легко принимает, без страха. Люди с поречья — умницы и храбрецы. Искатели приключений и оттуда бывают родом, не только с морских побережий... А лес — он, знаете ли, наводит страх, он с ума может свести...

Егор снова рассмеялся. Шагнул в комнату, к свету лампы.

— И это естественно, — не смутился г-н Назарие. — Лес пугает даже вас, юношу просвещенного, без предрассудков. От этого страха никто не свободен. Слишком много растительных жизней, и старые деревья слишком похожи на людей, на тела человеческие...

— Не думайте, что я ушел с балкона, потому что испугался, — сказал Егор. — Я просто за сигаретой. И тут же снова к вам присоединюсь.

— Нет нужды, я вам и так верю. Не можете же вы бояться какого-то там парка из акаций, — успокоил его г-н Назарие, тоже возвращаясь в комнату и усаживаясь на кушетку. — Но то, что я вам сказал, — чистая правда. Если бы не Дунай, люди в здешних краях потеряли бы рассудок. Те люди, я имею в виду, два-три тысячелетия назад...

Егор глядел на него с растущим любопытством. «Профессор-то совсем не прост. Того и гляди заговорит в стихах, что-нибудь про души умерших...»

— Я забыл вас спросить, — переменил тему г-н Назарие. — Вы давно знаете хозяйку дома?

— Я знаю только ее старшую дочь, и то не так давно, года два. У нас общие знакомые в Бухаресте. А госпожу Моску первый раз увидел здесь, когда приехал, несколько дней назад.

— Мне кажется, она переутомлена, — сказал г-н Назарие.

Егор кивнул. Его позабавило, с какой серьезностью профессор изрек свое замечание: как будто для этого нужна была особая проницательность, как будто он раскрывал Бог весть какой секрет. «И это он говорит мне, можно подумать, что мне за три дня не набила оскомину улыбка госпожи Моску».

— Я попал сюда в некотором роде случайно, — продолжал г-н Назарие. — Получил приглашение через префекта, он, сколько я понял, старинный друг семьи. Но чувствую себя очень неловко. Вам не кажется, что мы не ко времени? У меня, ей-Богу, впечатление, что госпожа Моску не совсем здорова...

Егор, как бы оправдываясь, признался, что и он, в первый же день заметив состояние хозяйки, не хотел здесь задерживаться. Но других гостей ее самочувствие совершенно не удручало. Возможно, они давно ее знают и привыкли. Или болезнь не такая уж серьезная; иногда, особенно по утрам, госпожа Моску очень оживлена и следит за разговором, о чем бы они ни говорили.

— Ее силы как бы убывают вместе с заходом солнца, — помолчав, добавил он со значением. — К вечеру она еле жива или впадает во что-то вроде летаргии. Это тем более странно, что улыбка на лице сохраняется — как маска.

Г-н Назарие представил себе широко открытые, умные глаза хозяйки дома, улыбку, щедро освещающую ее черты и так легко вводящую в заблуждение. Нет, художник ошибается, говоря о маске, это не маска, а живое и весьма внимательное лицо; улыбка же сияет на нем в знак присутствия: тебе дают понять, что ловят каждое твое слово, что заворожены твоей мыслью. Сначала от такого внимания делается не по себе, бросает в краску. Пока не поймешь — очень быстро, впрочем, — что она вовсе не слушает. Или не слышит. Она просто следит за твоими жестами, за движениями твоих губ и знает, когда надо вступить.

— Поразительно! — продолжил он вслух. — Она знает, когда вступить, когда подать голос, чтобы тебя не тяготило ее молчание...

Егор не переставал удивляться профессору. «Лоску никакого, застенчив, как девушка, а вот поди ж ты — и ум, и чувство. Явные задатки артистической натуры».

— А мы не преувеличиваем? — спросил он, прохаживаясь по комнате. — Может быть, тут всего лишь хроническое истощение, если есть такой термин.

— Нету, — с невольной иронией отозвался г-н Назарие. — Хроническое истощение — это все равно что хроническая смерть...

Последние слова не понравились ему самому, он тоже встал, прошелся. Снова эта непонятная испарина. Он подозрительно оглянулся на кушетку, с которой встал, как будто хотел убедиться в ее индифферентности, приличной неодушевленному предмету. Нахмурился, сердясь на себя за расшалившиеся нервы, за свою глупую, детскую мнительность.

— И все-таки, — раздался голос Егора с другого конца комнаты, — все-таки мы преувеличиваем. Мы слишком тонкокожие. Разве вы не видите, как держатся с ней дочери, особенно младшая?

Он остановился у двери, прислушиваясь. Кто-нибудь из прислуги — пробует двери, заперты ли, что там еще за дела в коридоре? Какая поступь — чуткая, легкая, ее

скорее угадываешь, чем слышишь, и тем больше она раздражает. Вот скрипнула половица; ты ждешь — несколько долгих, тягучих мгновений, но звуки стихли, прислуга ступает не дыша, на цыпочках, деликатничает. «Тетеха деревенская, — выругался про себя Егор, напрасно прождав следующего скрпа, — лучше бы топала как следует, чтоб уж слышно, так слышно».

— Мне показалось, что кто-то ходит по коридору, — сказал он профессору. — Завтра вывешу на своей двери объявление: «Просьба на цыпочках не ходить!» Это нервирует — как будто вор крадется... Сюда, конечно, вору так легко не забраться, — добавил он со смешком. — А все равно нервирует...

Г-н Назарие снова вышел на балкон, перегнулся в темноту.

— Ночи пока еще теплые, — крикнул ему вслед Егор. — Мы могли бы гулять по парку. Чем сидеть тут взаперти...

Профессор не ответил. «Думает свою думу, философствует, — весело сказал себе Егор. — Но, в сущности, то, что он говорит про Дунай, не лишено логики: большая вода, открытые приветливые берега...» Он тут же увидел Дунай, всю его красоту, мощь, надежность. «Неплохо бы сейчас оказаться там, далеко отсюда, на палубе яхты, например. Яхта плывет, покачивается, а ты расслабился в шезлонге под говор приемника или молодых голосов. Как же скоро становится скучно без шумной компании. Жизнь, общество, а без этого...» Он резко повернул голову, ему показалось, что он не один в комнате, что кто-то сверлит его взгядом; он явственно ощутил назойливый буравчик, а взгляд в спину всегда его раздражал. Однако в комнате никого не было. Профессор застрял на балконе. «Не очень-то вежливо с его стороны, — подумал Егор. — Или это от неловкости, и надо помочь, подать реплику». Он подошел к балконной двери. Г-н Назарие встретил его со светлым лицом.

— Простите, что я вас покинул, — извинился он. — Чуть не стало дурно. Кажется, я действительно уходился. Или меня угнетает место.

— Меня, может быть, тоже, — улыбаясь, ответил Егор. — Но это совершенно неважно. Сейчас меня заботит другое — что я не могу предложить вам ничего, кроме коньяка. Надеюсь, вы не откажетесь от капли коньяка.

— В другой раз отказался бы. Но я так опрометчиво выпил на ночь кофе, что теперь не откажусь. Клин клином. Если я потеряю ночь, и завтрашний день пойдет насмарку.

Егор раскрыл саквояж, достал початую бутылку и выбрал в шкафу два больших стакана. Аккуратно налил в каждый понемногу, на палец.

— Надеюсь, это поможет от бессонницы, — сказал г-н Назарие, одним махом опрокидывая стакан.

И, зарывшись лицом в ладони, стал разминать лоб и щеки.

«Хватил, как цуйку», — подумал Егор. Он потягивал свою порцию потихоньку, наслаждаясь. Алкоголь словно бы внес в комнату дух сердечности, приподнятости, товарищества. Никаких чужих взглядов больше не мерещилось. Удобно развалясь на стуле, Егор вдыхал невидимые пары из стакана. Хорошо знакомый запах, напоминание о приятных и светлых часах, проведенных с друзьями или с милыми женщинами. «Да здравствуют дары Вакха!» — мысленно провозгласил он.

— Давайте уж и сигарету, — потребовал профессор, все еще красный и помятый. — Кутить так кутить.

Он и вправду довольно успешно справился с сигаретой. Егор подлил еще понемногу коньяка в стаканы. Настроение у него поднялось, потянуло на разговор. «Как не хватает Санды, что бы ей догадаться!.. Мы отлично провели бы время в такую ночь, как сейчас, — в компании с чудаком-профессором, за бутылкой

коньяка. Ведь зачем еще человек едет в деревню, как не за долгими ночными беседами? В Бухаресте никто друг друга не слушает...»

— Растяните удовольствие, — шутливо предложил он, подавая стакан профессору.

Ему хотелось слов, откровенной беседы.

— Я вас еще не спросил, как вы делаете ваши археологичекие открытия... — начал он.

— Очень просто, — ответил профессор. — Очень...

И вдруг задохнулся. На минуту они скрестили взгляды, пытаясь понять, почувствовал ли другой то же самое, тот же мгновенный приступ ужаса, потом одновременно схватились за стаканы, залпом выпили. Профессор больше не прятал лицо в ладони, на этот раз коньяк пошел ему на пользу. Все же он не посмел вслух задать Егору вопрос, прочтя по его глазам, что и тот пережил миг давящего, липкого ужаса. Как будто кто-то приблизился к ним и расположился слушать, кто-то, кого не видишь, но чье присутствие чует кровь и отражают глаза товарища...

Надо было спешно заговорить о чем угодно. Егор судорожно подыскивал тему. Что-нибудь подальше от этой комнаты, от этого часа. Как назло, мозг работал вхолостую. И даже страх прошел. Да, он тоже почувствовал нечто, чему не знал подобия, смесь чудовищного омерзения и ужаса. На какую-то долю секунды. Достаточно было взяться за стаканы и сделать глоток коньяка, чтобы все стало на свои места.

— Вы бывали в Марселе? — наобум спросил он, снова разливая коньяк по стаканам.

— Да, но давно, — быстро ответил профессор. — Сразу после войны. С тех пор многое переменилось...

— Там есть один бар, рядом с отелем «Савойя», — заговорил Егор. — Называется «Морская звезда». Это точно, название я запомнил. А в баре такой обычай: если тебе пришелся по душе коньяк, надо спеть...

— Прекрасная мысль! — воскликнул профессор. — Но у меня нет голоса.

Егор посмотрел на него с сожалением. «Опять стесняется». Он поднес стакан к губам и, прежде чем сделать глоток, вдохнул в себя коньячные пары. Потом, слегка запрокинув голову, запел:

Les vieilles de notre paysNe sont pas des vieilles moroses,Elles portent des bonnets roses...

III

В дверь стучали, и г-н Назарие решил по-настоящему проснуться. Уже добрых полчаса он плавал в полусне. Приоткрывал глаза, ощущал свежесть утра, залитую светом комнату и неудержимо засыпал. Сон был воробьиный, прерывистый и оттого еще более роскошный. Борясь с ним, человек словно бы растягивал блаженство, которое вряд ли когда еще ему перепадет. И чем упорнее он сопротивлялся сну, тем неодолимее в него соскальзывал. Еще минутку, еще, еще... Как будто подспудно в нем тлела уверенность, что блаженство это эфемерно, что очень скоро он будет отторгнут от благодати этого парения и выкинут на твердую почву дня. Стук в дверь разбудил его со всей определенностью.

— Целую руку, барин!

Пожилая женщина, улыбаясь, внесла поднос с молоком.

— Я заспался. Наверное, очень поздно, — пробормотал г-н Назарие.

Женщина потупилась.

Г-н Назарие потер лоб. Голова побаливала, во рту было горько. Его вдруг охватили угрызения совести за то, что он так долго валяется в постели. Блаженство, которое никак его не отпускало, казалось ему теперь постыдным. Сразу, без всяких причин, навалилась грусть, усталость, безысходность — обычные его спутники при пробуждении на новом месте. Огромная яма внутри, и все туда ухает... Но когда он вспомнил про коньяк, который распивал ночью, его взяла настоящая злость на себя. «Ну, ладно, золотая молодежь прожигает жизнь, а ты-то куда?»

— Теплой водички, барин?

Нет, никакой теплой водички, никакого баловства. Г-н Назарие чувствовал необходимость наказать себя, и посуровее. Холодные обливания, вот что ему надо.

Женщина вышла, и г-н Назарие энергично соскочил с постели. Тяжесть и боль в голове не проходили. Он налил в лохань холодной воды и стал плескаться. Одно за другим припомнились ему происшествия этой ночи, и он чуть не рассмеялся. Что там ему вчера примерещилось, что за глупые страхи! Довольно посмотреть вокруг: этот яркий свет, эта осенняя свежесть, это горячее молоко, младенческий, кроткий пар над чашкой, и сразу становится ясно, что вчерашнее — ерунда, темная игра воображения. «И хоть бы еще курить умел по-человечески», — иронизировал над собой г-н Назарие, одеваясь. Потом он присел к столу и медленно выпил до дна чашку молока, не тронув варенья и масла. Отломил кусок гренка и, хрустя, принялся заканчивать свой туалет. «Вчерашний ужин отменным не назовешь, — подумал он. — Если бы я не перебил аппетит коньяком, сегодня был бы голоден как зверь. Да, ужин не удался, и это все заметили. От жаркого разило бараном, овощи перепарены. Слава Богу, выручила мамалыга с брынзой, со сметанкой... — Он улыбнулся, взглянув в зеркало. — Какой заросший. Может быть, поэтому она спросила про теплую воду? Но теперь уже поздно, ничего, обойдусь холодной».

Он не спеша достал из чемодана бритвенный прибор и стал намыливать щеки. Веселый мотивчик выплыл на поверхность памяти и закачался, то теряясь, то прорезываясь опять:

Les vieilles de notre pays...

«Это Егор пел сегодня ночью», — вспомнил он с удовольствием. Вспомнились ему и обстоятельства, вынудившие того запеть. «Он почувствовал то же самое». Эта мысль вызвала улыбку. С какой легкостью он сейчас улыбался, какой далекой и нелепой казалась ему ночная сцена. Он весело водил помазком по подбородку. «И при всем при том что-то было. Как будто кто-то еще меня слушал. Я прекрасно помню. И за столом... Привиделось? Да нет, дело, пожалуй, нешуточное». Но сейчас столько света было в комнате, столько надежности в белых стенах, в клочке

ясного неба, пойманного зеркалом, в ощущении душистой мыльной пены на щеках...

Г-н Назарие аккуратно укрепил бритву; каждый жест доставлял ему удовольствие, прикосновение к каждому предмету. Он начал бриться, глядясь в зеркало, вытянув губы трубочкой и пытаясь придать этой гримасе изящество, чтобы не повредить симметрии лица.

Утро г-н Назарие провел, гуляя по полям без определенной цели. Мыслями он был далек от протоистории. Впрочем, никаких надежд на сколько-нибудь удачные раскопки он и не питал — слишком монотонны были здешние просторы. К северу от усадьбы, ближе к селу, правда, начинались курганы, но г-н Назарие намеренно пошел в противоположную сторону, в поля, еще не тронутые зябью. Ни облачка, ни тени не набегало на небо, сколько хватало глаз, и все же солнце не утомляло своим светом, неизвестные птицы взметывались вверх, верещали кузнечики и сверчки: тишина великая, но живая, незастойная. Даже шум человеческих шагов вливался в эту мелодичную смесь мелких звуков, которые и были безмолвием и пустотой равнины. «Знаменитая мунтянская степь, — думал г-н Назарие. — Еще две-три недели — и все, конец каникулам. Бухарест, студенты, экзамены, рабочий кабинет. Хорошо бы хоть в Бэлэноае довести дело до конца...»

Он вернулся в усадьбу за несколько минут до назначенного для обеда часа. В парке встретил Симину, она гуляла одна.

— Добрый день, деточка, — сердечно поздоровался профессор.

— Добрый день, господин профессор, — улыбаясь, ответила Симина. — Вы хорошо спали?.. Мама вас тоже об этом спросит, но я хотела бы узнать первая...

Ее улыбка незаметно перешла в короткий смешок. Профессор смотрел и не мог отвести глаз от ослепительно хорошенького личика. Как дорогая кукла: такая безупречная красота, что кажется искусственной. И зубки слишком белы, и слишком черны кудри, и ротик ал до неправдоподобия.

— Превосходно спал, деточка, — сказал г-н Назарие, подходя к ней поближе и протягивая руку погладить ее по головке.

Дитя и впрямь было дивное, но он вдруг почувствовал, что не посмеет ее погладить, она отталкивала своей улыбочкой, и он конфузливо убрал руку. Нет, Симина уже не дитя. Девять лет, так было сказано вчера вечером, но сколько женственности в походке, сколько грации в мягких, округлых жестах.

— А вы не отрывали господина художника от работы сегодня ночью? — лукаво спросила Симина, чуть сморщив лобик.

Г-н Назарие даже не попытался скрыть удивление. Напротив, он обрадовался случаю показать, что попался на Симинину хитрость, и так скорее завоевать ее дружбу.

— Откуда же ты знаешь, что я был ночью у господина художника?

— Ниоткуда, я это придумала!

Она рассмеялась. Профессор стоял перед ней, большой и неловкий. Симина сделала серьезное лицо.

— Всегда, когда у нас двое гостей, они собираются вместе, — сказала она. — Комната господина художника самая лучшая. Туда обычно все и приходят...

Она не договорила, вернула на лицо победоносную усмешку и, подавшись к г-ну Назарие, шепотом продолжила:

— Но я думаю, что это нехорошо. Ведь господин художник работает. Он должен

быть один по ночам...

При последних словах ее лицо потеряло улыбку, стало суровым, холодным, приказывающим. Профессор совсем смешался.

— Конечно, конечно, — промямлил он. — Один раз это случилось, но больше не повторится...

Симина взглянула ему в глаза, чересчур пристально, если не сказать дерзко, и, не прибавив ни слова, крутанулась на каблуках прямо перед его носом и зашагала в парк.

«Кажется, она знает что-то, чего не знаю я, — подумал г-н Назарие. — Уж не готовится ли заговор против Егора? Свидания по ночам в парке, романтические прогулки — этим обычно начинается... Симина, без сомнения, конфидентка».

Г-н Назарие зашел к себе в комнату помыть руки перед обедом. «Но довольно глупо посвящать в такие вещи ребенка, — думал он. — Да еще столь чувствительного, как Симина...»

Он поспешно спустился вниз и направился прямо в столовую. Уже прозвучал гонг. А его осведомили об этом домашнем обычае: через пять минут после гонга подают обед, сколько бы персон ни собралось. В столовой все были на местах, кроме Симины.

— Как вы почивали, господин профессор? — встретила его г-жа Моску.

Сегодня она выглядела пободрее. Или это дымчатое платье с бледно-розовым воротником ее молодило, — но она была свежа, оживлена, открытые руки так и порхали над столом.

— Кажется, вы хорошо выспались, — обронила Санда, пытаясь скрыть удивление.

Экономка встала в дверях, руки за спину, глядя в пол, как будто ждала распоряжений, а на самом деле жадно слушая, что ответит профессор.

— Я спал как нельзя лучше, — ответил г-н Назарие. — Сначала, правда, не мог заснуть, но господин Пашкевич был так любезен...

Он обернул лицо к Егору. Тот улыбался, поигрывая ножом. «Неужели он все им рассказал? — подумал г-н Назарие. — И про вчерашние возлияния, и, может быть, другие интересные вещи про меня...»

— Да господин Пашкевич вам, наверное, уже рассказал, — закончил он.

— Право, не знаю, что бы я мог рассказать, — возразил Егор.

Только тогда г-н Назарие смекнул, что Егор не стал бы, постеснялся бы рассказывать, как они вчера полуночничали. Конечно, сейчас вся эта чертовщина кажется такой далекой, такой нелепой... но все же другим о ней знать ни к чему. Он посмотрел Егору в глаза. Тот делал вид, что ничего не понимает и не помнит. «Да, ему тоже стыдно, — подумал г-н Назарие. — Как и мне».

Тут в столовую быстрым шагом вошла Симина и уселась по левую руку от г-жи Моску, сначала по кругу бегло оглядев присутствующих.

— Где вы гуляете, барышня? — обратился к ней Егор.

— Я ходила посмотреть, не пришли ли письма...

Санда покачала головой. Надо будет все-таки сделать ей замечание. Не при гостях, конечно, но все же надо будет ее как-нибудь отчитать за это пристрастие к бессмысленному вранью...

Она в испуге подняла глаза от тарелки. Кто-то ел с таким аппетитом, что в буквальном смысле за ушами трещало, — и этот звук стал преобладать в комнате. В наступившей неестественной тишине слышалась только работа челюстей. Это кушала г-жа Моску. Санда обомлела. Г-жа Моску часто забывалась во время обеда и переставала скрывать свой аппетит, но таких вершин прожорливости еще никогда не достигала. Никто не смел произнести ни слова, все в оторопи сидели и слушали.

— Maman! — крикнула ей Санда.

Г-жа Моску продолжала уписывать жаркое, низко опустив голову над тарелкой. Г-н Назарие в ужасе косился на нее, Егор делал вид, что ничего не замечает. Санда подалась вперед и еще раз окликнула мать, снова безрезультатно. «Ей станет дурно!» — в отчаянии думала Санда. Тогда Симина как ни в чем не бывало положила ручку на плечо г-жи Моску и тихо сказала:

— Я видела во сне тетю Кристину, мамочка.

Г-жа Моску тут же перестала жевать.

— Представь, и я вижу ее уже несколько ночей подряд. Такие удивительные сны!

Она деликатно сложила вилку и нож на краю тарелки и подняла голову. Г-н Назарие замер в предчувствии этого жеста: он боялся взглянуть в лицо только что очнувшейся от странного припадка женщины (иначе как потерей сознания он не мог объяснить то варварство, с каким она ела несколько минут назад), и для него полной неожиданностью было встретить на этом лице выражение покоя и внимания. Г-жа Моску, вне всякого сомнения, не отдавала отчета в своих недавних действиях и ничего не помнила.

— Вы будете надо мной смеяться, господин профессор, — заговорила она, — но я все равно вам признаюсь, что сны для меня — иной, лучший мир.

— Нисколько не буду смеяться, сударыня, — поспешил заверить ее г-н Назарие.

— Мама понимает под этим что-то свое, — вмешалась Санда, счастливая, что так легко удалось выйти из неловкой ситуации. — Во всяком случае, «иной мир» не в прямом смысле.

— Мне было бы очень интересно послушать, — подхватил г-н Назарие. — Предмет презанимательный.

Г-жа Моску с готовностью закивала.

— Да, да, мы как-нибудь об этом побеседуем. Но не теперь, конечно. — Она живо обернулась к Симине. — Как ты ее видела, моя девочка?

— Она пришла ко мне, села на мою кроватку и сказала: «Ты одна меня любишь, Симина!» Она была в розовом платье, с кружевным зонтиком...

— Да, она всегда так приходит, — в волнении прошептала г-жа Моску.

— Потом она сказала про Санду, — продолжала Симина. — «Санда меня совсем забыла. Она теперь взрослая барышня». Прямо так и сказала. И мне показалось, что она плачет. Потом попросила мою руку и поцеловала ее.

— Да, да, так, — шептала г-жа Моску. — Она непременно целует твою руку или плечо...

Все молча слушали. Санда саркастически улыбалась, поглядывая на сестру. «Нет, надо ее отучить раз и навсегда от этой дурной привычки», — думала она с нарастающим гневом и наконец взорвалась:

— Зачем ты лжешь, Симина? Я уверена, что никто тебе не снился, никакая тетя

Кристина.

— Я не лгу, — твердо возразила Симина. — Она правда со мной говорила. И что про тебя сказала, я очень хорошо помню: «Санда меня совсем забыла». И у нее были слезы на глазах, я видела...

— Лжешь! — ожесточенно повторила Санда. — Ничего ты не видела!

Симина смело, по своему обыкновению, выдержала взгляд сестры, потом ее ротик сложился в ироническую улыбку.

— Ну, пусть будет «не видела», — сказала она спокойно и отвернулась к матери.

Санда кусала губы. Еще и дерзкая стала, девчонка, даже гостей не стесняется. Она вдруг по-новому взглянула на Егора, и ее захлестнуло теплом. Как хорошо, что она не одна, что рядом есть человек, на чью любовь и поддержку она может рассчитывать.

— Но откуда же девочка знает тетю Кристину? — нарушил молчание за столом г-н Назарие. — Ведь она, сколько я понял, умерла молодой...

Г-жа Моску встрепенулась. Профессор еще не видел ее в таком воодушевлении. Наплыв волнующих, рвущихся наружу воспоминаний даже стер с ее лица неизменную улыбку. Егор не без удивления и не без опаски наблюдал, как загораются неестественным блеском, превращаются в налитые влагой линзы ее глаза.

— Кристину никто из них не знал, — начала г-жа Моску, глубоко переведя дух. — Ни Санда, ни Симина. Санда родилась в первый год войны, девять лет спустя после Кристининой смерти... Но у нас есть портрет Кристины в натуральную величину, кисти самого Мири. Дети знают ее по портрету...

Она вдруг умолкла, склонив голову. Но г-н Назарие, чувствуя, что новое молчание было бы сейчас невыносимым, настойчиво повторил:

— И она умерла молодой?

— Ей было всего двадцать лет, — Санда постаралась опередить мать с ответом. — Она была лет на семь старше мамы.

Но г-жа Моску не заметила ее вмешательства. Затихающим, гаснущим голосом, словно впадая в очередной приступ изнеможения, она продолжала:

— Кристина умерла вместо меня, несчастная. Нас с братом отослали в Каракал, а она осталась. Это было в девятьсот седьмом. И ее убили...

— Здесь? — с невольным нажимом спросил г-н Назарие.

— Она переехала сюда из своей Бэлэноайи, — опять вступила Санда. — Имение тогда, до экспроприации, было гораздо больше, как вы понимаете... Но это не укладывается в голове... Потому что крестьяне так ее любили...

Егору вдруг стало не по себе. Он уже раз слышал эту историю, эту, да не совсем. Некоторые детали упоминались при нем впервые, о других — не в пример важнее — кажется, говорить не собирались. Он попытался взглянуть Санде в глаза, но та, как будто не желая развития темы, поспешила объявить:

— Кофе на веранде, господа!

— Представляю, какой это был тяжелый удар для вас, — счел нужным выразить свое соболезнование хозяйке г-н Назарие.

В ответ г-жа Моску радушно закивала головой, словно принимая обычные слова вежливости, с какими гостям надлежит подниматься из-за стола.

Кофе накрыли на веранде. Сентябрьский день был особенно прозрачен, небо неправдоподобно синело и деревья застыли, будто были задуманы неподвижными от сотворения мира.

«Пора», — сказал себе Егор. И когда на пороге столовой Санда оказалась совсем близко, он непринужденно взял ее под руку. Она была податлива, он уловил ее волнение, нетерпеливую дрожь тела — все шло как надо. Правда, миг спустя она отпрянула, но даже в этом жесте Егор предпочел усмотреть надежду. Теперь предстояло ее разговорить. Взяв чашечку кофе, он начал:

— Чем занимается Санда после обеда?

— Хочу попросить у господина художника позволения посмотреть, как он будет работать в парке.

Егор хотел было отшутиться, но увидел подле суровое лицо Симины, ее напряженный взгляд, девочка словно пыталась понять, что тут происходит без ее ведома.

— Господин Пашкевич, — раздался голос хозяйки дома. — Не хотите ли взглянуть на портрет Кристины? Говорят, это лучшая работа Мири.

— Если у Мири вообще может быть что-нибудь хорошее, — иронически заметил художник.

— Вы же не видели, а говорите! — обиженно возразила Санда. — Я уверена, что вам понравится.

Ее горячность озадачила Егора. Он стоял с чашкой в руках между двумя сестрами и потерянно думал: «Черт меня дернул за язык. Если хочешь завоевать помещичью дочку, держи при себе свой снобизм. Кроме эстетических, есть и другие мерки...»

— Даже посредственный художник способен создать шедевр, если сумеет хоть раз в жизни возвыситься над собой, — нравоучительно изрек г-н Назарие.

— Миря был великий художник, — сказала г-жа Моску. — Миря — вершина румынского искусства. Отечество вправе им гордиться...

Г-н Назарие смешался и покраснел. А г-жа Моску в волнении поднялась и слабым мановением руки пригласила всех за собой. Ничуть не спокойнее были Санда с Симиной.

«Все, что касается этой злополучной Кристины, для них просто свято, — думал Егор. — Пожалуй, это говорит об их незаурядности. Причислить обожаемую покойницу к лику святых и поклоняться — пусть самой тривиальной иконе... Да, Санда — чудо. Так любить и так чтить тетушку, которую никогда не знала!» Даже и маленькую Симину Егор теперь мысленно извинял. «Вот кто поистине избранницы, элита, я рядом с ними просто чурбан».

— Простите, тут неприбрано, — сказала Санда, отворяя массивную белую дверь. — Мы в эту гостиную редко заходим...

Оправдание было уместным. На них пахнуло сухой медуницей, застоявшимся, стылым воздухом — прохладой томительной, искусственной. Егор поискал глазами товарища. Г-н Назарие не смел дохнуть от скромности и старался держаться как можно незаметнее. Следом, замыкающей, шла Симина. Торжественное волнение придавало ей женскую бледность, неестественную для детского личика. «Нет, какие в самом деле чуткие натуры», — еще раз подумал Егор.

— Девица Кристина! — представила г-жа Моску. — Всеобщая любимица...

Профессор почувствовал, как ужас взял его когтями под ребра. Девица Кристина смотрела прямо ему в глаза с портрета Мири и улыбалась. Это была очень юная

девушка с черными локонами до плеч, в длинном платье с высокой и тонкой талией.

— Что скажете, господин художник? — спросила Санда.

Егор остановился поодаль, силясь разобраться, откуда этот наплыв щемящей грусти, что такого в этой девушке, которая смотрит ему в глаза, улыбаясь, как знакомому, будто именно его она выбрала из всей группы, чтобы посвятить в свое бесконечное одиночество. Тоска была на дне ее глаз. Напрасно она пыталась улыбаться, напрасно поигрывала голубым зонтиком и потихоньку ото всех ломала бровь, как бы приглашая его посмеяться вместе с ней над огромной, перегруженной цветами шляпой, которую она, конечно, терпеть не может, но мама велела: «Барышне не полагается позировать неглиже». Девица Кристина изнывала от этого стояния. «Она предчувствовала, что скоро умрет?» — спрашивал себя Егор.

— Значит, нравится, — торжествующе заключила Санда. — Раз молчите, значит, нравится.

— С такой моделью и не создать шедевра... — тихо проронил Егор.

У Кристины лукаво блеснули глаза. Егор потер лоб. Какой все-таки странный запах в этой комнате. Уж не ее ли это комната? Он скосил глаза в сторону. Санда сказала: гостиная, но там, в углу, стоит большая белая кровать под пологом. Он снова вскинул глаза на портрет. Девица Кристина ловила каждое его движение. Егор легко читал в ее глазах: она заметила, что он обнаружил кровать, и не покраснела. Напротив, встретила его взгляд даже несколько вызывающе. «Да, это моя спальня и там моя постель, моя девичья постель», — как будто говорили ее глаза.

— А господин профессор что скажет? — прозвучал голос Санды.

Г-н Назарие все это время простоял в оцепенении, не в силах стряхнуть накативший на него ужас: ему показалось, он снова видит призрак, туманную фигуру, давеча в столовой вставшую за креслом г-жи Моску. Он очнулся, лишь когда поймал на себе подозрительный, испытующий взгляд Симины.

— По-моему, великолепная работа, — решительно произнес он.

Он вдруг успокоился. Неестественный покой, как пролог к полному бесчувствию, установился в душе. Странно пахло в этой комнате: не смертью и не погребальными цветами, а как бы остановленной юностью, остановленной и хранимой здесь, в четырех стенах.

Чьи-то давние-давние младые лета. Словно бы и солнце не бывало в этой комнате, и время не искрошило ничего. Ничего здесь не изменилось, не обновилось с тех пор, как умерла девица Кристина. Этот запах — запах ее юности, чудом сохранившееся веяние ее духов, тепло ее кожи. Каким-то образом г-н Назарие понимал теперь эти бесконечно далекие от него мелочи. Он сам удивлялся той легкости, с какой он их понимал и принимал.

— Великолепно, ничего не скажешь, — повторил он, решаясь еще раз поднять глаза на портрет.

Нет, это не тот давешний призрак. Хотя сходство есть. На девицу Кристину можно смотреть спокойно. Она напугала его только в первую секунду. Кристина очень похожа на г-жу Моску, и на Симину. А ему померещилось. От той, другой, исходил леденящий ужас, в портрете ничего такого нет. Дух комнаты, ее печаль и безнадежность идут от чего-то иного и по-иному говорят душе.

— Я бы хотел как-нибудь написать ее, — сказал Егор. — Не копию сделать с портрета, а написать по-своему...

Санда в испуге дернула его за рукав, шепнула:

— Тсс! Не дай Бог, мама услышит.

Егор не понижал голоса, но г-жа Моску, опустившаяся в зачехленное белым холстом кресло, ничего, по своему обыкновению, не слышала. Она блуждала глазами по комнате. По-особому пульсировала здесь жизнь. Сюда она прибегала мыслью, хотя не в это конкретное пространство, не в это настоящее время. Егор взглянул на нее через плечо и понял: г-жа Моску постоянно возвращается сюда, в эту комнату, но в происшествия той поры.

— …Слава Богу, не услышала, а то бы ей на самом деле стало плохо, — все так же шепотом продолжала Санда. — Она редко кого сюда приводит. Для вас сделано исключение. И потом, вы не знаете одной вещи…

Но рядом уже возникла Симина. Г-н Назарие тоже направлялся к ним, вероятно, предполагая, что уже прилично покинуть комнату.

— А тете Кристине понравилось бы, если бы ее еще раз нарисовали, — сказала Симина. — С чего ты взяла, что мама не захочет?!

— Ты, конечно, больше всех знаешь, Симина, — отрезала Санда, смерив девочку строгим взглядом, и, повернувшись к ней спиной, позвала г-жу Моску:

— Maman, довольно уж! Пора идти…

— Может быть, ты оставишь меня еще на минутку? — попросила та.

Санда протестующе помотала головой.

— С Симиной… — просила г-жа Моску.

— С ней тем более. — Санда сгладила свой отказ улыбкой и взяла мать под руку. За ними, избегая смотреть друг на друга, двинулись Егор и г-н Назарие. На веранде Егор закурил, сначала предложив портсигар профессору. Тот отказался, усмехнувшись, и тихо проговорил:

— Нет, дорогой маэстро, по-моему, это не то…

Тут к ним подошла Санда. Суровое педагогическое выражение улетучилось с ее лица. Санда снова была кокетливой и весьма снисходительной барышней.

— Мы готовы к трудам, господин художник? — проворковала она.

Профессор был рад случаю ретироваться в столь подходящий момент.

IV

В тот день после обеда Егор ничего не наработал. Он долго таскал этюдник по парку, примерялся к разным живописным уголкам, но в конце концов сложил свои орудия производства в корнях старого вяза и предложил Санде просто прогуляться.

— В такой денек грех работать, — сказал он в свое оправдание. Потом спросил, много ли она знает стихов про осень. Спросил, как на экзамене, и пришлось выслушать целый концерт. Он-то хотел поскорее сменить тон на интимный, может быть, перейти к признаниям, стихи — хорошая прелюдия к любви, особенно когда вокруг такая осень, настраивающая на возвышенный лад. А получился перебор. Время уходило. Надо было сдвинуться с места. И он решил обратиться к Санде на «ты»:

— Кстати, Санда, что ты думаешь о профессоре Назарие?

— Я думаю, он себе на уме, — сдержанно ответила Санда, как бы пропустив мимо ушей фамильярность обращения. — Вы заметили, как он часто меняется в лице? Не поймешь, какое оно у него на самом деле.

Егор засмеялся. Его действительно позабавил этот ответ. И, кроме того, они спустились с небес на землю — теперь уместны были и шутки, и флирт. В конце аллеи он обнял Санду за талию. Но она — наверное, чтобы позлить, — назвала его «господин художник».

Пора было идти к вечернему чаю. У крыльца вышагивала взад и вперед, поджидая их, Симина. Г-жа Моску читала на веранде французский роман. Г-н Назарие заранее предупредил, что будет только к ужину. Он ушел осматривать курганы.

Чаепитие прошло в молчании, только Санда с Егором изредка перебрасывались словом. Симина казалась чем-то озабоченной. Она первая встала из-за стола, прежде сложив салфетку и подобрав со скатерти крошки на тарелочку.

— Ты куда, Симина? — спросила Санда.

— К кормилице, — бросила девочка уже с порога, не оборачиваясь.

Проследив глазами, пока та не скрылась за деревьями, Санда строго обратилась к матери:

— Мне совсем не нравится эта дружба. Кормилица девочке только голову забивает...

— Да, да, я ей столько раз говорила... — оправдывалась г-жа Моску.

— Чем же она забивает ей голову? — поинтересовался Егор.

— Бог знает какими нелепыми сказками, — раздраженно ответила Санда.

— Но ей положено жить в окружении сказок, в девять-то лет, — заметил Егор. — Самое время для фольклора.

Санда поморщилась с досадой. Она многое могла бы возразить, но ограничилась одной фразой:

— Это довольно странный фольклор — кормилицыны сказки.

Насколько странен этот фольклор, Егор смог убедиться в тот же вечер. Он пошел на прогулку вокруг парка смотреть заход солнца. Прислонясь к акации на опушке, он наблюдал, как западает за край поля пылающий шар, «далеко и недалёко»... Присказка вспомнилась кстати. «Лучше, чем в том народном стишке, про закат в степи не скажешь. И как все на миг замирает, когда падает солнце, и как чудно

потом одушевляется тишина... Комары только тут ни к чему!» — думал Егор, закуривая в целях самозащиты.

Но душистая прохлада, пахнущая пылью и травами, отнимала всякий вкус у сигареты. Он бросил ее на дорогу и, войдя в парк через боковую калитку, не спеша пошел к усадьбе. Слева тянулись домишки, хозяйственные постройки, огороды. Егор спрашивал себя, кто присматривает за всем этим, кто ведет дела, платит слугам, продает урожай. Муж г-жи Моску несколько лет как умер, золовка живет в другом конце страны, в своем имении. Может быть, все-таки управляющий, который был еще при муже?

В окнах зажигались лампы. «Там кухни и комнаты прислуги», — определил Егор, проходя мимо ряда белых, прилепившихся друг к другу мазанок с низкими заваленками. Сновали женщины, дети пугливо таращились на барина. По-деревенски пахло сеном, скотиной, молоком. «Ночь будет великолепная», — подумал Егор, запрокидывая голову к высокому прозрачному небу.

— А собак вы не боитесь?

Голосок Симины прозвучал так неожиданно, что Егор сбился с шага. «Как же она подкралась ко мне, что я не заметил?»

— А тебе не страшно одной тут расхаживать?

— Я была у кормилицы, — спокойно объяснила Симина.

— До сих пор?

— У кормилицы были дела, а я просто сидела...

— И слушала ее сказки, да?

Симина постно улыбнулась. Отцепила репейник с подола платьица, разгладила складочки, весьма искусно медля с ответом.

— Это вам Санда наговорила. Да, слушала. Кормилица рассказывает мне каждый день по сказке. Она их много знает...

— Сегодня была очень длинная сказка, если ты только сейчас идешь домой, — заметил Егор.

Симина снова улыбнулась с той же поддельной кротостью. Встретясь с ней глазами, Егор испытал неприятное чувство, что его заманивают в ловушку, что тут работает ум хитрый и острый, никак не детский.

— Сказка была короткая, — ответила Симина. — Но кормилица выдавала жалованье людям, потому что это она у нас всегда выдает жалованье...

Последние слова она проговорила особенно четко, с расстановкой, как будто знала, о чем он думал по дороге к усадьбе, и решила между делом прояснить его недоумения. Егор даже растерялся. Эта девочка угадывала его мысли, просто-напросто читала их. Как тонко она подчеркнула последние слова, а потом — пауза, глазки долу...

— Короткая сказка, совсем коротенькая, — дразнила она.

Конечно, она подстрекала его, ждала, что он попросит ее рассказать сказку. Все в Егоре противилось, хотя он не понимал, в чем тут искушение. Симина томительно молчала, выжидая, замедляя шаг.

— Ну, расскажи, — сдался наконец Егор.

— Это сказка про пастушьего сына, который полюбил мертвую принцессу, — тихо произнесла Симина.

Слова так дико прозвучали из детских уст, что Егора передернуло.

— Какая скверная, какая глупая сказка! — Он не скрывал возмущения. — Нет, Санда была права.

Симину нисколько не смутила эта вспышка. Она дала его возмущению улечься, потом, не повышая голоса, продолжала:

— Такая уж сказка. Такой жребий выпал пастушьему сыну.

— Ты знаешь, что такое жребий? — удивился Егор.

— Жребий, доля или судьба, — отчеканила Симина, как на уроке. — Каждый человек рождается под своей звездой, у каждого — свое счастье. Вот...

— Смотри какая умная! — с улыбкой заметил Егор.

— Жил-был пастух, и был у него сын, — затараторила Симина, не давая ему больше перебивать себя. — И когда он родился, феи-вещуньи предсказали: «Ты полюбишь мертвую принцессу!» Его мама, как услышала, стала плакать. И тогда другая фея, их было вообще три, сжалилась над ее горем и сказала: «И принцесса тебя тоже полюбит!»

— Ты непременно хочешь дорассказать мне эту сказку до конца? — не выдержал Егор.

Взгляд девочки выразил недоумение — невинный и в то же время холодный, обдающий презрением взгляд.

— Вы же сами меня попросили...

И Симина надолго смолкла, подавляя его молчанием. Они находились на середине главной аллеи. Сзади, уже вдалеке, поблекивали огоньки дворовых построек. Впереди, в потускневшем от сумерек воздухе, вырастало серое пятно усадьбы.

— А другую сказку, повеселее, ты не знаешь? — спросил Егор, чтобы нарушить молчание. — Например, ту, что кормилица рассказывала тебе вчера или позавчера...

Симина глубоко вздохнула и остановилась, как-то нарочито повернувшись спиной к громаде господского дома. Странное напряжение появилось в посадке ее головы.

— Вчерашняя сказка очень длинная, — проговорила она. — А позавчерашняя вовсе не сказка, а настоящее происшествие. С девицей Кристиной...

У Егора мороз прошел по коже. Темнота внезапно пала здесь, среди деревьев, где Симина решила остановиться. Ее глаза засверкали, зрачки расширились, шея неестественно напряглась. А этот зловещий голос! Да, она была мастерицей выделить слово, вложить в него смысл, ей угодный, каленым железом выжечь его в твоем сердце.

— Что еще за «девица»? — сорвался Егор. — До сих пор ты звала ее тетей, она ведь тебе доводится тетей...

— Она меня попросила не называть ее так, а то она себя чувствует старой...

Егор с трудом взял себя в руки; его так и подмывало обрушить ярость на эту маленькую бестию, которая врет ему с таким дьявольским бесстыдством.

— Кто тебя попросил? Как может тебя попросить кто-то, кто тридцать лет назад умер?!

Голос у него был грозный и взгляд суровый, но Симина заулыбалась: столько удовольствия доставлял ей гнев мужчины, такого большого и сильного человека,

гнев, который вызывала она, пигалица неполных десяти лет...

— Она меня попросила сегодня ночью, во сне...

Егор на секунду заколебался. Но ему хотелось дойти до конца, понять, что скрывается в головке этого пугающего своими повадками чада.

— И все же сегодня, у портрета, — сказал он, — я слышал, как ты назвала ее тетей Кристиной.

— Неправда, — твердо отрезала Симина. — Сегодня я не говорила «тетя Кристина».

Ее уверенность заставила Егора усомниться в своей правоте. Но какая непререкаемая уверенность и какая победоносная усмешка! Надо будет поговорить с Сандой, а может быть, и с госпожой Моску. Он вдруг осознал нелепость ситуации: стоит тут, в темноте, посреди аллеи, меряясь силой с ребенком, — и решил тронуться с места, потому что Симина идти к дому явно не собиралась. Но при первом же его движении девочка с криком вцепилась в него. Сам испугавшись, он взял ее на руки. Симина приложила ладошки к Егоровым щекам, отворачивая его лицо от дома.

— Мне показалось, что за нами кто-то идет, — прошептала она, кивая в ту сторону парка, откуда они пришли. Егор покорно смотрел в темноту и смотрел долго, чтобы ее успокоить.

— Никого там нет, девочка, — уговаривал он ее. — Ты просто трусиха. И немудрено, если ты каждый день слушаешь глупые сказки.

Он держал ее на руках, ласково прижимая к себе. Как странно — сердечко ее не трепыхалось от волнения и тельце было спокойное, теплое, податливое. Никакой дрожи, ни капельки пота. И личико ясное, довольное. Егор вдруг понял, что его надули, что Симина притворилась испуганной и вцепилась в него, чтобы помешать ему повернуть голову к дому. Когда он это понял, его пронизало яростью вперемежку с ужасом. Симина тут же почувствовала, как напряглись его мышцы, как изменился пульс.

— Пустите меня, пожалуйста, — кротко попросила она. — Уже все прошло...

— Зачем ты мне соврала, Симина? — в исступлении прорычал Егор. — Ведь ты ничего не видела, а? Ничего — по крайней мере там...

Он вскинул было руку, указывая на недра парка, но рука дрожала, и он поспешно ее опустил. Однако не так быстро, чтобы Симина не заметила этой слабости. Она смотрела на него с усмешкой и не отвечала.

— Может быть, ты увидела что-то в другой стороне... — продолжал Егор.

Но обернуться на дом он все же не посмел и не посмел сопроводить свои слова взмахом руки. Он по-прежнему стоял к усадьбе боком, вконец обескураженный тем, что Симина, по-видимому, угадывала самые тайные его страхи и сомнения.

— ...что-то, чего ты не хотела, чтобы видел я, — через силу добавил он.

Ему стало по-настоящему жутко. Симина стояла перед ним, руки за спину, и кусала губы, чтобы не расхохотаться. Это почти открытое издевательство никак не могло развеять необъяснимого ужаса, который его обуял.

— Можете не бояться, обернитесь, — сказала Симина, вытягивая ручку в сторону дома. — Вы ведь мужчина, вам нельзя бояться... Не то что мне, — прибавила она, потупясь.

И вдруг резко двинулась к дому. Егор потащился следом, стиснув зубы, дыша часто, неровно.

— Я на тебя, Симина, пожалуюсь, так и знай, — пригрозил он.

— А я так и знала, господин художник, — не повернув головы, отозвалась Симина. — Извините, что я попросилась к вам на руки, это от испуга. Мама меня не похвалит за такую невоспитанность. Вы будете правы, если пожалуетесь...

Егор схватил ее за руку и дернул к себе. Девочка поддалась без всякого сопротивления.

— Ты прекрасно знаешь, что речь не о том, — наклонясь к ней, проговорил он отчетливо.

Но о чем, ему самому трудно было бы сказать. Он знал одно: Симина вовсе не испугалась и принудила его смотреть в другую сторону, чтобы он не увидел того, что увидела она. Вот только почему она не испугалась?

— ...Да, правда, глупо получилось, — сказала Симина.

Они были уже у веранды. В другой раз Егор поднялся бы к себе — помыть руки перед едой, но сейчас он отказался от столь долгой процедуры, а зашел в каморку при столовой, где тоже был умывальник. На пороге его встретил, словно поджидая, г-н Назарие.

— Если вы свободны после ужина, давайте пройдемся, — предложил он. — Я расскажу вам кое-какие любопытные вещи — меня просветили сегодня в селе.

— Я тоже припас для вас кое-что интересное, — с улыбкой подхватил Егор.

Ужас и ярость, испытанные им в парке, как рукой сняло. Он даже сожалел, что не сумел овладеть собой при ребенке. «С Симиной дело серьезное, — сказал он себе, — с ней надо держать ухо востро». Но не эти резонные мысли его успокоили, а свет, который он нашел в доме, присутствие нормальных живых людей.

Сели за стол. Егор время от времени поглядывал на Симину, каждый раз встречая те же невинные глаза, ту же хорошо маскируемую самонадеянность. «Думает, я не пожалуюсь, не выдам ее». Он лелеял свой сюрприз. Санда сидела рядом с ним, он заметил, что вид у нее усталый.

— Мне что-то сегодня нездоровится, — объяснила она.

Г-н Назарие разглагольствовал о курганах, о своих наблюдениях и о том, как трудно вести раскопки наугад. Однако говорил он без прежнего пыла и энтузиазма, как будто просто считал нужным отчитаться о проведенном дне и боялся молчания за столом.

— А знаете, Симина рассказала мне сказку, которую только что услышала от кормилицы... — вклинился в паузу Егор.

Санда густо покраснела и обернулась к сестре.

— Только что? Но кормилица после обеда уехала в Джурджу за покупками и еще не вернулась, я сама недавно о ней справлялась, — сказала она возмущенно. — Симина, тебя придется наказать, и строго.

Егор не знал, на кого ему смотреть. Даже г-жа Моску очнулась от своего обычного забытья.

— Так как же с сегодняшней сказкой, барышня? — со злорадством спросил наконец Егор, ощущая, какое это сладострастное удовольствие — мстить ребенку, мучить его, когда он в твоей власти.

Однако взгляд Симины обдал его таким презрением, что в нем снова вспыхнула ярость.

— Эту сказку я знаю давно, — вежливо ответила Симина.

— Зачем же тогда это бессмысленное вранье? Зачем? — допытывалась Санда.

— Отвечай, не бойся, моя девочка, — вмешалась г-жа Моску. — Не бойся наказания. Если ты ошиблась, скажи смело.

— Не скажу, не могу... — спокойно возразила Симина. — А наказания я не боюсь.

Она смотрела на Санду такими ясными, без малейшего смущения глазами, что та вышла из себя.

— Ты останешься без сладкого и ляжешь спать тотчас же, — объявила она. — Софья тебя отведет.

Симина, казалось, на секунду утратила равновесие: побледнела, поджала губы, взглядом ища поддержки у матери. Но г-жа Моску только растерянно пожала плечами. Тогда к Симине вернулась ее дерзкая усмешка, она встала из-за стола и, пожелав всем спокойной ночи, поцеловав мать в щеку, удалилась.

— Как мне жаль нашу маленькую барышню, — сказал г-н Назарие. — Такое милое дитя... Может быть, не нужно было прибегать к столь строгому наказанию?

— Мне тоже ее жалко, тем более что я знаю ее чувствительность, — отвечала Санда. — Но надо отучить ее от этой привычки лгать, причем без всякой причины...

Г-жа Моску одобрила ее кивком головы. Все же сцена произвела на нее тягостное впечатление, и она до конца трапезы замкнулась в молчании.

— Убедились теперь, что за сказки она слушает, — тихо сказала Егору Санда.

Егор брезгливо передернул плечами. Однако он не был уверен, что Санда в полной мере понимает, как обстоят дела с ее младшей сестрой.

— Что самое серьезное, — начал он, — мне кажется, не все ее сказки идут от кормилицы. — Многие она придумывает сама...

И тут же понял, что совершил промах: Санда вскинула на него глаза, и в них были лед и суровость.

V

Оставшись одни, Егор с г-ном Назарие направились к воротам. Довольно долго они шли молча, потом г-н Назарие решился:

— Вы не сочтете меня бестактным, если я позволю себе задать вам один деликатный вопрос?.. Гм... Вы действительно влюблены в дочь госпожи Моску?

Егор впал в раздумье. Его смутила не столько нескромность вопроса, сколько собственная неуверенность: что ответить. По правде говоря, он и сам не знал, действительно ли он, как подчеркнул г-н Назарие, влюблен в Санду. Да, она ему очень нравилась. Флирт, возможно даже любовная интрига — этому он шел навстречу с радостью. Кроме всего прочего, Санда ценила в нем художника, подогревала его скрытое честолбие. В общем, дать односложный ответ было трудно.

— Я вижу, вы колеблетесь, — сказал г-н Назарие. — Надеюсь, вас не оскорбила моя прямолинейность — мне не хотелось бы толковать ваше молчание в таком смысле... Но если вы не влюблены по-настоящему, я вам советую уехать отсюда немедля. Тогда бы уехал и я, завтра же, может быть, еще до вас...

Егор приостановился, чтобы лучше вникнуть в смысл сказанного.

— Случилось что-то серьезное? — спросил он вполголоса.

— Пока нет. Но мне не нравится этот дом, очень не нравится. Проклятое место, это я почувствовал с первого же вечера. Нездоровое место, хоть они и насадили тут вязов с акациями...

Егор рассмеялся.

— Ну, это не причина, — сказал он. — Можно спокойно закурить.

Г-н Назарие с видимым волнением следил за его движениями.

— Вот и сигарета могла бы вам кое-что напомнить. Вы забыли — прошлой ночью, у вас в комнате?..

— Да, как-то совсем забыл. Если бы не одно сегодняшнее происшествие... Могу вам рассказать...

— Я вижу, вы все-таки влюблены и уезжать вам не хочется. Что ж, дело ваше. Но я подозреваю, что вам будет трудно, очень трудно... Вы по крайней мере верите в Бога, молитесь Пресвятой Деве на ночь, осеняете себя крестным знамением, прежде чем лечь в постель?

— Не имею такой привычки.

— Тем хуже, тем хуже. Хотя бы к этому надо себя приучить...

— Да что же такого, в конце концов, вам наговорили в селе?

— Разного... Я ведь и сам чувствую, как на меня давит этот дом, а я никогда не обманываюсь. Нет, правда, я не набиваю себе цену, мне можно доверять в таких вещах. Я долго жил один, в глуши, еще до того, как занялся раскопками. И вообще я, можно сказать, крестьянский сын. Мой отец служил жандармом под Чульницей. Вы не смотрите, что у меня лысина и кабинетный вид. Нюх у меня безошибочный. Я ведь тоже в некотором роде поэт. Правда, с лицейских времен стихов больше не писал, но все равно это никуда не ушло...

Егор с изумлением слушал нервное и непоследовательное словоизлияние профессора. Г-н Назарие забрался в такие дебри воспоминаний и утонченных переживаний, из которых выбраться, по мнению Егора, не было никакой надежды.

Речь профессора, вначале разумная и взвешанная, незаметно приобрела горячечные интонации, как будто у него начинался бред, голос осип, дыхание участилось. «Зачем он мне все это говорит? Чтобы оправдать свой отъезд?» — думал Егор и наконец решил вмешаться, произнеся как можно спокойнее:

— Господин профессор, у меня впечатление, что вы чего-то боитесь...

Невольно сделав акцент на неопределенное местоимение, он вдруг снова почувствовал беспричинный, жуткий холодок, пробежавший вдоль позвоночника, как несколько часов назад, с Симиной.

— Да, да, — пробормотал г-н Назарие. — Я боюсь, правда. Но это не имеет никакого значения...

— Полагаю, что все-таки имеет, — сказал Егор. — Мы взрослые люди, и нам не к лицу малодушие. Хочу вас предупредить: я уезжать не намерен.

Ему понравился собственный голос, твердый и бестрепетный, принятое решение придало ему храбрости и веры в себя. «В самом деле, мы же не дети»...

— Не знаю, насколько я влюблен в дочь госпожи Моску, — продолжал он тем же мужественным голосом, — но я приехал сюда на месяц и месяц пробуду. Хотя бы для того, чтобы испытать нервы...

Он засмеялся, хотя и довольно натянуто — слишком уж торжественно прозвучало обещание.

— Браво, юноша, — возбужденно откликнулся г-н Назарие. — Но я все же не настолько напуган, поверьте, чтобы потерять способность к здравому рассуждению. Так вот, рассуждая здраво, я вам не советую оставаться. Добавлю: себе я тоже не советую, хотя остаюсь и я.

— Вот и ладно, а то уехать так, вдруг...

— Но я был бы не первым гостем, который уезжает отсюда через пару дней по приезде, — произнес г-н Назарие, глядя в землю. — Сегодня в селе я узнал весьма странные и весьма страшные вещи, юноша...

— Пожалуйста, не называйте меня «юноша», — перебил его художник. — Зовите Егором.

— Хорошо, буду вас звать Егором, — послушно согласился г-н Назарие и впервые за этот вечер улыбнулся. — Так вот, — начал он, оглянувшись по сторонам, как будто их мог кто-то подслушать, — дело нечистое с этой девицей Кристиной. Красавица не принесла чести своему семейству. Чего только о ней не рассказывают...

— Что ж вы хотите — народ, — сентенциозно изрек Егор.

— Положим, я народ знаю, — возразил г-н Назарие. — Просто так не возникнет легенда, да еще со столь неприглядными подробностями. Потому что подробности, скажу я вам, гнуснее некуда... Можете ли вы себе представить, что эта девица благородного звания заставляла управляющего имением бить плетью крестьян в своем присутствии, бить до крови? Сама срывала с них рубаху... и все прочее. С управляющим она сожительствовала, об этом знало все село. И он стал настоящим зверем, жестокости немыслимой, патологической...

Г-н Назарие смолк, у него язык не поворачивался пересказать все, что он услышал, что боязливым шепотом наговорили ему крестьяне в корчме и потом по дороге, провожая до усадьбы. Особенно вот это: как барышня любила взять цыпленка и живьем свернуть ему шейку... Столько дикостей, кровь стынет в жилах, даже если не всему верить.

— Кто бы мог подумать! — покачав головой, сказал Егор. — По ее внешности никак такого не заподозришь. Но все ли тут правда? За тридцать лет факты наверняка смешались с вымыслом...

— Может быть... Так или иначе, в селе о девице Кристине помнят весьма живо. Ее именем пугают детей. И потом ее смерть... Тут тоже есть над чем задуматься. Ее ведь не крестьяне убили, а тот самый управляющий, с которым она сожительствовала, и не один год. Что за дьявол в ней сидел, скажите на милость, если она уже лет в шестнадцать-семнадцать вступила на скользкую дорожку? Да еще эта склонность к садизму... Так вот, он ее убил из ревности. Начались крестьянские бунты и...

Г-н Назарие снова смолк, в замешательстве. Говорить дальше он не решался — дальше шло нечто совсем несусветное, поистине дьявольское.

— Что, дальше совсем нельзя? — шепотом спросил Егор.

— Да нет, можно, наверное... Только это уже за всякой гранью. Люди говорят, что сошлись крестьяне из окрестных поместий, и она зазывала их по двое к себе в опочивальню — якобы раздавать имущество. Объявила, что хочет, по дарственным, разделить все свое имущество, только бы ее не убивали... А на самом деле отдавалась всем по очереди. Причем сама их завлекала. Принимала их голая, на ковре, по двое, одного за другим. Пока не пришел управляющий и не застрелил ее. И всем рассказал, что это он убил. Потом, когда прислали войска, бунтовщиков частью расстреляли, — и управляющего тоже, — а частью отправили на каторгу, да вы это знаете... Так что прямых свидетелей не осталось. Но до семьи, до родных и до близких друзей правда все равно дошла.

— Немыслимо, — прошептал Егор.

Он нервно достал еще сигарету.

— Такая женщина не может не оставить следа в доме, — продолжал г-н Назарие. — То-то у меня все душа была не на месте, словно что-то давит... А если подумать, что даже тела ее не нашли, похоронить... — добавил он, помявшись, не зная, нужно ли сообщать и эту подробность.

— Сбросили, очевидно, в какой-нибудь пересохший колодец, — предположил Егор. — Или сожгли.

— Сожгли? — задумчиво повторил г-н Назарие. — В народе не очень-то принято сжигать трупы...

Он остановился, напряженно озираясь по сторонам. Парк с его деревьями остался далеко позади. Они были в открытом поле, кое-где распаханном, по краям тонущем в темноте. Вместо горизонта со всех сторон причудливо наступали тени.

— Не самое подходяшее место для разговора о трупах, — заметил Егор.

Г-н Назарие, поеживаясь, сунул руки в карманы. Как будто не слыша Егорова замечания, он то ли додумывал свою мысль, то ли колебался, стоит ли выкладывать все до последнего. Он глотал воздух раскрытым ртом, по своему обыкновению запрокинув голову. На него хорошо, как всегда, действовала ночная прохлада на открытом пространстве, вне кругового плена деревьев и надзора сверху луны.

— В любом случае, — решился он наконец, — девица Кристина исчезла странным образом. Люди говорят, что она стала вампиром...

Он произнес эти слова самым естественным тоном, без дрожи в голосе, все еще глядя в небо. Егор попытался изобразить улыбку.

— Я надеюсь, вы-то сами ни во что такое не верите?

— Я как-то не задумывался, — ответил г-н Назарие. — Не знаю, надо или нет верить в такие страсти, да меня это и не слишком занимает...

Егор поспешно подхватил:

— Вот именно, этого еще не хватало!

Он отдавал себе отчет, что кривит душой, но сейчас им с г-ном Назарие надо было быть заодно — так диктовало подсознание.

— ...ясно только, что эта история наложила свой отпечаток и на дом, и на домочадцев, — прибавил г-н Назарие. — Мне у них неуютно... Все, что я вам сейчас рассказал, — вполне возможно, деревенские сплетни, но я и без того чувствую, как меня что-то гнетет, когда я там...

Полуобернувшись, он махнул рукой в сторону парка и тут же — будто что-то приковало его взгляд, — заговорил без умолку, сбивчиво, взахлеб.

«Ему страшно», — подумал Егор, удивляясь своему спокойствию: вот он стоит рядом с человеком, которого прямо на глазах захлестывает ужас, стоит и сохраняет трезвость рассудка и даже способность к анализу. Однако оглянуться на парк он не смел. Один взмах руки г-на Назарие был красноречивее, чем весь его горячечный монолог. «Уж не увидел ли он там то же, что Симина?..» Но голова у Егора была ясная, разве что на душе — легкое беспокойство.

— Не надо ничего бояться! — прервал он поток слов своего спутника. — Не смотрите больше туда...

Однако г-н Назарие не хотел или не мог последовать его совету. Он не отрывал глаз от парка, весь превратясь в судорожное, напряженное ожидание.

— Воля ваша, но оттуда что-то идет, — прошептал он.

Тогда Егор тоже обернулся. Тень парка стояла вдалеке плотной стеной. Он ничего не увидел, только слабое мерцание с левой стороны, где находилась усадьба.

— Ничего там нет, — с облегчением проговорил он.

И в ту же минуту раздался леденящий душу вой, вой обезумевшей собаки, зловещий, инфернальный. Потом — все ближе и ближе — глухой топот, тяжелое дыхание бегущего зверя. Из темноты к ним кинулся большой серый пес. Прижав уши, дрожа и скуля, он завилял хвостом, стал тереться об их ноги, лизать руки, время от времени замирая и издавая тот же вой — вой необъяснимого ужаса.

— Он тоже испугался, бедняга, — приговаривал Егор, гладя пса. — Ишь какой пугливый...

Но ему было приятно чувствовать у своих ног теплое, сильное животное. Приятно — в этом поле, открытом со всех сторон и снова замкнутом, где-то вдалеке, туманным поясом горизонта.

VI

Ночью Егору приснился один из его будничных снов, неинтересных и с вялым сюжетом: приятели студенческих лет, родственники, бессвязные диалоги, бессмысленные путешествия. На этот раз он был где-то во Франции, в чужой комнате, и слушал, прислонясь к косяку, разговор между своим бывшим профессором и каким-то незнакомым юношей.

Разговор шел о последней выставке живописи и... о ящиках с грузом.

— ...к этим ящикам я неравнодушен, говорил незнакомец, ведь в них перевозят самые странные, самые экзотические вещи. Больше всего на свете люблю смотреть, как они стоят в лавках или на причалах, и гадать, какие там сокровища спрятаны за их дощатыми боками...

С первых же слов Егор понял, что незнакомец — это на самом деле его друг Раду Пражан, нелепо погибший несколько лет назад от несчастного случая. Он узнал его по голосу и по страсти, с какой тот говорил о чужестранных товарах. Пражан еще обожал запах краски — за сложность и крепость. «Технический», «синтетический», он напоминал ему те же ящики с грузом далеких портов и заморских фабрик... Как он, однако, изменился, Раду Пражан. Если бы не голос, не интонации, Егор бы его не узнал. Пражан отпустил длинные — иногда казалось, чуть ли не до плеч — волосы, которые при каждом кивке головы падали на лоб, закрывали глаза. Он был так увлечен разговором с профессором, что не замечал Егора. Нетерпение того росло с каждым улавливаемым словом. «Ведь он же умер, Пражан, давно умер, может, поэтому он меня стесняется. И эти длинные женоподобные волосы он отпустил тоже, чтобы я его не узнал», — думал Егор.

Но именно в этот момент Пражан испуганно обернулся к нему и одним шагом оказался подле.

— Раз уж речь зашла о тебе, — лихорадочно проговорил он, — берегись, ты в большой опасности...

— Да, понимаю, — шепотом ответил Егор. — Понимаю, что ты имеешь в виду.

Теперь и глаза у молодого человека были Пражановы, и лицо все больше приобретало прежние черты. Вот только длинные не по-мужски волосы были гадки Егору...

— Я тоже принял меры, — добавил Пражан, встряхивая волосами. — С такой пелериной никто мне ничего не сможет сделать...

В ту же минуту его вдруг отнесло в сторону и вверх, так что Егор, вскинув руку, не смог до него дотянуться. Он ясно видел Пражана и в то же время чувствовал его недостижимость, дистанцию между ними, и понимал, что Пражана отбросило страхом, какой-то невидимой Егору силой. Теперь подле Пражана собрались и профессор, и еще кучка людей, одинаково испуганных чем-то, что происходило на их глазах, может быть, как раз за спиной у Егора — потому что сам он так ничего и не видел, а только стоял, задрав голову, удивленный их внезапным бегством, заражаясь их страхом. Предметы вокруг стали расплываться, теряя очертания, и, обернувшись, Егор увидел в двух шагах от себя девицу Кристину. Она улыбалась ему, как с портрета Мири, только платье на ней было как будто другое — бирюзовое, оборчатое, с пышным кружевом. Длинные черные перчатки оттеняли белизну ее кожи.

— Прочь! — приказала девица Кристина, нахмурясь и плавным взмахом руки прогоняя Пражана.

От звуков ее голоса у Егора поплыло перед глазами, голос шел словно бы извне, из иного мира, и хотя он был не похож на голоса из сна, Егор замотал головой, намереваясь проснуться. Но девица Кристина мягко сказала:

— Не надо бояться, друг мой любезный. Ты у себя в комнате, у нас, душа моя.

В самом деле, обстановка переменилась: приход девицы Кристины разогнал образы сна, стер преображенное лицо Пражана, растворил стены чужой комнаты. Егор с изумлением огляделся, ища дверной косяк, к которому сию минуту прислонялся, но он был в своей комнате, с недоверием узнавал каждый предмет в ней, только освещение было странное — не дневное и не электрическое.

— Наконец-то, — тихо говорила девица Кристина. — Молодой и красивый. Неужели я дождалась?..

Она подошла почти вплотную. Егора обволок терпкий запах фиалки. Он отшатнулся было назад, но Кристина удержала его за рукав.

— Не беги от меня, Егор, не бойся, что я неживая...

Но Егор думал сейчас не о том, что видит призрак, — напротив, девица Кристина стесняла его своим слишком живым теплом, слишком крепкими духами, своим дыханием, таким женским. Да, он чувствовал — это было нетерпеливое дыхание женщины, взбудораженной близостью мужчины.

— Какой ты бледный, какой прекрасный, — говорила она, клонясь к нему так настойчиво, что Егору некуда было деваться, он только вжимался головой в подушку — вдруг оказалось, что он лежит в своей постели, а девица Кристина наклоняется над ним, ища поцелуя. Он с замиранием сердца ждал ее губ — на своих губах, на щеке. Но прикосновения не последовало, Кристина только приблизила к нему свое лицо.

— Нет, я не хочу тебя так, — прошептала она. — Так я тебя не поцелую... Я боюсь саму себя, Егор...

Она вдруг отпрянула и, отойдя на несколько шагов от его постели, остановилась, как будто пытаясь перебороть в себе слепой, мощный порыв. Кусая губы, она неподвижно смотрела на Егора — и он в который раз поразился своему спокойствию в присутствии нежити. «Как хорошо, что такие вещи бывают только во сне», — думал он.

— Только не верь тому, что тебе сказал Назарие, — попросила девица Кристина, снова приближаясь к постели. — Злые языки возвели на меня напраслину. Я не была монстром, Егор. Что думают другие, мне все равно, но чтобы и ты поверил в такие бредни, я не хочу. Наговор это, душа моя, понимаешь? Гнусный наговор...

Ее слова звучали в комнате совершенно явственно. «Только бы никто не услышал, а то подумают, что я провел ночь с женщиной», — мелькнуло в голове у Егора, но он тут же вспомнил, что это сон, и с облегчением улыбнулся.

— Как тебе к лицу улыбка, — не преминула сказать Кристина, садясь на краешек кровати.

Она неторопливо стянула с одной руки перчатку и бросила ее через Егорову голову на ночной столик, вызвав буйство фиалкового аромата. «Что за манера так душиться...» И вдруг теплая рука погладила его по щеке. Кровь застыла у него в жилах, таким жутким было прикосновение этой руки, теплой неестественно, не по-человечески. Он хотел крикнуть, но как будто все силы ушли из него, и голос застрял в гортани.

— Не бойся же меня, друг мой любезный, — сказала Кристина. — Я тебе ничего не сделаю. Тебе — ничего. Тебя я буду только любить... «Любить — и ни единый смертный на свете не был так любим...»

Она роняла слова тихо, редко, с бесконечной печалью. Но сквозь печаль в ее глазах проскальзывал голодный, ненасытный блеск. Вот она улыбнулась и, помолчав, мелодично, нараспев проговорила:

Смертельна страсть во тьме ночейДля струн души певучих,Мне больно от твоих очей,Огромных, тяжких, жгучих...

Неясная, смутная тоска навалилась на Егора. Сколько раз он слышал эти строки! И прекрасно помнил, откуда они. Та, первая строфа тоже была из «Лучафэра». И она любила Эминеску?

— Не бойся, любезный друг, — еще раз повторила девица Кристина, поднимаясь. — Что бы ни случилось, меня тебе не надо бояться. С тобой у нас все будет по-другому... Твоя кровь мне слишком дорога, мое сокровище... Отсюда, из моего мира, я буду приходить к тебе каждую ночь; сначала в твои сны, Егор, потом — в твои объятья... Не бойся, душа моя, верь мне...

На этом месте Егор внезапно проснулся. Сон припомнился ему чрезвычайно отчетливо, до мельчайших подробностей. Страха больше не было, но он чувствовал себя разбитым, как после напряжения всех сил. К тому же его удивил крепкий запах фиалки. Он долго моргал и тер рукой лоб, но запах не исчезал, и его уже начинало мутить. Вдруг он заметил рядом, на ночном столике, длинную черную перчатку.

«Я, выходит, не проснулся, — вздрогнув, подумал он. — Надо что-то сделать, чтобы проснуться. А то так недолго и спятить». Он сам удивлялся, как логично рассуждает во сне, и нетерпеливо ждал, когда проснется. Но вот он пощупал себе лоб — ощущение было очень четким. Вот, с силой прикусив нижнюю губу, обнаружил, что ему больно. Значит, он не спал, значит, это ему не снилось. Он хотел было соскочить с постели и зажечь свет, как вдруг увидел посреди комнаты неподвижный, уже знакомый силуэт девицы Кристины. Его пригвоздило к месту. Он медленно сжал кулаки, прикоснулся к своей груди. Вне всяких сомнений, он не спал. Не смея закрыть глаза, он отвел их на миг, потом снова скосил на девицу Кристину. Она стояла там же, не спуская с него сияющего взгляда, улыбаясь ему, наводя дурноту своими фиалковыми духами. «Отче наш, Иже еси на небесех, Отче наш!..» Слова давным-давно, с детства забытой молитвы мгновенно пришли Егору на ум, он сбивчиво повторял и повторял их про себя. Девица Кристина замерла, улыбка ее потускнела, глаза померкли. «Она угадала, что я молюсь, — понял Егор, — она знает. Она знает, что я проснулся, и не уходит...»

Кристина сделала шаг, потом еще. Шелест ее шелкового платья был так отчетлив... Все до последнего штриха было отчетливо, ничего не пропадало. Шаги девицы Кристины уверенно вонзались в тишину комнаты. Шаги женщины, невесомые, но живые, красноречивые. Вот она снова у постели, снова это ощущение неестественного, отталкивающего тепла. Егора всего покорежило, будто судорогой свело. Девица Кристина, глядя ему прямо в глаза, как бы для того, чтобы не оставить сомнения в своей одушевленности, прошла мимо и подобрала со столика перчатку. Снова — обнаженная рука, волна фиалкового аромата. Потом — шелковое потрескивание перчатки, которую легко, изящно натягивают до локтя... Девица Кристина неотрывно смотрела на него, пока управлялась с перчаткой. Потом той же походкой — женской, грациозной — отошла к окну. Егору не хватило духа проследить за ней взглядом. Стиснув кулаки, в холодном поту, лежал он в темноте. Как проклятый, один. Первый раз в жизни он чувствовал такое беспросветное сиротство: никто и ничто не пробьется к нему из мира людей, не поможет, не вызволит...

Долгое время он ничего не слышал. Он понимал, что обманывает сам себя, прислушиваясь — ведь он с точностью до секунды мог сказать, когда девица Кристина покинула комнату, когда из пространства исчезло ее ужасающее присутствие: собственная кровь подсказала ему это, собственное дыхание. И все равно он продолжал ждать, не имея смелости повернуть голову к окну. Дверь на балкон была открыта. Может быть, она еще там, может быть, не ушла, а только притаилась. Но он знал, что опасения напрасны, что девицы Кристины нет ни в комнате, ни на балконе.

Наконец он решился: выскочил из постелии и включил карманный фонарик.

Нашел спички, зажег большую лампу. Слишком сильный свет испугал крупную ночную бабочку, отчаянно забившуюся о стены. С фонариком Егор вышел на балкон. Ночь была на исходе. Уже чувствовалась близость рассвета. В застывшем воздухе повис холодный туман. Не шелохнувшись стояли деревья. Ни шума, ни шороха нигде. Его вдруг пронизало дрожью от собственного одиночества, и только тогда он понял, что продрог и от холода. Он погасил фонарик и вернулся в комнату. В ноздри беспощадно ударил запах фиалки.

Бабочка с сухим шелестом билась о стены, касаясь порой лампового стекла. Егор закурил, затягиваясь жадно, без мыслей. Потом прикрыл балконную дверь. Сон не шел к нему, пока не начало по-настоящему светать и петухи не пропели в последний раз.

VII

Прислуга напрасно стучала в дверь, она была заперта на ключ, а гость и не думал просыпаться и отворять. «Не добудишься, не иначе всю ночь прогулял», — несмело ухмыляясь, думала прислуга. — А молоко-то простынет». Она поглядела на сервировочный столик, где стоял поднос с завтраком. «Может, господина профессора попросить?»

Она застала г-на Назарие уже одетым и готовым к выходу. Замялась у порога, застыдилась — ей было трудно сказать, зачем она пришла: попросить одного барина разбудить другого.

— Ты местная? — спросил г-н Назарие, желая ее подбодрить.

— Мы будем из Ардяла, — с гордостью ответила женщина. — А барин никак не встанет. Я уж стучала, стучала...

— Беда с этими художниками, здоровы поспать, — пошутил г-н Назарие.

Но он был взволнован. Почти бегом пустился он к комнате Егора и с такой силой заколотил в дверь, что тот в страхе проснулся.

— Это я! — извиняющимся голосом кричал профессор. — Я, Назарие...

В двери повернулся ключ, шаги Егора прошлепали обратно к кровати. Выждав приличную паузу, г-н Назарие вошел. За ним прислуга внесла свой поднос.

— Крепко же вы спали, — сказал г-н Назарие.

— Я теперь буду крепко спать по утрам, — с улыбкой ответил Егор.

И замолчал, дожидаясь, пока прислуга установит поднос на столик и уйдет. Потом без предисловий спросил Назарие:

— Скажите, чем пахнет в комнате?

— Фиалками, — невозмутимо констатировал профессор.

Ему показалось, что Егор вздрогнул и побледнел, забыв на лице улыбку.

— Значит, это правда...

Г-н Назарие подошел поближе.

— Значит, не приснилось, — продолжал Егор, — значит, это на самом деле была девица Кристина.

Обстоятельно, без спешки он посвятил профессора в ночное происшествие. Он на удивление точно помнил все подробности, но ему часто приходилось останавливаться, чтобы сделать глоток из чашки — в горле пересыхало.

Незадолго до обеда Егор узнал, что Санда заболела и не выйдет к столу. Он решил заглянуть к ней на несколько минут. Вот и предлог для отъезда. Раз обе хозяйки неважно себя чувствуют, он скажет, что не смеет долее обременять их своим присутствием.

— Ну, что тут у нас стряслось? — как можно развязнее произнес Егор, входя в комнату к Санде.

Она грустно взглянула, тщетно попытавшись улыбнуться. Кивком указала ему на стул. Она была одна, и Егор почувствовал неловкость. В комнате слишком по-женски, слишком интимно пахло. Кровью.

— Я совсем расклеилась, — еле слышно заговорила Санда. — Вчера вечером у меня

началась мигрень и головокружение, и вот сегодня я не могу встать с постели...

Она смотрела ему в глаза с любовью и страхом. Ноздри трепетали, щеки были очень бледны.

— Из меня как будто все соки выжали, — продолжала она. — Даже говорить устаю...

Встревоженный Егор подошел к постели и взял Санду за руку.

— Ну, и не надо себя утомлять, — начал он с нарочитой бодростью. — Наверное, вы простудились, от этого и мигрень, а мигрень выматывает. Я как раз думал...

Он собирался сказать: «Я как раз думал, что мне лучше уехать, не обременять вас своим присутствием». Но Санда вдруг расплакалась, поникнув головой.

— Не оставляй меня, Егор, — лихорадочно прошептала она. — Только ты можешь меня спасти в этом доме...

Первый раз она обращалась к нему на «ты». У Егора запылали щеки. Смятение, радость, стыд за свою трусость?

— Не бойся, Санда, — твердо произнес он, нагибаясь к ней. — С тобой ничего не случится. Я здесь, с тобой, и ничего плохого не случится.

— Ах, почему я не могу сказать тебе всего...

В эту минуту Егор и сам был готов рассказать ей все, что знал, признаться во всех своих страхах. Но в коридоре послышались шаги, и он нервно отскочил на середину комнаты. Однако слова Санды придали ему уверенности. Он был покровитель, защитник.

Вошла г-жа Моску. Ее ничуть не удивило, что Санда лежит в постели и что у нее в комнате Егор.

— Ты не встаешь? — как ни в чем не бывало спросила она.

— Я сегодня полежу, — сказала Санда, пытаясь придать тону непринужденность. — Хочется отдохнуть...

— Ее утомили гости, — как бы в шутку заметил Егор.

— О, неправда! — воскликнула г-жа Моску. — Мы всегда так счастливы видеть за нашим столом замечательных людей... Где Симина?

Егор и Санда переглянулись, покраснев, словно им напомнили о какой-то связующей их постыдной тайне.

— Я ее не видела, — проронила Санда.

— Пойду-ка поищу ее, — сказал Егор, думая под этим предлогом ретироваться и вернуться позже, когда уйдет г-жа Моску.

От стыда за свою трусость он зашагал особенно решительно, с суровым видом, нахмурив лоб. Хотел бежать, не предупредив г-на Назарие! Подумывал даже подстроить себе вызов телеграммой — такой способ бегства он вычитал когда-то в одной книге. Беззащитный голос Санды разбудил в нем вкус к риску, яростное желание испытать себя. Авантюра так авантюра. Ни на что не похожая, дьявольская, коварная и дразнящая, как ядовитый плод из заморских стран.

Он спросил в людской — никто не видел Симины. Тогда он вышел через веранду в парк и направился к дворовым постройкам. Вот и случай поглядеть на пресловутую кормилицу. По дороге ему попалась экономка, которая сообщила в ответ на его вопрос:

— Барышня пошли на старую конюшню.

И указала на полуразрушенный сарай, видневшийся вдалеке. Егор повернул в ту сторону, руки в карманы, покуривая. Он не собирался придавать масштабов экспедиции своим поискам Симины. «Ого, какое гнездышко для ведьм», — подумал он, входя в каретный сарай. Сарай был длинный, темный, заброшенный, с прорехами в крыше. В дальнем конце он разглядел Симину, сидящую в допотопном экипаже. Завидев его, девочка быстро отшвырнула прочь какую-то тряпку, которую держала в руке, поднялась на ноги, и по ее взгляду Егор понял, что поединок будет нелегким.

— Вот ты куда забралась, Симина, — начал он нарочито жизнерадостным тоном. — Что ты тут делаешь?

— Я играла, господин художник, — ответила Симина, глядя на него немигающими глазами.

— Что за игры! — изобразил удивление Егор, подходя ближе. — В старом пыльном драндулете...

Он осторожно потрогал пальцем фонарь, но не обнаружил ни следа пыли. Тогда он понял жест Симины, бросившей тряпку при его появлении.

— Драндулет-то старый, да ты, я вижу, им дорожишь, — продолжал он. — Смотришь за ним, в чистоте содержишь...

— Нет, — отпиралась Симина, — я просто тут играла и, чтобы не испачкаться...

— Что ж ты тогда так испугалась и тряпку бросила? — наступал Егор.

— Не могла же я подать вам руку с пыльной тряпкой, — парировала Симина. Выдержала паузу, улыбнулась. — Я думала, вы захотите поздороваться со мной за руку, — кокетливо добавила она.

Егор покраснел. Он сразу проиграл очко.

— Чей это был экипаж? — спросил он.

— Девицы Кристины.

Они резко скрестили взгляды. «Знает, — понял Егор, — она знает, что произошло сегодня ночью».

— Ах, Кристина, — заговорил Егор, как будто ничего не заметив. — Бедная старушка! Какая у нее была ветхая, допотопная коляска — под стать самой бедной тете. На этих подушках она покоила свои старые косточки, когда выезжала подышать свежим воздухом... — Он засмеялся, закружил по сараю. — В этой шикарной барской коляске она разъезжала по имению, и ветер продувал ее насквозь и трепал ее седые волосы... так или нет? — Оборвав смех, он остановился перед Симиной.

На губах у девочки играла улыбка брезгливой жалости и сарказма. Встретясь глазами с Егором, она попыталась сдержать улыбку, как будто ей было за него стыдно.

— Вы прекрасно знаете, что девица Кристина, — заговорила она, нажимая на это слово, — что девица Кристина никогда не была старухой.

— Ни ты, ни я ничего о ней не знаем, — отрезал Егор.

— Зачем же так, господин художник? — простодушно удивилась Симина. — Ведь вы ее видели...

Ее глаза зловеще засверкали, торжествующая улыбка разлилась по лицу. «Это

западня, — мелькнуло в голове у Егора, — еще слово, и я схвачу ее за горло и пригрожу задушить, если она не выложит мне все, что ей известно».

— на портрете, — закончила Симина после точно выверенной паузы. — Девица Кристина умерла совсем молодой. Моложе, чем Санда. И моложе, и красивее, — добавила она.

Егор пришел в замешательство: снова она выскользнула! «Как же вывести Симину на чистую воду, чтобы можно было напрямик задать ей вопрос?»

— Ведь вам Санда нравится, правда? — вдруг пошла в атаку она сама.

— Да, нравится, — подтвердил Егор, — и мы с ней поженимся. А тебя возьмем с собой в Бухарест, ты будешь моей маленькой свояченицей, и я сам займусь твоим воспитанием! Я уж постараюсь выбить из твоей головки все химеры!

— Не могу понять, за что вы ко мне так придираетесь, — оробев, защищалась Симина.

Угроза, а может быть, просто повышенный и суровый тон Егора поубавили в ней дерзости. Она затравленно озиралась, как будто ожидая какого-то знака себе в поддержку. И вдруг с улыбкой облегчения замерла, найдя опору для глаз где-то в углу сарая. Взгляд ее стал отсутствующим, остекленевшим.

— Напрасно ты туда смотришь, — тем же тоном продолжал Егор. — Напрасно ждешь... Твоя тетка давным-давно умерла, съедена червями и смешана с землей. Ты меня слышишь, Симина? — Он перешел на крик и схватил ее за плечи. Ему самому было жутко слышать свой срывающийся голос, свои жестокие слова.

Девочка вздрогнула, еще больше побледнела, поджала губы. Но как только он отпустил ее, тут же снова уставилась в угол через Егорово плечо — блаженными, зачарованными глазами.

— Как вы меня тряхнули, — наконец сказала она плаксиво, поднося руку ко лбу. — Даже голова заболела... На ребенке легко свою силу показывать, — добавила она потише, с ехидством.

— Я хочу, чтобы ты очнулась, маленькая колдунья, — снова вспылил Егор. — Хочу выбить из твоей головки дурь, чтобы ты перестала бредить приведениями, для твоей же пользы, твоего же спасения ради...

— Вы прекрасно знаете, что никакие это не приведения, — едко сказала Симина, выскальзывая из коляски и с неподражаемым достоинством проходя мимо Егора.

— Подожди, пойдем вместе, — окликнул ее Егор. — Я как раз тебя искал. Госпожа Моску меня послала на розыски... Вот уж не думал, что найду тебя за таким занятием, как чистка драндулета которому скоро сто лет.

— Это венская коляска тысяча девятисотого года, — спокойно заметила Симина, не оборачиваясь и не сбиваясь с шага. — И лет ей тридцать пять, если посчитать как следует...

Она была уже у дверей. Егор распахнул створки и пропустил девочку вперед.

— За тобой послали меня, потому что Санда заболела, — сказал он. — Ты знаешь, что Санда лежит?

На ее губах мелькнула мстительная улыбка.

— Ничего серьезного, — поспешно добавил он. — Просто разболелась голова...

Девочка не отозвалась. Они шли через двор под холодным осенним солнцем.

— Кстати, — начал Егор, когда до дома оставалось немного. — Я хотел тебе сказать

одну вещь, для тебя небезынтересную.

Он схватил девочку за руку и, нагнувшись к ее уху, отчетливо прошептал:

— Я хотел сказать, что если что-нибудь случится с Сандой, если... ты поняла?.. Тогда тебе тоже конец. Это не останется между нами, надеюсь. Ты можешь передать это дальше, но не госпоже Моску. Твоя бедная матушка ни в чем не виновата.

— Я Санде и передам, а не маме, — громко сказала Симина. — Я ей передам, что не понимаю, чего вы от меня добиваетесь!..

Она попыталась выдернуть руку. Но Егор еще сильнее впился в нее, со жгучим наслаждением ощущая под пальцами по-детски пухлую и меченую дьяволом плоть. Девочка от боли кусала губы, но ни одна слезинка не замутила холодный, стеклянный блеск ее глаз. Это глухое сопротивление окончательно вывело Егора из себя.

— Имей в виду, я буду тебя мучить, Симина, я не убью тебя так просто, — свистящим шепотом заговорил он. — Прежде чем задушить, я выколю тебе глазки и по одному вырву зубки... Я буду жечь тебя каленым железом. Передай это дальше, ты знаешь, кому. Еще посмотрим...

В тот же миг его правую руку пронзила такая острая боль, что он разжал пальцы. Словно все силы разом вышли из него. Руки повисли как плети, он перестал понимать, где он, на каком свете.

Он видел, как Симина передергивает плечиками, приглаживает складочки платьица и трет предплечье, на котором остались следы от его пальцев. Видел он и то, как она старательно поправляет букли и застегивает потайной крючок на лифе. Симина проделала все это без малейшей поспешности, ни разу не взглянув на него, как будто забыв о его существовании. Потом пошла к дому упругим, проворным шагом. Егор оторопело смотрел ей вслед, пока маленькая грациозная фигурка не потерялась в тени веранды.

После обеда Егор и г-н Назарие были приглашены в комнату Санды. Они нашли ее еще более изможденной, с глубокой синевой вокруг глаз; руки, бессильно лежащие поверх теплой шерстяной шали, казались особенно белыми. Санда слабо улыбнулась гостям и глазами предложила им сесть. Г-жа Моску, стоя у ее изголовья с книгой в руках, не прерываясь декламировала:

— Viens donc, ange du mal, dont la voix me convie,Car il est des instants ou si je te voyais,Je pourrai pour ton sang t’abandonner ma vieEt mon ame... si j’y croyais!

Прочтя эту последнюю строфу с необыкновенным чувством, чуть ли не со слезами в голосе, она вздохнула и закрыла книгу.

— Что это было? — поинтересовался г-н Назарие.

— Пролог к «Антони», бессмертной драме Александра Дюма-отца, — строго сообщила г-жа Моску.

«Во всяком случае, сейчас не самый подходящий момент для такого чтения», — подумал Егор. Ему совсем не понравилась строка: «Je pourrai por ton sang t’abandonner ma vie»...

Слишком жестокая ирония, отдающая цинизмом. И что означал этот вздох г-жи Моску? Сожаление? Досаду? Покорность судьбе?

— Я читаю без перерыва уже полчаса, — похвалилась г-жа Моску. — Люблю почитать вслух, как в добрые старые времена... Когда-то я знала. наизусть множество стихов, — с мечтательной улыбкой добавила она.

Егор смотрел и не верил глазам. Ее было не узнать: энергия и легкость в каждом жесте. Простояла столько времени на ногах за чтением, и хоть бы что. Какой-то чудесный прилив сил — не за счет ли Санды?

— А Эминеску! — с воодушевлением продолжала г-жа Моску. — Светоч румынской поэзии! Сколько я знала из Михаила Эминеску!..

Егор искал взгляда Санды, но она лишь на секунду встретилась с ним глазами, в которых тлел страх и шепотом сказала:

— Maman, достаточно. Ты устанешь. Присядь лучше...

Г-жа Моску не услышала. Она поднесла руки к вискам в наплыве воспоминаний, силясь восстановить в памяти бессмертные строки.

— Как же там было, вот это, знаменитое, — бормотала она.

Санда не на шутку обеспокоилась. Томик Эминеску г-жа Моску могла взять на этажерке, где стояли все их любимые поэты, но этого нельзя было допустить. Она знала болезненное пристрастие матери к некоторым стихам Эминеску, возникшее еще в те времена когда ей, десятилетней девочке, долгими вечерами читала вслух Кристина. «Сейчас лучше бы не ворошить былого», — с тревогой думала Санда.

...Спустись ко мне, моя Звезда, -Дорожку луч протянет,В мой дом, в мой сон — спустись сюда,Пусть свет сюда нагрянет...

При первых же словах Санда сникла, почувствовав бесконечную усталость во всем теле. Как будто кровь медленно уходила из ее жил. Она боялась потерять сознание.

— Я — Люцифер , звезда зари, ты будешь мне невестой! — торжествующе гремела г-жа Моску.

«Откуда в ней взялось столько силы, она вся светится, и голос такой полнозвучный, такой великолепный», — недоумевал г-н Назарие. Г-жа Моску выуживала из памяти строфу за строфой, временами очаровательно запинаясь. «И все же она перескакивает», — заметил Егор. Он слушал почти без сопротивления, следя глазами за Сандой, которую заметно била дрожь, несмотря на одеяло и теплую шаль. «Надо что-то сделать, — говорил он себе. — Надо встать, подойти к ней, приласкать, успокоить — что бы ни подумала ее матушка». Хотя г-жа Моску была в таком экстазе, так увлечена припоминанием поэмы, что явно не слышала и не видела ничего вокруг.

— Ведь я живая, мертвый — ты...

Голос г-жи Моску вдруг оборвался. Она покачнулась, стоя посреди комнаты, куда ее занесли эмоции, снова взялась руками за голову — на этот раз растерянно, с испугом.

— Что со мной? — простонала она. — Я, кажется, устала.

Г-н Назарие усадил ее на стул. Неужели это была только иллюзия — все ее одушевление, этот сильный сладкозвучный голос, свидетельствующий о здоровье и полнокровии.

— Вот видишь, мама, не послушалась меня... — чуть слышно прошептала Санда.

Егор подошел к ее постели. Санда была пугающе бледна, глаза неестественно запали, а зябкость выдавала тлеющую лихорадку.

— Я сейчас же иду за доктором, — озабоченно объявил он. — Ты мне совсем не нравишься.

Санда поблагодарила его улыбкой, постаравшись как можно дольше удержать ее на губах. Но она ни в коем случае не хотела отпускать его сейчас, в разгар

событий, когда старая болезнь так неожиданно дала вспышку.

— Не спеши, побудь со мной, — сказала она. — Никакой доктор мне не нужен. Через несколько часов я приду в себя, а завтра мы уже будем гулять по парку...

В эту минуту г-жа Моску с внезапной живостью снова поднялась на ноги.

— Вспомнила! — ликовала она. — Я вспомнила самое красивое место из «Люцифера»:

Смертельна страсть во тьме ночейДля струн души певучих,Мне больно от твоих очей,Огромных, тяжких, жгучих...

Санда вцепилась в Егорову руку. Она вся дрожала, взгляд блуждал по комнате. «Она тоже знает», — понял Егор. Он был, на удивление себе, спокоен, голова — ясна. Рядом с Сандой, сжимая ее ледяную руку в своих горячих ладонях, он ничего не боялся. Не боялся — и все равно не смел обернуться, оборвать нить ее парализованного ужасом взгляда, прикованного к чему-то за его спиной. Г-жа Моску смолкла, и ее молчание влилось в странную тишину комнаты. Егор слышал, как бьется у Санды сердце, как тяжело дышит г-н Назарие. «Он тоже чувствует, а может быть, и видит. Хорошо, что я ничего от него не скрыл. Не имело смысла».

— Maman! — из последних сил крикнула вдруг Санда.

Егор угадал все, что она хотела сказать этим отчаянным вскриком, — это была попытка вывести г-жу Моску из чудовищной переклички с потусторонним, нечеловеческим, непозволительным. «Мама, на нас люди смотрят!» — казалось, заклинала она. Г-жа Моску, словно очнувшись, обратилась к г-ну Назарие:

— Почему вы вдруг замолчали, профессор?

— Я, сударыня? — удивился г-н Назарие. — Я, кажется, сегодня вообще ни слова не вымолвил. Я слушал, как вы декламируете. Редкая память!

Г-жа Моску пытливо заглянула ему в глаза — не шутит ли он.

— Хороша память с книжкой в руках, — устало сказала она, ставя «Антони» на этажерку. — Счастье, что есть книги. Вот сколько я принесла сегодня Санде, хватит чтения на много дней...

Она указала на кипу книг. Г-н Назарие скользнул взглядом по корешкам: «Жан Сбогар», «Рене», «Айвенго», «Цветы зла», «Там, внизу».

— Из Кристининой библиотеки, — объяснила г-жа Моску. — Ее любимые книги. И мои тоже, разумеется...

С усталой улыбкой она подошла к постели Санды, спросила:

— А вы что притихли, дети мои?

Санда ответила укоризненным взглядом. Г-жа Моску присела на кровать и взяла руку Санды, которую минуту назад выпустил Егор.

— Да ты совсем ледяная, ты озябла! — воскликнула она. — Тебя надо напоить чаем... Впрочем, пора вставать. Скоро закат. Комары близко...

«Она бредит», — с беспокойством подумал Егор, пытаясь прочесть в глазах Санды объяснение, совет, что делать. Этот неожиданно открывшийся бред застал его врасплох.

— Может быть, нам лучше уйти? — вдруг сипло произнес г-н Назарие.

— О, не беспокойтесь, вы со мной, — ободрила г-жа Моску. — Они вам ничего не сделают. Полетают поверху, и все...

— Хорошо бы вам принять хинин, — прошептала Санда. — Мама говорит о комарах. Они очень опасны сейчас, на закате...

— Да, вот они, налетают, — тем же осипшим голосом сказал г-н Назарие. — И как странно они роятся перед самым окном!.. Вы их слышите, Егор?

Егор слышал: комары шли тучами, такого зрелища ему видеть не доводилось. Откуда их столько?

— Признак засухи, — заметил г-н Назарие. — Надо бы закрыть окно.

Тем не менее он не двинулся с места, так и оставшись стоять посреди комнаты, зачарованно глядя на комариное роение перед окном.

— Нет нужды, — сказала г-жа Моску. — Солнце еще не заходит. И потом вам нечего бояться, пока вы со мной...

Холодок пробежал по спине Егора от ее сухого, безучастного, неузнаваемого голоса. Голос шел как будто из сна, из иных миров.

— И все же лучше принимать хинин, хотя бы по полтаблетки в день, — совсем тихо прошептала Санда.

И Егор понял, что она, по крайней мере, больше не чувствует ничьего потустороннего присутствия, не видит ничего неположенного. Зато видел профессор: он явно следил за чьим-то парением, потому что его глаза были устремлены в пустоту поверх комариных туч. Застыв посреди комнаты, он даже не отмахивался от комаров, понемногу проникавших внутрь. «На запах их тянет, что ли? — думал Егор. — Не на тот ли, что шокировал меня сегодня утром? Слишком уж их много, и все прямо сюда. На кровь?»

Г-жа Моску обвела всех ласковым, почти родственным взглядом.

— Ну, дети мои, скоро закат, давайте-ка ее поднимем.

Голос прозвучал вполне живо и все же отчужденно, как будто его хозяйкка была далеко, в каких-то своих, чуждых здешним, радостях.

— Вставай, Санда, — продолжала г-жа Моску. — Вечереет... И ты озябла...

Егор сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. «Только не растеряться! Держись!» Он попытался остановить Санду, которая спустила с постели ноги и нащупывала ночные туфли. Но она мягко отстранила его.

— Мне обязательно надо идти, maman? — покорно спросила она.

— Разве ты сама не видишь, что уже пора? — отвечала г-жа Моску.

Егор, нагнувшись к Санде, произнес властно:

— Останься. Куда ты пойдешь?

Та печально погладила его по щеке.

— Ничего, ничего, — прошептала она. — Я должна, ради мамы...

Тут Егор почувствовал острый укол в руку и, непроизвольно хлопнув себя по запястью, убил комара. На коже осталось кровавое пятнышко. «Кровожадный, бестия!»

Увидев кровь, Санда поспешно схватила его за руку.

— Уходи, уходи скорей, пока мама не увидела, — лихорадочно зашептала она. — Ей станет дурно.

Егор вытер руку о пиджак.

— Уходи, я тебя прошу! — заклинала Санда. — И прими таблетку хинина.

Егора только раззадорил этот умоляющий голос, это наваждение, границ которого он еще не знал, эти слова, в смысл которых он не мог проникнуть.

— Не уйду, пока ты не скажешь, куда вы собираетесь.

— Не беспокойся об этом, друг мой любезный, — сказала Санда.

Егор вздрогнул, возвращенный к событиям прошедшей ночи; одна за другой вставали в памяти подробности...

— Ты не рад, что я тебя так называю? — грустно удивилась Санда.

Егор заглянул ей в глаза, пытаясь подчинить ее своей воле, взять под охрану, но она уходила, ускользала, она не давалась ему в руки, эта теплая, манящая жизнь.

— Ты, Санда, никогда меня так не зови, — сказал он. — Никогда!

Санда тихонько заплакала. Совершенно не замечая ни ее слез, ни интимного разговора между молодыми людьми, к ним подошла г-жа Моску.

— Если вы будете медлить, они вас заедят... К тому же тут такой холод... Да, заедят. Как всех наших кур, гусей и коров... Где они все теперь, где?..

Егор обернулся к ней и произнес с расстановкой:

— Мне очень жаль, г-жа Моску, но Санда должна лечь в постель и лежать, пока я не приведу доктора.

Натолкнувшись на столь решительный отпор, г-жа Моску смолкла, в растерянности переводя взгляд с Егора на г-на Назарие. Было видно, что она не очень хорошо понимает, зачем они здесь, у постели ее дочери.

— Может быть, вы и правы, — наконец согласилась она. — Вы оба ученые мужи, вам виднее... Но закройте же поскорее окна. Это нужно сделать прежде всего, закройте все окна!

Егор, еще не опомнясь от своей неслыханной смелости, обеими руками пытался удержать Санду — она билась, вырываясь из последних сил, бормоча:

— Я должна идти, ради мамы, как ты не понимаешь. Больше никого не осталось — ни птиц, ни коров, ни собак!..

Г-н Назарие тоже подошел к ним, бледный, ломая пальцы. Далекий, зловещий гуд стоял в воздухе, хотя комары роились уже вокруг его головы, вызванивая тягостную, как болезнь, мелодию.

— Пусти, Егор, — потерянно просила Санда. — Иначе будет еще хуже... Иначе я вообще не поправлюсь...

«Боже, отчего вдруг такой холод в комнате», — подумал Егор. У г-на Назарие зуб на зуб не попадал, он стоял рядом с ними, белый как мел, застывший — только изредка встряхивая головой, отгоняя комаров.

— Закройте же окно, — напомнил ему Егор.

Профессор с опаской шагнул к окну, но замер на полпути. Он тоже вел себя как в гипнотическом, недобром сне. И все-таки — как ясно он понимал то, что тут творилось! Теперь все связалось: тошнотворная баранина первого вечера и загадочные речи экономки, вымершая птица... и этот пес, который бросился им под ноги, его панический вой, его дыхание — дыхание зверя, которого травит

невидимая погоня.

— Что же вы не закрываете? — снова раздался голос Егора.

Какой промозглый, неестественный холод! Откуда эти воздушные провалы в комнате, где только что витал запах девичьей крови?..

Г-н Назарие подошел к окну. Ему было страшно выглянуть наружу — глупый, нервный страх, который он не мог перебороть. Он взялся за оконную ручку. В первый момент ему показалось, что из сада за ним пристально следит женщина, ловя каждый его жест, будто ожидая от него чего-то, какого-то важного поступка. Было еще достаточно светло, краски неба выцвели и размылись; пространство здесь было другим и другим — воздух. Моргнув, г-н Назарие увидел в цветнике напротив окна Симину. От растерянности он изобразил что-то вроде улыбки. Девочка склонила головку с неописуемой грацией. Но тут же выдала себя, стрельнув глазами куда-то высоко, много выше окна. «Она не меня ожидала увидеть, — понял г-н Назарие. — Она ждала кого-то другого, и не здесь, в окне, а там...» Симина тут же осознала свою ошибку и выбежала из цветов, протягивая руки к г-ну Назарие. Но он уже без улыбки и молча, опустив глаза, захлопнул створки окна. Холод в комнате стал как будто не таким гнетущим. Профессор долго, в изнеможении, простоял не двигаясь. Комариный звон приблизился и охватывал его теперь со всех сторон, навязчивый, выматывающий, рождая в голове профессора страшную мысль: что, если он никогда не очнется от этого томительного сна, не вырвется из этого горячечного, бредового мира?..

VIII

Егор вернулся со станции уже около десяти вечера. Ему с трудом удалось дозвониться в Джурджу, вызвать врача. К местному, живущему в селе по соседству, он доверия не испытывал.

Усадьба казалась освещенной слабее, чем обычно. Г-жа Моску, г-н Назарие и Симина поджидали его в столовой. У накрытого стола хлопотала пожилая женщина в платке, замотанном наподобие тюрбана. Все молчали. Г-н Назарие, бледный, смотрел в пустоту, как узник сквозь решетку.

— Сегодня мы поужинаем весьма и весьма скромно, господа, — объявила г-жа Моску. — Кухарка ушла в деревню и не вернулась. Боюсь, что мы остались без кухарки... Сегодня нам будет прислуживать кормилица...

«Итак, это кормилица», — сказал себе Егор, — глядя на нее повнимательнее. Странная женщина, без возраста, а какая походка! Как будто она всю жизнь прикидывалась хромой, а теперь решила вдруг бросить притворство и с непривычки то и дело натыкалась на мебель. Тюрбан был низко надвинут на лоб — виднелся только белый нос, широкий, расплющенный, и рот — как подмерзшая рана, с синюшными, шершавыми губами. Глаза прочно смотрели в пол.

— Как бы то ни было, но мамалыга с молоком и брынзой для нас найдется, — закончила г-жа Моску.

Сели за стол. При этом г-н Назарие проявил признаки беспокойства, словно его только что разбудили.

— Как чувствовала себя Санда? — спросил Егор.

Никто не ответил. Г-жа Моску уже принялась за еду и, без сомнения, не услышала вопроса. Симина с видом примерной девочки тянулась за солонкой. Г-н Назарие снова ушел в себя.

— Что-то случилось? — обратился к нему Егор после долгих минут молчания.

— Нет, — ответил профессор. — Когда мы уходили, она спала. По крайней мере, хочется надеяться... Если это был не обморок...

Он поднял глаза от тарелки и жестко взглянул на Егора.

— Лучше бы вы вернулись с доктором.

— Он приедет утром, первым же поездом, — заверил Егор. — Надо напомнить кучеру, чтобы с вечера приготовил коляску...

Г-жа Моску прислушивалась к разговору с большим любопытством.

— Боюсь, что скоро у нас не станет и кучера, — задумчиво сказала она. — Кучер сегодня попросил расчет... Кормилица, не плати ему, пока он не привезет со станции гостей...

— Приедет один доктор, — поправил ее Егор.

— Но мало ли кто может еще нагрянуть, — живо возразила г-жа Моску. — Сезон в разгаре. Сентябрь. В прежние годы об эту пору мы не знали, как разместить всех гостей. Сколько наезжало молодежи, барышни, кавалеры — компания для Санды...

Печалью повеяло от ее слов, и еще сиротливее стало в огромной комнате.

— В этом году тоже было много гостей... — попытался утешить хозяйку Егор.

— Но они так быстро разъехались! — перебила его г-жа Моску. — Должен же еще

хоть кто-нибудь нас навестить. Может быть, родственники...

Симина усмехнулась. Она знала, что кого-кого, а уж родственников давно никаким калачом сюда не заманишь.

— Сейчас не самое подходящее время принимать гостей, — сказал Егор. — Санда все-таки серьезно больна...

Г-жа Моску, казалось, только сейчас осознала, что ее дочь не сидит вместе со всеми за столом, а без сил лежит в постели. Она обвела комнату глазами и убедилась, что это так, Санды за столом нет.

— Я должна пойти ее проведать, — объявила она, внезапно поднимаясь.

Симина спокойно осталась сидеть на своем месте. И даже как будто забыла, что за столом гости, потому что принялась баловаться ножом, нарезая мамалыгу на тарелке тоненькими ломтями.

— Зачем ты учишь девочку всяким гадким сказкам, любезная? — спросил Егор, повернувшись к кормилице.

Застигнутая врасплох, та от удивления оступилась на ровном месте. Она явно была польщена, что с ней заговорил молодой и такой видный барин. Хоть она и распоряжалась слугами, но в барский дом обычно при гостях не заходила.

— Я ее, ваша милость, ни единой сказке не научила, — ответила она без всякой робости. — Я их отродясь не знала. Это сама барышня меня и учит...

Голос у нее был тусклый и надтреснутый. Егор почему-то вспомнил одну пьесу, знаменитую лет пятнадцать назад, и ее героиню, торговку птицей. Но голосом кормилица вовсе не напоминала ту бабу. Ни голосом, ни глазами, как голубая плесень, которые она держала все время долу. Такие бывают у слепых, остановившиеся, сырые, только у тех посадка головы прямая, неподвижная.

— ...наша барышня, умница, которая все книжки прочла, — продолжала кормилица, осклабясь и исподлобья сверля глазами Егора.

«Это она улыбается», — с содроганием сообразил Егор. Но еще больше его ошеломили кормилицыны глаза. В них бродила, набухала, просверкивала отвратительная похоть старой женщины. Егор чувствовал, как она раздевает его, как присасывается к нему голодным взглядом. Он покраснел и отвернулся, от стыда и омерзения забыв, о чем спрашивал. Его привел в себя смех Симины: девочка запрокинула голову на спинку стула, под резкий свет лампы, хохотала, показывая все зубки.

— Вот врунья, — едва выговорила она сквозь смех.

Это было как пощечина для обоих гостей. Кормилица тоже скалилась, стоя поодаль. «Они над нами издеваются, — думал Егор, — особенно Симина. Она заметила, как старуха на меня смотрит, и прекрасно понимает, что означают эти взгляды».

Симина делала вид, что хочет перебороть смех, прикрывала ротик салфеткой, щипала себя за руку. Но при этом то и дело поглядывала на кормилицу и разражалась новым приступом хохота. В конце концов она схватила ножик и стала быстрыми короткими взмахами резать воздух, как будто пытаясь с помощью этих манипуляций отвлечься и вернуться в рамки приличий.

— Не играй с ножом, — вдруг сказал г-н Назарие. — Ангел-хранитель улетит!..

Голос его грянул неожиданно, но так строго и серьезно, словно профессор долго взвешивал свои слова. У Симины мгновенно прошел весь смех. Она съежилась, как от холода, лицо стало необыкновенно бледным, а глаза засверкали бессильной

яростью. «Молодец профессор, меткий удар, — одобрил про себя Егор. — Будь ее воля, эта маленькая колдунья сожгла бы нас сейчас заживо...» Наблюдая за Симиной, он не мог противиться чувству злой радости при виде ее унижения.

Г-н Назарие заметил, что кормилица вытаращилась на дверь. Он тоже повернул голову и увидел г-жу Моску, которая, нахмурясь, в раздумье, стояла на пороге.

— Странное дело! — воскликнула она. — Санды там нет. Ума не приложу, куда она могла деться!..

Егор и г-н Назарие одновременно вскочили и, не говоря ни слова, бегом бросились по коридору.

— Фонарик... — бормотал на бегу Егор. — Сейчас бы карманный фонарик...

В эти минуты все его помыслы сосредоточились на электрическом фонарике, таком удобном. Почему он не прихватил его с собой?

В комнате Санды было темно, Егор чиркнул спичкой и отыскал лампу. Фитиль оказался сухим, холодным. У Егора слегка дрожали руки. Дрожал, сквозь облачко копоти, и язычок огня.

— Не следовало оставлять ее одну, — сказал г-н Назарие. — Теперь просто не знаю, что и думать!

В голосе профессора слышалась искренняя забота, но Егор не ответил. Он прикрыл лампу колпаком и осторожно прибавил огня. Когда пламя установилось, Егор взял лампу, намереваясь выйти из комнаты. Но ему показалось, что на кровати кто-то лежит. Высоко держа лампу, он подошел ближе и увидел Санду, одетую, наспех прикрытую одеялом.

— Что такое? — с трудом спросила она.

Щеки ее раскраснелись, дыхание было частым, как будто она только что вбежала — или очнулась от страшного сна.

— Где ты была? — спросил, в свою очередь, Егор.

— Нигде!

Она явно лгала — судя по усилившейся краске в лице, по тому, как она стиснула пальцами одеяло.

— Неправда, — твердо сказал Егор. — Госпожа Моску заходила сюда несколько минут назад и не застала тебя.

— Я спала, — защищалась Санда. — Вы меня разбудили.

Голос у нее дрожал, сквозь слезы она заискивающе смотрела на Егора, но раз перевела просящий взгляд и на г-на Назарие, который стоял на почтительном расстоянии от кровати.

— Я же вижу, что ты одета, — уличал ее Егор. — Ты даже туфли снять не успела!

Он сдернул с нее одеяло. Так оно и было: Санда бросилась в постель одетая от силы минуту назад. «Но куда же она уходила и как вернулась незамеченной? Давит на меня эта комната», — думал Егор.

— Где ты была, Санда? — снова спросил он, нагибаясь к ней. — Скажи мне, где ты была, скажи, моя дорогая! Я хочу тебя спасти. Хочу спасти, понимаешь? — Он перешел на крик. Лампа прыгала у него в руке. Санда испуганно отодвинулась к стене, прижав пальцы к губам.

— Не подходи, Егор, — вырвалось у нее. — Я тебя боюсь! Что тебе от меня надо?

В самом деле, свет косо бил Егору в лицо, и его глаза сверкали так неистово, что г-н Назарие тоже испугался.

— Что вам от меня надо? — повторила Санда.

Егор поставил лампу на столик и, пригнувшись к Санде, встряхнул ее за плечи. Он встретил то же сопротивление, что и тогда, на закате. «Они отнимут ее у меня, они ее околдуют.»

— Ну, ну, Санда, — заговорил он ласково. — Скоро придет доктор. Почему ты не хочешь сказать мне, где была?

Вместо ответа Санда только кусала губы и судорожно сплетала пальцы.

— Ты меня любишь, Санда, скажи, любишь? — допытывался Егор.

Она забилась, стараясь спрятать лицо в подушки, но Егор взял ее голову в ладони и принудил глядеть на него, а сам в ожесточении повторял один и тот же вопрос.

— Я боюсь! Закройте дверь! — вскрикнула вдруг Санда.

— Там никого нет, — сказал Егор. — К тому же дверь закрыта, вот посмотри...

Он отодвинулся в сторону, чтобы не загораживать ей дверь, Санда взглянула, потом схватилась за голову и разрыдалась, всхлипывая, захлебываясь слезами.

Егор сел на кровать рядом с ней, она с минуту смотрела ему в глаза, как если бы решив наконец раскрыть свою тайну, но только снова бессильно схватилась за голову.

— Где ты была? — шепетом спросил Егор.

— Я не могу сказать, — сквозь слезы проговорила она, — не могу!..

Она обвилась вокруг Егора, припала к нему, — исступленно, отчаянно, — к его теплу, его живительной силе. Но вдруг отпрянула, как будто ее оттащили, крикнув в ужасе, с неожиданной силой:

— Я не хочу умирать, Егор! Они меня тоже убьют!..

Егор и г-н Назарие едва успели подхватить ее на руки, когда она рухнула без чувств.

IX

Перед тем, как расстаться, г-н Назарие сказал Егору:

— У меня такое впечатление, что я сегодня не просыпался. Сплю без просыпу вторые сутки и вижу сон.

— Если бы так, — ответил Егор. — Но я почти уверен, что мы не спим... К несчастью.

Они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Егор запер за собой дверь на ключ, затворил окно. Он двигался по комнате, контролируя каждый свой жест, словно допуская чье-то невидимое присутствие. Страха не было — только болезненная усталость во всех членах, в крови — как после сильного жара. Он решил подольше не засыпать. Дело шло к двум. Он прикинул, что еще час — и можно спокойно ложиться, рассвет обезопасит его от видений. Однако стоило ему облачиться в пижаму, как всякое сопротивление сломилось. Напрасно он мотал головой, хлопал себя по щекам — ничем было не отогнать сонную негу, вдруг растекшуюся по жилам. Он уснул с зажженной лампой, успев отметить напоследок, как несколько комаров снялись с потолка, закружились все ниже и ниже...

Очнулся он в просторном салоне с позолотой на стенах, с огромными канделябрами, украшенными хрустальными подвесками. Это начинался сон, понял Егор, и заметался, пытаясь проснуться. Но его сковало зрелище незнакомой, нарядно одетой публики. Особенно хороши были дамы — в бальных туалетах с осиной талией.

— Vous etes a croquer! — раздался подле него мужской голос, вызвав у дам смешки.

«Где я слышал эту фразу? — заволновался Егор. — Слышал или прочел в какой-то давней книжке?..» Однако, припомнив, что дело происходит во сне, он успокоился. «Побыстрее бы только проснуться...»

Очень странная — и в то же время хорошо знакомая — музыка грянула вдруг, навевая радость с привкусом грусти и какие-то смутные воспоминания, не о былом, а скорее о детских, давно забытых снах. Егор шагнул в гущу элегантной танцующей толпы. Стараясь не мешать парам, он пробирался вдоль стены. «Да, это начало века, — определил он. — Если бы публика увидела, как я одет...» Он с опаской опустил глаза на свой костюм — костюм был чужой, старинного покроя. Но первое недоумение тут же улетучилось. Рядом заговорили по-французски. Приятный голос молодой женщины, которая знает, что ее слушают. «Она знает, что я здесь», — со сладким замиранием сердца подумал Егор. Он подошел к зеркалу, чтобы увидеть женщину. Они встретились глазами. Нет, он видел впервые это лицо с очень красными губами. Дама стояла в окружении нескольких мужчин и, вероятно, ждала, что ей сейчас представят Егора, потому что улыбнулась ему. Мужчины тем не менее смотрели на него довольно враждебно. Он никого не узнавал в этом салоне, где оказался по чьей-то воле. Заглянув в соседнюю комнату, он увидел столы с зеленым сукном. Карточные игры его не занимали. Любопытно было лишь то, что игроки шевелили губами в разговоре совершенно беззвучно.

Он вернулся в бальную залу. Теперь здесь стало несколько душно. Дамы замахали большими шелковыми веерами. Егор спиной почувствовал чей-то укоризненный взгляд. Обернувшись, он увидел знакомые черты, но не сразу вспомнил имя: Раду Пражан. Его-то как сюда занесло? И что за вид — как у ряженого. Было очевидно, что Пражан чувствует себя не в своей тарелке на этом пышном балу, среди богатой публики. С ним никто не заговаривал. Егор направился в тот угол, откуда Пражан, прислонясь к стенке, смотрел на него, не мигая. Он прочел во взгляде приятеля, что должен спешить, должен пробиться к нему как можно скорее...

Но как трудно передвигаться по бальной зале в разгар танцев! Все новые и новые пары преграждали ему путь. Пришлось поработать локтями — вначале с оглядкой,

поминутно прося прощения, потом — уже бесцеремонно, распихивая, расталкивая дам и кавалеров. Те несколько метров, что отделяли его от Пражана, оказались неправдоподобно длинными. Сколько бы он ни пробивался вперед, расстояние между ними не уменьшалось. Пражан настойчиво звал его глазами, и как ясно он понимал этот зов!..

Чья-то рука обвила Егора за талию. Мгновение — и, будто запотевшее стекло отделило его от танцующей публики. Глаза Пражана глядели теперь с высоты, из-под потолка, и он еще нелепее выглядел там в своем маскараде.

— Ну же, взгляни на меня, друг мой любезный! — заговорила девица Кристина, обдавая Егора тревожным веяньем фиалки, влекущим теплом дыхания, одновременно воскрешая в нем ужас и отвращение. — Тебе не по вкусу наше веселье?

Каждое слово болью отдавало в его голове, с каждым звуком он проваливался в иное пространство, в иные сферы.

— Мы у себя дома, душа моя, — продолжала девица Кристина.

Она повела его за собой, мановением руки призывая оглядеть комнату, через которую они проходили. Егор узнал столовую, разве что вид у мебели был посвежее, не столь унылый.

— Поднимемся ко мне, хочешь? — вдруг сказала девица Кристина и потянула его вверх по лестнице, но он, вырвав руку, отскочил к окну и выговорил через силу:

— Ты мертва. И ты знаешь, что мертва.

Девица Кристина горько усмехнулась и снова подступила к нему. Она была бледнее обычного. «Это от луны. Как внезапно взошла луна», — подумалось Егору.

— Что с того, ведь я люблю тебя, Егор, — прошептала девица Кристина. — Ради тебя я прихожу из такой дали...

Егор смерил ее ненавидящим взглядом. Где же силы — крикнуть, проснуться?.. Кристина как будто читала его мысли, потому что ее улыбка стала еще грустнее, еще безнадежнее.

— Ты всегда здесь, — наконец выдавил из себя Егор. — Ниоткуда ты не приходишь...

— Что ты понимаешь, любезный друг, — тихо возразила Кристина. — Поверь: тебя я не хочу терять, твоя кровь мне не нужна. Позволь мне только иногда любить тебя, вот и все!

Такая страсть, такой голод по любви сквозили в ее голосе, что Егор содрогнулся и кинулся прочь, надеясь спастись бегством. Он бежал по бесконечному зловещему коридору и остановился, лишь отбежав на порядочное расстояние. Он стоял, тяжело дыша и плохо понимая, где он и куда теперь податься. Мысли рассыпались, воля была слепа. Коридор уходил вниз, как рудниковая шахта. Вдруг его ноздри защекотал слабый запах фиалки. Охваченный паникой, Егор вломился в первую попавшуюся дверь. В висках стучало, он привалился к двери, замер, прислушиваясь, не раздадутся ли снова шаги девицы Кристины. Тишина тянулась долгие-долгие минуты. Егор в изнеможении повернул голову, огляделся — и узнал свою комнату. Он попал прямо в свою комнату. Все тут было точь-в-точь как днем, вплоть до портсигара на столике и стакана с остатками коньяка. Вот только как-то странно, как в зеркальном отражении, преломлялся на всем свет.

Он бросился на кровать с одной мыслью — заснуть. Тут-то его и настигла снова фиалковая напасть. Сил противиться, спасаться бегством больше не было. Девица Кристина сидела рядом на постели, как будто поджидала его здесь давно.

— Зачем ты бежишь от меня, Егор? — сказала она, глядя на него в упор. — Зачем не позволяешь любить себя? Или все дело в Санде?

Она умолкла, не сводя с него глаз. Что было в них — тоска, нетерпение, угроза? Егор не мог разобраться. Не мог верно прочесть ее лицо — такое живое и такое ледяное, — ее глаза, неправдоподобно большие и неподвижные, как два хрустальных ободка.

— Если дело в Санде, — продолжала Кристина, — это поправимо. Она долго не протянет, бедняжка.

Егор дернулся было в негодовании, хотел угрожающе взмахнуть рукой, однако у него достало сил лишь скрестить с девицей Кристиной свой взгляд.

— Но ты же мертвая! — крикнул он. — Ты не можешь любить!

Кристина засмеялась. Он первый раз слышал ее смех, и, как ни странно, смеялась она точно так, как он себе представлял, когда несколько дней назад разглядывал ее портрет, — чистым, искренним девичьим смехом.

— Не надо поспешных суждений, любезный друг, — сказала она наконец. — Я прихожу из таких пределов... Но я все равно женщина, Егор! И если иные девушки влюблялись в утренние заезды, в Лучафэров, почему бы и тебе не полюбить меня?!

Она выжидательно замолчала.

— Не могу, — признался Егор, поколебавшись. — Я боюсь тебя.

И ему тут же стало стыдно за свою трусость. Надо было не сдаваться, твердить, что она мертвая, а он живой... Кристина протянула руку... Егор снова испытал это ни с чем не сравнимое прикосновение, от которого кровь застывала в жилах.

— Придет час, и я узнаю тепло твоих рук, — нашептывала она, придвигаясь ближе и ближе. — Ты полюбишь меня. А о Санде не думай, вам больше не быть вместе...

Она помолчала, не переставая ласкать его.

— Какой ты красивый! Какой ты большой и теплый! И я ничего не боюсь. Куда бы ни завела меня любовь, во мне нет страха... Что же ты колеблешься, Егор, ты, мужчина?..

Егор еще раз попытался сбросить Кристинины чары, рвануться прочь из сна. Фиалковый дурман кружил ему голову, близость ее тела изнуряла. Но все, что он смог, — это чуть отодвинуться от нее к стене.

— Я люблю Санду, — почти без голоса произнес он. — Помоги мне, Господи Боже, помоги, Пречистая Матерь Божья... — Последние слова ему удалось произнести достаточно твердо.

Кристина вспорхнула с его постели и спрятала лицо в ладонях. Так она простояла долго.

— Мне стоит только захотеть — и мозг твой обледенеет, а язык отсохнет, — заговорила она. — Ты весь в моей власти, Егор! Захочу — сделаю из тебя все, что мне угодно, захочу — приворожу, и ты пойдешь за мной, как другие... Их было много, Егор... Что мне твои молитвы! Ты всего лишь смертный. А я пришелица из иных краев. Тебе этого не понять, никому не понять... Но тебя я не хотела губить, ты мне мил, с тобой я хочу обручиться... Скоро, скоро ты увидишь меня по-другому. И тогда полюбишь, Егор... Уже сегодня страх твой пошел на убыль... И сейчас тебе не будет страшно, любезный друг. Сейчас ты проснешься, такова моя воля, ты проснешься...

...Егор вдруг понял, что уже давно лежит с открытыми глазами, без единой мысли в голове. «Я проснулся по ее приказу», — сообразил он, сразу все вспомнив. Он

знал, где оставил во сне девицу Кристину: посреди комнаты, — и резко повернул голову, ожидая встретить ее глаза с хрустальным блеском. Нет, девицы Кристины там не было. «Значит, приснилось, все-таки приснилось...» Кровь прихлынула к его голове, и приятная усталость растеклась затем по всем членам, как будто он выдержал тяжкий поединок и теперь мышцы предвкушали отдых.

Однако фиалковый дурман не ушел из комнаты. И несколько минут спустя Егор стал чувствовать чье-то незримое присутствие — не девицы Кристины на этот раз, кого-то неизмеримо чудовищнее. Страх теперь давал себя знать совсем иначе: Егор как бы оказался в чужом теле, чья плоть, кровь и пот были ему отвратительны. Чужая оболочка, нестерпимо тесная, сжимала ему горло, душила, не давала вздохнуть. А кто-то в это время смотрел на него, рассматривая его вблизи, и эти взгляды тоже принадлежали не девице Кристине...

Он не помнил, сколько продолжалась эта медленная пытка удушьем, это состояние невыносимого омерзения, перевернувшее все его существо. Иногда сквозь муть и ужас слабо веяло фиалками — Егор судорожно втягивал в ноздри их запах, мысль о девице Кристине казалась теперь куда менее жуткой. По сравнению с леденящим кровь наваждением, которое он переживал сейчас, ее приходы были не в пример милосерднее.

Когда он потерял уже всякую надежду, его вдруг отпустило. Он с облегчением перевел дух. Тот кто-то исчез без следа. Зато с новой силой нарастал фиалковый аромат, жаркий, женский, оплетающий. Однако теперь совсем не страшный. Егор напряг глаза, вглядываясь в темноту. Когда она успела приблизиться? Что за невесомая, неслышная походка! Она снова улыбалась. Смотрела на него, как раньше, во сне, и улыбалась. Лицо ее будто бы светилось изнутри — Егор различал изогнутые в улыбке губы, тонкие ноздри, полуопущенные ресницы. «Видишь, ты меня больше не боишься, — говорили ее глаза. — Право, есть вещи пострашнее, чем моя близость. Я только явила тебе, кое-кого, чтобы ты почувствовал, какие бывают страсти, какая дьявольщина, — что там я...»

«Она заставляет меня читать свои мысли, она диктует, что мне думать, — понял Егор. — Но почему она не заговорит сама, почему не подойдет? Ведь я больше не смогу защищаться...»

Чья была эта мысль, непроизвольно возникшая в его мозгу? Он ли подумал, что беззащитен перед ней, или она, девица Кристина, принудила его так подумать, готовя к дальнейшему?..

Кристина по-прежнему улыбалась. «Вот видишь, ты меня уже не боишься, — внушали ее глаза. — Ступени страха уходят гораздо глубже, друг мой любезный. Ты еще будешь домогаться меня, домогаться моих объятий, у тебя будет одна надежда, одно спасение — припасть к моей груди!..» Как ясно слышал Егор эти слова, хотя Кристина не разжимала губ!

«Ты полюбишь меня, — читал он в ее глазах. — Ты видел, как легко я могла бы задушить тебя кошмаром. Я только подослала к тебе кое-кого, и ты потерял себя. Ты не знаешь, кто это был, но тебе его не забыть никогда. Таких, как он, сотни и тысячи, и все послушны моему приказу... Егор, ненаглядный... Как же ты кинешься обнимать меня! И какими жаркими будут бедра мои для тебя!»

Мысль шла за мыслью, неспешно, плавно, четко, и Егору оставалось только прислушиваться к ним. Девица Кристина безусловно знала все, что с ним творилось, знала, что он сломлен и безропотен, — и потому наконец сделала шаг к его постели. Потом еще и еще — и вот она рядом. Теперь уже не во сне. Это противное природе создание перемещалось в пространстве! Егор явственно ощущал теплые колебания воздуха при ее приближении. «Придет час — и ты узнаешь мою наготу, — раздалось в Егоровой голове. — Как слитны, как долги будут наши объятия, любимый... Привыкай к моей близости, Егор. Вот моя рука, она ласкает тебя, и тебе не страшно, она несет тебе радость, чувствуешь — вот, я прижимаю ее к твоей щеке...»

Но Егор уже ничего не чувствовал. В тот миг, когда рука девицы Кристины коснулась его щеки, из него ушла вся кровь, дыхание стекло в глубь грудной клетки — побелев, с ледяным лбом он распластался на постели.

X

Доктора пригласили остаться на обед. Когда г-н Назарие вошел в столовую, г-жа Моску встала и торжественно представила ему лысеющего молодого человека в охотничьем костюме:

— Господин Панаитеску, доктор, выдающийся ученый муж и неутомимый апостол добра.

Затем состоялось представление профессора:

— Господин Назарие, университетский профессор, гордость румынской науки!

Г-н Назарие глядел в пол. Ему по-прежнему казалось, что длится дурной сон. Нервы шалили, к тому же одолевала усталость. Пожав доктору руку, он сел на свое место. Его поразило лицо Егора — белое как мел, с глубокой синевой под глазами, и он попенял себе за то, что ушел с утра в поле, в курганы за селом, не повидав товарища. А теперь вот его не узнать. Г-н Назарие искал глаза Егора — понять по ним, что могло случиться. Но Егор глаз не поднимал — то ли был слишком подавлен, то ли просто занят своими мыслями.

— Господин профессор приехал в наши края на археологические раскопки, — завела беседу г-жа Моску. — Для нас большая честь принимать такого гостя...

— Обнаружили что-нибудь заслуживающее внимания, господин профессор? — поинтересовался доктор.

— О, мы едва начали... — нехотя ответил г-н Назарие.

Симина разочарованно посмотрела на него, профессор явно не собирался разражаться длинной и пылкой речью, а всего лишь спросил, чуть ли не с укором глядя на медика:

— Как вы нашли нашу больную?

Доктор непроизвольно пожал плечами, но тут же опамятовался. Провел рукой ото лба к макушке, как бы сам ужасаясь, что это его череп так гладок и гол, и нерешительно промямлил:

— Одним словом не определишь... В любом случае, ничего, что внушало бы опасения. Анемия и, возможно, начало гриппа; впрочем, гриппа довольно редкой разновидности... Я даже подумал сначала, не малярия ли...

Он говорил, спотыкаясь на каждом слове, с паузами после каждого предложения. «Ему, похоже, сейчас не до больных», — подумал г-н Назарие, невольно оглядывая охотничий костюм доктора. Тот перехватил его взгляд и покраснел.

— Вас, может быть, удивляет эта куртка, — сказал он, теребя на ней пуговицу. — Но она очень удобная... И потом, я подумал, такие прекрасные деньки, недурственно было бы... Я, знаете, не то чтобы заядлый охотник, но люблю иногда пройтись по полям с ружьецом... Мы, интеллектуалы... да вы лучше меня знаете, какая у нас жизнь, редко когда удается... У меня, правда, нет охотничьей собаки, а так, одному, это, конечно, не то...

И он, совсем смешавшись, принялся за еду. Г-н Назарие уже давно смотрел в тарелку.

— Когда же вы пойдете на охоту, господин доктор? — деликатным голоском осведомилась Симина.

Доктор неопределенно развел руками. Но он был очень рад, что хоть кто-то поддержал тему охоты. Он боялся показаться смешным, скомпрометировать себя в глазах этого общества, хотя и довольно-таки странного.

— А меня вы с собой не возьмете? — загорелась вдруг Симина. — Я никогда не была на охоте... Мне так хочется поохотиться или хотя бы посмотреть...

— Почему же нет? Буду весьма и весьма рад, — отвечал доктор.

Егор медленно перевел взгляд с г-жи Моску на Симину.

— Совсем ни к чему маленькой девочке ходить на охоту, — сказал он строго. — Смотреть, как умирают ни в чем не повинные звери. Слишком много крови...

При последних словах он в упор взглянул на Симину, но та не проявила ни малейших признаков беспокойства. Опустила глазки, как положено благовоспитанной девочке, когда ее распекают взрослые. И ни на секунду не дала Егору понять, что его слова имеют для нее и другой, недоступный присутствующим смысл.

— И правда, это, наверное, не самое подходящее зрелище для ребенка, — примирительно подхватил доктор. — Вот когда барышня вырастет большая...

Симина, по своему обыкновению, усмехнулась. Г-н Назарие различил в ее едва заметной усмешке торжество и презрение. Он начинал бояться эту девочку. Его приводил в смущение, а порой и парализовывал Симинин взгляд, дерзкий и уничтожающий, выражение ледяного сарказма, неприложимого к столь ангельскому лику.

— Я рад, что наша милая Санда скоро поправится, — заговорил он, чтобы нарушить молчание. — И заставит господина художника поработать кистью.

Егор просиял, обернувшись к нему. Но все же у него подрагивали губы и в лице была необыкновенная бледность. «Как это никто не замечает, что с ним», — еще раз удивился г-н Назарие, но, перехватив жесткий, проницательный взгляд Симины, залился краской. Она как будто услышала его, прочла его мысли. «Симина заметила, она одна все понимает», — в волнении подумал г-н Назарие.

— Несколько дней, и она поправится, так ведь, доктор? — спросил Егор.

Доктор пожал плечами, но мину сделал вполне бодрую.

— А как же охота? — вдруг спросила г-жа Моску. — Вы ничего не рассказали нам про охоту. И потом, я сгораю от нетерпения отведать дичи. Сколько новых ощущений, дичь — что может быть лучше!

На миг она воодушевилась, руки затрепетали, как бы предвкушая прикосновение к чудесным охотничьим трофеям.

Только тут Егор заметил, что в дверях столовой обосновалась кормилица. За обедом подавала какая-то новая прислуга. «Возможно, она за ней просто присматривает», — подумал Егор себе в успокоение. Ему совсем не нравилось, что кормилица явилась сюда. У него было гадкое чувство поднадзорности: он читал издевку в кормилицыных глазах, улавливал, как они с Симиной переглядываются, как будто знают, что с ним происходит по ночам...

— Милостивая государыня, — с пафосом начал доктор. — Должен вам признаться, что в охоте я дилетант. Все же я льщу себя надеждой...

В эту минуту кормилица подкралась к стулу г-жи Моску и выпалила:

— Большая барышня за вами послали.

— Что же ты стоишь тут и молчишь! — в сердцах крикнул на нее Егор, вскакивая.

Кормилица вместо ответа только стрельнула глазами в Симинину сторону и поджала губы. Г-жа Моску поднялась с растерянным видом. Но Егор уже выбежал из столовой, не дав ей вымолвить ни слова.

Санда с покорным видом лежала высоко на подушках. Она вздрогнула, увидев входящего Егора.

— Что случилось? — с порога спросил он.

Санда молча смотрела на него с бесконечной любовью и страхом — слишком велико было это счастье и слишком поздно оно пришло к ней.

— Ничего не случилось, — слабым голосом сказала она, наконец. — Я хотела видеть маму... — И добавила она быстро: — Чтобы она мне почитала.

Егор возмутился: «Ложь без всякой логики, сама себя выдает... С утра ее утомляло чтение, а сейчас ей, видите ли, хочется послушать стихи, для этого она отрывает мать от обеда...»

— Госпоже Моску здесь нечего делать, — резко сказал он. — По крайней мере сейчас.

Он прикрыл за собой дверь и повернул ключ в замочной скважине. Его бросило в краску от собственной смелости, но решение было принято. Он должен все узнать, любой ценой...

— Ну, говори, прошу тебя, — ласково приказал он.

В глазах Санды мелькнул ужас. Столько мыслей проносилось в голове, столько чувств — она спрятала лицо в ладонях. Минуту спустя рука Егора легла ей на лоб.

— Говори же, родная моя, — тихо просил он.

Санда не отрывала ладоней от лица. Дыхание ее стало судорожным, плечи тряслись.

— Ведь и я должен тебе многое сказать, — продолжал Егор. — Доктор посвятил меня в тайну твоего недомогания...

Санда встрепенулась, подняла голову и пытливо заглянула ему в глаза.

— Но прежде, — продолжал он, — я хотел спросить у тебя одну вещь. Ты часто видишь Кристину? Я имею право спросить, потому что я ее — вижу...

Санда потеряла бы сознание, если бы Егор не склонился над ней, не стиснул с силой ей руки. Боль от этого пожатия причащала к жизни.

— ...Я ее вижу, — снова заговорил Егор, — как вы все тут. Но это безумие, Санда, долго не продлится. Вампиру надо пронзить сердце, и я это сделаю!..

Он сам содрогнулся от звуков своего громоподобного голоса. Слова слетали с губ как бы помимо его воли. Еще минуту назад он не собирался так открыто, так беспощадно говорить с Сандой.

— Я думала прежде всего о тебе, любовь моя, — угасающим голосом вдруг проговорила она. — Ты-то ни в чем не виноват, по крайней мере ты должен спастись, уехать отсюда как можно скорее.

— Однако вчера ты просила меня остаться, — заметил Егор.

— Это мой грех, — ответила Санда. — Если бы я могла предположить... но во мне говорила любовь, Егор, я люблю тебя...

Она расплакалась. Егор отпустил ее руки и погладил по голове, по щекам.

— И я люблю тебя, Санда, и ради твоего же блага...

— Нет, не делай ничего, Егор, — прервала она его. — Нам обоим будет только

хуже... Тебе особенно... Я за тебя беспокоюсь. Тебе надо уехать, уехать как можно дальше отсюда. Я потому и позвала маму — сказать ей, что ты... что ты в ее отсутствие вел себя со мной... дерзко... Что тебя нельзя больше пускать ко мне в комнату... В общем, чтобы тебе указали на дверь...

Она заплакала еще отчаянней. Егор выслушал ее спокойно, так же ласково, по-братски гладя по голове. Он был готов воспринять самую чудовищную, самую убийственную весть. Но Кристина приказала всего-навсего выгнать его. «И Санда полагает, что делает это для моей же пользы, что так она меня спасет...»

Тут снаружи нажали на дверную ручку. Санда вздрогнула, залилась румянцем. «Краска стыда, — подумал Егор, — значит, еще не все потеряно, чары еще можно перебороть».

— Заперто? Почему? — послышался голос г-жи Моску.

Егор поднялся и, подойдя к двери, заговорил, тщательно подбирая слова:

— Это Санда попросила меня запереть дверь на ключ, сударыня. И не пускать кого бы то ни было из вас. Она боится. Ей надо отдохнуть... Она задремала, и ей приведелась тетя Кристина, ее покойная тетя...

Г-жа Моску не откликнулась ни единым словом, вероятно, там, в коридоре, на нее нашла полнейшая оторопь. Егор вернулся к Санде, взял за руку и, наклонясь, шепотом сказал на ухо:

— Они подумают, что мы заперлись, как любовники. Пусть думают, что хотят. Это тебя скомпрометирует, и тебе придется выйти за меня замуж... Мы должны объявить о нашей помолвке прямо сейчас, Санда...

Г-жа Моску снова затрясла дверную ручку.

— Но это недопустимо! — крикнула она изменившимся голосом. — Что вы себе позволяете!

Санда собралась подняться и отпереть дверь, но Егор обхватил ее обеими руками.

— Господин Пашкевич! — зазвенел голосок Симины.

Егор снова подошел к двери.

— С этой минуты Санда — моя невеста, мы помолвлены, — твердо сказал он. — Она просит моей защиты и не велит открывать никому. Она не хочет сейчас видеть никого, кроме меня...

— Хорошенькая помолвка, заперлись на ключ в спальне! — отчетливо сказала Симина.

Санда с плачем зарылась с головой в подушки. Егор с трудом овладел собой.

— Мы готовы уехать в любую минуту, госпожа Моску, — объявил он. — Санде здесь больше нечего делать...

Он услышал, как удаляются по коридору шаги, и сжал виски ладонями. «Что я сделал? Что сделал?» Как это вырвалось у него вдруг? Откуда вдруг эта смелость и безрассудство?

— Ты не жалеешь, Санда? — спросил он, возвращаясь к ее постели. — Не жалеешь, что поневоле стала моей невестой?!

Она затихла и со страхом в глазах обвила руками его шею. Это было первое движение любви, и Егор снова почувствовал прилив сил, уверенности, счастья.

— Нет, правда, не жалеешь? — еще раз повторил он дрогнувшим голосом.

— Только бы дожить до свадьбы... — прошептала Санда.

XI

Несколько часов спустя Егор встретился в гостиной с г-ном Назарие. Тот казался чрезвычайно взволнованным, в глазах была растерянность, движения — дерганые, суетливые.

— Что происходит? — громким шепотом спросил он. — Хозяйка дома заперлась у себя, вы заперлись у Санды, младшая девочка вообще куда-то пропала... Что происходит?

— Да я и сам толком не знаю что, — устало ответил Егор. — Знаю одно: мы с Сандой обручились. Я люблю ее и хочу забрать отсюда как можно скорее...

Г-н Назарие слушал, ломая пальцы.

— Я боюсь за нее, за ее жизнь, — понизив голос, добавил Егор. — От этих маньяков всего можно ждать — они и задушить способны...

Г-н Назарие прекрасно понимал, что Егор лукавит, что отнюдь не безумие г-жи Моску держит его в страхе. Но все же одобрительно закивал головой.

— Вы очень хорошо сделали, что обручились, — сказал он. — Это кладет конец всем недомолвкам. Теперь никто не посмеет ничего сказать.

Егор не сумел сдержать нетерпеливого жеста.

— Обручится-то обручились, но она лежит в обмороке, — глухо сказал он. — Уже полчаса она лежит в обмороке, и я не смог привести ее в чувство. Ума не приложу, что делать!..

Он зашагал по гостиной, дымя сигаретой.

— Нам надо бежать отсюда, пока еще не поздно. Но сначала ее должен посмотреть доктор... Где доктор?

— Пошел на охоту, — виновато ответил г-н Назарие. — Сразу после обеда и пошел. Я ничего не знал. Только что узнал от экономки... Правда, к вечеру обещал вернуться...

Егор опустился на стул, докурил в молчании.

— Я запер ее на ключ, — резко сказал он, порывшись в карманах и с победоносным видом предъявляя профессору ключ.

«И у него тоже нехороший блеск в глазах, — подумал г-н Назарие. — Как бы он чего не натворил...»

— Разве что они попробуют через окно, — продолжал Егор, глядя в пустоту. — Особенно сейчас, когда скоро закат.

— И что вы намерены делать? — спросил г-н Назарие.

Егор усмехнулся, как бы колеблясь, раскрывать ли до конца свой замысел.

— Пойду поищу Симину, — сказал он наконец. — Кажется, я знаю, где может прятаться маленькая колдунья...

— Я надеюсь, вы не будете воевать с ребенком, — предупредил г-н Назарие. — Я хочу сказать, надеюсь, вы ей ничего не сделаете...

Егор рывком поднялся и взял профессора под руку.

— Вы знаете, где комната Санды? — спросил он, торжественно передавая профессору ключ. — Я попрошу вас охранять ее до моего возвращения. Запритесь

на ключ изнутри... Я боюсь их, — шепоптом добавил он. — Как подумаю, что так надолго оставил ее одну...

Они вместе вышли из гостиной, и Егор проводил профессора до комнаты Санды. Дом как будто вымер: ни одной живой души, ни малейшего шума. Шторы на окнах были опущены, как в летний полдень, отчего тишина угнетала еще сильнее.

— Ждите меня и, кроме меня, не открывайте никому, что бы ни случилось, — наказал Егор, отпирая дверь.

Г-н Назарие, волнуясь, вошел. На первый взгляд, серьезных перемен в комнате не произошло. Санда по-прежнему спала глубоким сном — таким глубоким, что дыхания не было слышно.

Егор направился прямиком в старый каретный сарай. В быстро тускнущем свете из подслеповатых окошек разыскал рыдван девицы Кристины и принялся его осматривать. Рыдван был старый, источенный дождями, с покоробленными сиденьями. Симины там не оказалось. «Спряталась», — подумал Егор, постоял в сомнении несколько минут, прикидывая, где ее искать.

Когда он вышел из сарая, солнце уже тонуло за кромкой поля. «Вот-вот стемнеет, — с тревожным чувством подумал Егор. — Налетит комарьё...»

Решительно не зная, куда идти, он задумчивым шагом побрел наугад к дворовым постройкам. Ни один человек не попался ему по дороге. И это безлюдье, когда кругом дома и всякое хозяйственное обзаведение, выглядело особенно зловещим. Люди, казалось, все побросали и спешно снялись с места — причем совсем недавно. Тут и там — кострища, зола и недогоревший хворост, тряпки, забытые глиняные горшки, навоз и рассыпанное зерно. Тишина тоже свидетельствовала о полном запустении. Ни квохтанья кур, ни собачьего лая.

Он поравнялся со входом в подземелье. В первый день по приезде Санда привела его сюда с целой ватагой веселых гостей, показала каменные ступени времен Тудора Владимиреску и замурованную нишу в глубине, где какой-то их предок безвылазно скрывался три недели и куда верный слуга приносил ему по ночам крынку молока и калач, передавая их через брешь в стене, которую они тоже осмотрели. Сколько воды утекло с того теплого и ясного осеннего дня, когда у Санды лукаво блестели глаза, когда своды подземелья звенели от молодых голосов... Целая вечность отделила его от этой счастливой поры — а прошли-то, подумать только, всего считанные дни.

Он закурил и уже двинулся было дальше, к кухням, как вдруг сзади послышались тихие шаги. Он обернулся. Никого. Но звук шагов раздавался вполне отчетливо, его нельзя было спутать с неясными ночными шорохами. Он подождал несколько секунд, пока в дверях подземелья не возникла Симина. Она шла крадучись, стараясь ступать неслышно. Натолкнувшись на Егора, она вздрогнула, но тут же, заложив руки за спину, чинно подошла к нему.

— Я не разбираюсь в этикетках, — сказала она без предисловий, глядя ему прямо в глаза. — Мама послала меня за бутылкой содовой воды, но там столько разных бутылок... И я не думала, что там так темно...

— С каких это пор тебя стали посылать в погреб за бутылками? — спросил Егор. — Разве слуг не хватает?

Симина пожала плечами.

— Не знаю, что случилось, но осталась одна кормилица. Остальные ушли вон туда, — она махнула ручкой, — кажется, убирать виноград... Есть еще новая экономка, но она заболела... А мне одной очень трудно управляться.

Егор погладил ее по головке, по мягким, теплым, душистым волосам. Девочка стояла смирно, опустив ресницы.

— Мне очень жаль, малышка, что мы оставляем тебя тут одну со всем управляться. Завтра утром мы уезжаем. Санда и я.

Симина слегка отстранилась, выскользнув из-под Егоровой руки, запротестовала:

— Но Санда же больна, господин доктор ее не отпустит.

— Это не болезнь, — возразил Егор, — она просто очень напугана. Ей привиделась покойная тетя.

— Неправда! — выпалила Симина.

Егор рассмеялся. Бросил сигарету, пригладил волосы, потер руки — ненужные, суетливые жесты, — лишь бы показать Симине, что ее вмешательство бессильно.

— Так или иначе, завтра мы едем...

Симина вдруг заулыбалась.

— Мама, наверное, заждалась содовой, — сказала она вкрадчиво. — Не будете ли вы так любезны мне помочь?

«Вот и ловушка», — подумал Егор, и мороз прошел у него по коже, когда Симина кивнула головой на подземелье. Но взгляд ее был так нескрываемо презрителен, что ему волей-неволей пришлось изобразить невозмутимость и ответить:

— С радостью.

Однако ее предложение могло хоть кого озадачить. «Она и не думает скрывать от меня, где была. Уж не послали ли ее и впрямь за бутылкой содовой?..»

— Ну, и где же тут бутылки? — спросил он, спускаясь по каменным ступеням.

Дыхание Симины, шедшей за ним следом, выдавало волнение. «Если она так дышит, значит, я попался», — подумал Егор.

— Они дальше, дальше, — проронила Симина.

Ступени кончились, и Егор почувствовал под ногами влажный песок.

— Погоди, я зажгу спичку, — сказал он.

Симина перехватила его руку — резким, повелительным жестом.

— Еще видно, — сказала она. — Или вы боитесь?

И засмеялась. Ледяные струи ужаса, как прошлой ночью, пробежали по спине Егора. Смех был не ее, не Симинин. И голос не ее — властный, чувственный, женский. Егор сжал кулаки. «Болван», — мысленно выругал он себя. Потом все же чиркнул спичкой и строго, с угрозой поглядел на девочку. Но вызвал только новый взрыв смеха.

— Наш храбрый Егор! — выговорила она с неподражаемым презрением.

Дунула на спичку и пошла в глубину подземелья.

— Когда мы выйдем отсюда, Симина, я тебе надеру уши, — пригрозил Егор.

— Почему же не сейчас? — откликнулась Симина и остановилась, заложив руки за спину. — Посмей только!

Егора затрясло. Непонятная дрожь охватила все члены. «Наверное, так это начинается, так сходят с ума...»

— Если тебе страшно, что же ты не идешь обратно? — прозвучал голос Симины.

Совсем незнакомый голос, совсем чуждый ее маленькому алому ротику! Голос, ядом проникший в кровь Егору, похотью — сумасшедшей, звериной, — отозвавшийся во всем теле. Он зажмурился, пытаясь мысленно вызвать перед собой лицо Санды. Но он не видел больше ничего — один красный туман. Не слышал ничего — один колдовской голос Симины.

— Ну-ну, иди смелее, — приказала девочка.

Следом за ней Егор вошел в кладовую. Еле различимые, стояли по стенам старые, ветхие шкафы. Окошечко под потолком, забранное решеткой, еще чуть светилось усталым, мутным светом. В углу валялись старые корзины, драные мешки.

— Ну, что ты, что? — спрашивала Симина, беря его за руку.

Он не сопротивлялся. Дыхание стеснилось, глаза застлала пелена. Начиналось давнее, долглжданное сновидение, и он тщетно пытался нащупать в памяти момент, когда и зачем он вышел из него, для какой еще другой жизни. «Как дивно, как дивно вот так, с Симиной!..»

— Сядь! — повелела девочка.

Да, давно бы так, броситься на мешки, отдохнуть. Все тело горело, руки дрожали. Он почувствовал опустившуюся рядом Симину.

— Она здесь? — почти невольно вырвалось у Егора.

— Нет. Ей еще рано, — шепотом ответила девочка.

— Но это ее место, да? — допытывался сквозь свой сон Егор.

Симина заколебалась. Потом решила, что бояться нечего: из Егора — такого, с помутненным рассудком — можно было вить веревки.

— Да. Почти там, где мы!

Егор задрожал сильнее, как будто у него началась лихорадка.

— А тебе не страшно? — спросил он.

Симина со смехом приподнялась, потрепала его по волосам.

— С ней хорошо, совсем не страшно. И тебе больше не будет страшно...

— Симина, не бросай меня одного! — взмолился Егор, слепо, отчаянно прижимая ее к себе.

— Успокойся! — прикрикнула на него девочка и, помолчав, зашептала на ухо: — Сегодня ночью не запирай дверь. Она придет на самом деле. Придет к тебе, в постель...

Она расхохоталась, но Егор даже не услышал ее хохота. Все распалось, все поплыло перед глазами, в мозгу, в памяти.

— О, какой слюнтяй! — обругала его Симина. — Тряпка тряпкой. Если бы я ушла, ты бы умер со страху!

— Не бросай меня, Симина, — хрипло умолял Егор. — Накажи меня! Но только не бросай одного!..

Он стал судорожно целовать ее руки. Дыхание было трудным, жарким, на лбу каплями выступил пот.

— Не так, Егор, не так! — подстрекала Симина. — Целуй меня так, как я хочу!

Она юрко прильнула к его губам, вонзив в них свои зубки. В неземной, мучительной неге Егор запрокинул голову, отдаваясь этим поцелуям из меда и крови. Девочка кусала его губы, а ее грациозное, свежее, детское тельце оставалось холодным. Почувствовав кровь, Симина жадно собрала ее языком и тут же вскочила на ноги.

— Даже целоваться не умеет! Вот дурак!

— Да, Симина, — смиренно согласился Егор.

— Целуй мою туфельку!

Она выставила вперед ножку. Трясущимися руками Егор обнял ее голень и покрыл поцелуями.

— Туфельку!

Еще одна сладость — ядоносная сладость унижения! Егор поцеловал ее туфельку.

— Нет, что за дурак! Тебя надо бы высечь! А при мне, как на зло, ничего нет, даже плетки!

Егор тихо заплакал, уронив голову на мешки.

— Не хнычь, слышать не могу! — прикрикнула на него Симина. — Раздевайся!

Егор, размазывая слезы, стал снимать рубашку. Лицо его было в грязных подтеках, вокруг рта — пятна крови. Запах крови окончательно распалил Симину. Она набросилась на Егора, неистово царапаясь и кусаясь. И чем глубже боль проникала в его плоть, тем слаще становились причиненные Симиной раны. Только раз он сказал себе: «Надо бы проснуться. Пора проснуться. Иначе я сойду с ума. Я не вынесу этого, больше не вынесу!..»

— Почему ты не кричишь, почему даже не стонешь? — спрашивала Симина. — Почему не защищаешься?

И она с новым исступлением впивалась в него ногтями. Но Егору не было надобности защищаться. Блаженство, о существовании которого он не подозревал, блаженство, недоступное смертному, давало ему это унижение.

— Трус! — сквозь зубы процедила Симина. — И такой же болван, как другие!.. Не понимаю, как она могла в тебя влюбиться! — И вдруг замерла, словно испугавшись чего-то. Насторожилась.

— Кто-то идет, Симина? — слабым голосом спросил Егор.

— Нет. Но нам надо возвращаться. Боюсь, не умерла ли там Санда...

Егор разом очнулся, содрогнувшись от ужаса, сжал виски в ладонях. Резкий болью пронзило мозг. Где он и что с ним тут было, он помнил, но в голове не укалдывалось, как он мог это допустить, как стерпел...

Сильнейшее отвращение к самому себе, к скверне маленького тела, отвращение к жизни охватило его. Но сил не было, он не смог даже взглянуть в глаза Симине.

— Не забудь, что я тебе сказала, — напомнила Симина, отряхивая платьице. — Не запирайся ночью на ключ...

«Она даже не дает себе труда припугнуть меня чем-нибудь, — подумал Егор. — Так она уверена, что я не посмею ее выдать, пожаловаться...»

Симина ждала, пока он встанет с мешков, наденет рубашку. Она не помогала ему. Только смотрела с неприязненной, брезгливой усмешкой.

XII

Г-н Назарие томился в комнате Санды, считая минуты. Начало смеркаться. Он отошел к окну, сам удивляясь своему присутствию здесь, подле больной в летаргическом сне. У окна было хотя бы посветлее: виднелось опаловое небо и еще пылали верхушки деревьев. О стекло снаружи бились, как всегда, комары. Г-н Назарие, робея, наблюдал за ними. Их тучи, как клубы пыли, сгущались и распадались под неслышимую музыку, тщетно пытаясь проникнуть внутрь, и это упорное биение об оконное стекло усиливало ощущение угрозы. «Что, если они разом навалятся в комнату...» — мысль оборвалась. Профессор круто обернулся. Тишина давила, угнетала. «Какой бесконечный сон, — подумалось ему. — И хоть бы дышала... Вдруг она уже умерла, а я даже об этом не знаю?!»

Он сжал кулаки. Ладони были влажные, горячие, а пальцы ледяные. Лихорадка, страх. «Но она не могла умереть незаметно, пока я здесь, я бы услышал... Люди не умирают просто так, во сне. Они стонут, они борются. Смерть является в черном плаще, с серебряной косой... А просто так, безо всего, это невозможно...»

Г-н Назарие издали посмотрел на Санду. Она лежала в прежней позе, и ее лицо еще можно было различить в полумраке комнаты. «Скоро уже вернется доктор, — подбадривал себя г-н Назарие. — Конечно, мне следовало бы подойти к ее постели, потрогать лоб... А вдруг он будет холодным — или покажется мне холодным?.. Нет, лучше бежать. Пока есть силы...»

Он шагнул к двери. «Какой странный сон, не тревожимый сновидениями. Даже не застонет, словно ее ничто не мучит. Лежит — не шелохнется — там, далеко. И грудь не вздымается от дыхания. А что, если она шевелила губами, звала его, много раз звала, а он не услышал?.. Уйти сейчас? Но сйечас в коридоре еще темнее. И может быть, кто-то там, прямо под дверью, его и караулит. Так всегда: встанут под дверью, приложат к ней ухо, затаят дыхание и подслушивают, часами подслушивают и подстерегают тебя. Ждут, что ты будешь делать... Да, так и бывает. Кто-то, невидимый, неуловимый, ходит за тобой по пятам, не спускает с тебя глаз, читает твои мысли, выжидает. Ждет, что ты будешь делать... Как долго нет Егора. Ушел и запер меня на ключ, отдал меня на растерзание...»

Г-н Назарие подкрался к двери, встал на колени, приложил ухо к замочной скважине. Ничего не было слышно, но тишина навела на него еще больше ужаса, совсем бездыханная тишина. Хоть бы прошел кто по коридору, хоть бы что упало, громыхнуло, зазвенело, хоть бы собака залаяла во дворе. Дом стоял как вынутый из небытия или давнего сна — даже сам воздух в нем был выдохшийся, нездешний, остуженный. Егор рыщет сейчас где-то вне этих стен — а может, и вовсе бежал...

Темнота сгустилась теперь по-настоящему. Г-н Назарие со страхом наблюдал, как она идет волнами, захлестывая прозрачность окна, туша блеск стекол. Следовало бы зажечь лампу. Но свет оживляет тени, даже от спички все начинает ходить ходуном. «Лучше побуду так. Притаюсь. Послушаю. Не только они меня, но и я их...»

И вдруг тишина разразилась глубоким вздохом — раз начавшись, он нарастал без остановки. Г-н Назарие заткнул уши. «Только бы не сойти с ума, только бы не сойти с ума... Раз, два, три, четыре... Пресвятая Богородица, спаси и помилуй!..» Но ничего не помогало, вздох не кончался, а набирал силу, он шел как будто изнутри, из его собственного сердца, бушуя в висках оглушительно, победоносно, безудержно. Г-н Назарие не отважился взглянуть на Санду. Он попятился, прижался к стене. «Может, так она меня не заметит. А то еще испугается, если вдруг увидит меня в своей комнате. А так, может, и не заметит, что уже умерла, так, может, и не поймет...»

Вдруг его позвали:

— Господин профессор!

Голос шел снаружи. Бесконечный и жуткий вздох достиг двери и бил в нее тяжелыми кулаками.

— Откройте же, господин профессор!

Голос доносился то ли из далекого далека, то ли из-под земли. Но все же профессор слышал его — глухой, искаженный. Он отнял руки от ушей. Удары загрохотали рядом. Он подошел к двери.

— Господин профессор!

Он потрогал руками замок и нащупал ключ. Чудеса! Кто же вложил его в скважину изнутри так, что он даже не заметил?..

Он повернул ключ. Белой тенью на пороге возникла Симина. Постояла, осторожно прислушиваясь, потом спросила:

— Умерла?

— Н-не знаю...

Девочка пошла к кровати и, приложив ухо к груди Санды, долго слушала.

— Где вы? — окликнула она профессора.

— Здесь, у двери, — покорно отозвался г-н Назарие. — Ты меня не видишь?

Симина промолчала. Направилась к окну и приникла лбом к стеклу, как будто силясь разглядеть лицо того, кто смотрел в комнату из парка, тоже прильнув к стеклу, выжидая.

Вид белого силуэта Симины на фоне окна вогнал г-на Назарие в дрожь.

— Где Егор? — вырвалось у него.

— Право, не знаю... Где-то во дворе. Ждет доктора... А почему вы заперли дверь на ключ? Вы что, тоже помолвились с Сандой?

Г-н Назарие сконфуженно опустил голову. Но уйти не решился. Слишком темно было в коридоре, слишком страшно без Егора.

— Что Санда? — спросил он.

— Жива... Сердце бьется... — тихо ответила Симина и тут же рассмеялась. — А вы тут, я вижу, натерпелись страху, да?

— Нет, девочка, — сухо ответил г-н Назарие.

— Но подойти к ней боялись... Где вы? — снова спросила она. — Я вас не вижу.

— Здесь, у двери.

— Подите ко мне.

Г-н Назарие повиновался. Девочка уцепилась за его руку своими холодными маленькими ручками.

— Господин профессор, — зашептала она. — С мамой что-то творится... Мы должны все идти к ней... Поищите, будьте добры, Егора и приходите оба наверх, в ее комнату.

Г-н Назарие содрогнулся. Голос девочки изменился до неузнаваемости — он отсылал к воспоминаниям, к забытым снам...

— Я его поищу, — хрипло ответил профессор, отдергивая руку. — Но как мне

пройти по коридору — я боюсь в темноте наткнуться на мебель. Тут нет спичек?

— Нет, — отрезала Симина.

Г-н Назарие, помявшись, вышел. Симина подождала, пока стихнут его шаги, закрыла дверь, повернула ключ в замке и снова приблизилась к окну. Постояла в раздумье, потом взобралась на стул, чтобы достать до оконной ручки, и распахнула створки окна. Далеко, посреди неба, над вязом, тьму рассекал свет луны. Безжалостный, белый, мертвенный.

Г-н Назарие нашел Егора на веранде. Опершись о перила, тот стоял с бессильно поникшей головой, как будто не в силах держать ее прямо, и смотрел вниз, в пустоту.

— Санда так и не очнулась! — обратился к нему профессор. — У нее сейчас Симина.

Ему показалось, что Егор не слышит, и он потрогал его за рукав.

— Отчего вы так долго? Где вы до сих пор были?

— Искал ее, — неопределенно ответил Егор. — Я искал везде...

Он вздохнул, отер ладонью лоб. При свете керосиновой лампы г-н Назарие заметил на лице Егора, вокруг рта, следы крови. И только тогда разглядел, что платье его в беспорядке, а волосы влажны и прилипли ко лбу.

— Что с вами? — в волнении спросил он. — Что у вас с губами?

— Оцарапался... Об акации, — через силу ответил Егор, вяло вытягивая руку в сторону парка. — Там.

Г-н Назарие смотрел на него с растущим страхом. Кто зажег лампу на веранде этого пустого дома, где не слышно ни звуков, ни голосов?

— Кто зажег лампу? — шепотом спросил он.

— Не знаю. Я ее нашел уже так... Может, кормилица...

— Надо уезжать, — не повышая голоса, сказал г-н Назарие. — Как только появится доктор, уедем с ним вместе.

— Слишком поздно, — после долгого молчания проговорил Егор. — Теперь это уже не имеет никакого смысла. — Он закрыл лицо руками. — Если бы знать, что со мной было, если бы понять, что это такое...

Он запрокинул голову — лицом к безжизненно-белой луне над вязом.

— Хорошо бы позвать священника, — сказал г-н Назарие. — Невозможно гнетет этот дом, все эти люди.

Егор вдруг спустился с веранды и пошел к большой цветочной клумбе. Белые душистые цветы росли на ней, и ток воздуха был как будто свежее и чище.

— Но с вами что-то случилось, — нагоняя его, сказал г-н Назарие.

Он не хотел отпускать Егора слишком далеко от дома. Темнота парка была невыносима, темнота и резкие тени акаций.

— Нет, это как во сне, — добавил он.

— У меня тоже такое ощущение, — подхватил Егор. — Вы правы, что-то случилось, но я хотел бы понять, что... Я искал Симину, везде... А вы вот встретили ее, не ища... — Он устало остановился. — Я же просил вас побыть с Сандой, постеречь ее.

Я за нее боюсь, как она там одна...

— Симина попросила нас пойти посидеть с госпожей Моску, — извиняющимся голосом объяснил профессор. — С ней что-то тоже неладно.

Егор, казалось, начал стряхивать с себя морок сна, в котором его застал г-н Назарие.

— Но я даже не представляю себе, как мы сможем найти госпожу Моску, — заговорил он. — Надо бы позвать на помощь... хоть кого-нибудь.

Г-ну Назарие пришлись не по душе эти слова — мыслимое ли дело говорить такое здесь, в темноте! К тому же Егор норовил углубиться в аллею, и г-н Назарие снова попытался вопросами удержать его:

— Как же вас угораздило так сильно пораниться? Как это произошло?

Егор шел вперед, не отвечая. Как будто что-то звало его оттуда, из-за цветов, из вольных зарослей сирени и рожковых деревьев, переплетшихся корнями. Пахло ночью под сенью их листьев, живых и лукавых. Бесчисленные души умерших, которые давно смолкли и лопотали теперь только листьями, обмениваясь друг с другом вестями и пересмешничая.

— Доктор должен скоро быть, — не унимался г-н Назарие, которого пугало молчание.

Ему здесь не нравилось. Тянуло вернуться. Бросить Егора одного и вернуться на веранду, где горит керосиновая лампа. А там и доктор подойдет.

— Я не понимаю, что вы задумали, — решился он, наконец. — Я иду обратно. Дождусь доктора и уеду. А этому дому нужен священник... Иначе тут все сойдут с ума...

Как твердо, как четко он говорил, проясняя для самого себя не названные до сих пор мысли. Священник, служба, много народа, много огней...

— У меня болит голова, — не сразу ответил Егор. — Я хочу немного пройтись, подышать воздухом...

Он глубоко вздохнул, глядя вверх, на макушки акаций. Луна была теперь ближе, теперь она отливала серебром, и тьма вокруг расступилась, давая ей дорогу.

Наконец-то появился доктор со связкой убитых птиц. Г-н Назарие, волнуясь, встретил его на веранде. Слава Богу, теперь он будет не одтн. К тому же доктор — человек здравомыслящий, несуеверный.

— Вы не слышали, как я стрелял? — спросил доктор. — Я охотился в окрестностях парка. Так мне казалось, по крайней мере. И все равно заблудился... Я стрелок, конечно, аховый, — добавил он, указывая на свои трофеи. — Попадаю только в растяп...

Он поднялся на веранду и упал в соломенное кресло.

— А что, людей никого нет? — спросил он. — Я так мечтал о стакане воды...

— Да, похоже, никого нет, — сдержанно ответил г-н Назарие. — Все на винограднике... Однако воду найти нетрудно...

Они вместе вошли в столовую, г-н Назарие освещал путь лампой. Доктор налил себе два стакана воды.

— Господин Пашкевич, — начал он, повеселев, — так его, кажется, зовут... у господина Пашкевича, по-моему, свиданье при луне...

Он неловко хмыкнул и потрогал пальцами лоб, как будто нащупывая невидимые ушибы. Но вовремя вспомнил, что в доме, где есть больной, неприлично смеяться, и, изобразив на лице внимание, поинтересовался:

— А как себя чувствует наша барышня?

— Все еще в обмороке, — сообщил г-н Назарие. — Потеряла сознание час спустя после вашего ухода... Если только еще не умерла...

Тон профессора, философски-невозмутимый, привел доктора в полнейшую оторопь, даже взгляд у него на минуту остекленел.

— Я надеюсь, это шутка, — выдавил он, пытаясь улыбнуться. — Однако нам, медикам, чувство юмора не положено. Я должен немедленно ее посмотреть!..

Он с озабоченным видом прошел в комнатушку при столовой, вымыл руки.

— Спрашивается, как можно всех отпускать в такой момент, — проворчал он, нахмурясь.

Г-н Назарие, высоко держа лампу а правой руке, пошел вперед, указывая дорогу.

— Мне говорили, что это все же весьма богатое семейство... — шепотом начал доктор.

Г-н Назарие не поддержал разговора. Его занимали перемены, произошедшие в коридоре. Здесь даже пахло теперь по-другому, и воздух был свежий, согретый жизнью. Пустота больше не угнетала. Где-то совсем близко раздавались молодые голоса.

— Стоп, — произнес г-н Назарие, останавливаясь у двери в комнату Санды.

Затаив дыхание, доктор постучал. Они вошли. В комнате горела сильная лампа под большим, персикового цвета абажуром. Г-жа Моску с сердечной улыбкой поднялась навстречу гостям. Симина сидела на краешке кровати, благочинно опустив глазки.

— Как чувствует себя наша барышня? — вполголоса осведомился доктор.

— Она очень хорошо выспалась, — отвечала г-жа Моску. — Спала почти до сих пор. Я едва ее добудилась...

Она с непритворной нежностью улыбнулась Санде, лежащей высоко на подушках с усталым, но спокойным, примиренным лицом. Доктор взял руку больной, нащупал пульс. Недоуменно насупил брови, затем недоумение перешло в тревогу, в испуг.

— Как странно, — шепнул он, пытаясь поймать взгляд г-на Назарие, но тому недостало храбрости встретиться с доктором глазами.

Тот упорно смотрел мимо. «Что за бредовые страхи я тут испытал, что за бредовые сны — и каких-то пару часов назад...» Теперь тут все дышало теплом и уютом, как будто так было всегда.

— Странно, — повторил доктор. — У меня такое впечатление, что жар усиливается... Вы мерили температуру?

— Мне гораздо лучше, — проронила Санда.

Г-н Назарие вздрогнул. Какой угасающий голос... Он выдавал приближение конца, и профессор почувствовал это всей кожей. Бесслезный голос, который приуготовился к вечному молчанию.

— У нее сегодня было большое волнение, — вмешалась г-жа Моску. — Представьте себе, она совершенно неожиданно обручилась с господином Пашкевичем. — Г-жа

Моску засмеялась, переводя взгляд с доктора на г-на Назарие. — Не поднимаясь с постели! — воскликнула она. — Вообразите себе!

Казалось, ее ничуть не расстроила эта странная помолвка. Услышав фамилию Егора, доктор снова обернулся к г-ну Назарие и на этот раз перехватил его взгляд. «Он что, сумасшедший, этот Пашкевич? — спрашивал доктор глазами. — Ничего не понимаю».

— Она у меня такая нетерпеливая невеста... — продолжала г-жа Моску. — Ее жених, господин Пашкевич, намерен немедленно увезти ее и сыграть свадьбу уже в Бухаресте...

— Да нет же, мама, — еле слышно возразила Санда. — Я сделаю так, как ты скажешь...

Симина заулыбалась. Доктор смотрел на нее, удивляясь: какие жесткие глаза, какая уничтожающая улыбка... Не по летам созревшее дитя...

— Но пора ужинать! — вспомнила г-жа Моску. — Симина, вели кормилице подавать на стол.

Когда все общество подошло к столовой, кормилица встретила их в дверях.

— Ничего нет, кроме сыра и молока, — заявила она г-же Моску.

— Надо найти, — строго ответила г-жа Моску. — Должно же быть что-то в кладовой — ну, там, варенье, фрукты, сухари, по крайней мере.

Доктор, услышав этот разговор, залился краской. Как нелепо и оскорбительно! Остался на ужин без приглашения... Он оглянулся на г-на Назарие, ища поддержки, но его лишь еще больше обескуражила брезгливая усмешка Симины. Профессор пошел на веранду за Егором — увидел, как тот приближается к дому по главной аллее развинченной, неторопливой походкой, и понял, что его надо встряхнуть, разбудить.

— Санде лучше, мы с доктором к ней наведывались. Она еще очень слаба, но уже вне опасности, — поспешно сообщил он, бегло осматривая при этом Егора.

Кажется, тот пришел в себя, потому что волосы у него были приглажены, платье почищено.

— Мне тоже было худо, но теперь все прошло, — сдержанно сказал он. — После ужина нам с вами надо будет непременно переговорить... Посоветоваться...

Входя в столовую, Егор встретился глазами с Симиной. Она смотрела на него кротко и почтительно, как положено смотреть на гостя благовоспитанному ребенку. «Господи Боже мой, что же там на нас нашло? — в ужасе подумал Егор. — Что было на самом деле, а что примерещилось?»

— Примите наши поздравления с помолвкой, господин Пашкевич, — не без иронии произнесла г-жа Моску.

Егор поклонился, прикусив губу, чтобы сдержать себя, но распухшая рана живо напомнила ему только что пережитый кошмар. Он снова взглянул на Симину. Девочка не подавала виду, что замечает его состояние. Она смирно ждала знака занять свое место за столом. Кормилица что-то запаздывала с ужином.

Г-н Назарие и доктор тихо переговаривались на пороге веранды. Отдавая себе отчет, что поступает крайне невежливо, Егор все же оставил г-жу Моску одну с Симиной и подошел к ним. Разговор шел о Санде. При виде подошедшего Егора доктор смущенно осекся.

— Что же вы вернулись один? — спросил он после паузы с заговорщической улыбкой. — Где оставили свою даму?.. Или это была барышня?!

Егор смотрел на него, часто моргая, силясь понять вопрос.

— Даму, с которой вы гуляли по парку час назад, — несколько растерявшись, стал объяснять доктор. — Я возвращался с охоты и увидел вас, сам того не желая, конечно...

Он снова улыбнулся, перебегая глазами с Егора на профессора.

— Я действительно долго гулял по парку, но я гулял один... — тихо проговорил Егор.

— Может быть, это неделикатно с моей стороны... — счел нужным извиниться доктор.

— Отнюдь нет, сударь, — возразил Егор. — Но, смею вас уверить, я гулял в одиночестве. Впрочем, вокруг на десятки километров нет никакого другого поместья. А с семейством Моску, я полагаю, вы познакомились в полном составе.

Доктор, весь красный, слушал, не веря своим ушам. То г-н Назарие позволил себе сомнительно пошутить насчет состояния Санды, теперь — его снова хотят поднять на смех?

— Тем не менее я видел даму, — сказал он, надувшись. — Меня еще удивило, издалека, как она изысканно и нарядно одета. Чересчур, пожалуй, изысканно для прогулки по парку...

Г-н Назарие вздрогнул и опустил глаза. Егор с неприкрытым волнением вслушивался в слова доктора.

— И если я поступил нескромно... вроде бы подглядывал... то только из-за наряда дамы...

Внезапно возникшая в их кругу Симина как нельзя более учтиво позвала мужчин к столу.

— А то молоко остынет, — объяснила она.

Озадаченные мужчины, переглядываясь, вошли в столовую.

XIII

Доктор очень устал и потому первым ушел в комнату, которую приготовила для него кормилица. Его утомила не только охота, но и эта странная трапеза в обществе явно больных, издерганных людей, невпопад ронявших реплики. И какой стыд — уплел самый большой кавал сыра и выхлебал две тарелки молока! Кроме него и г-жи Моску, никто не проявил признаков аппетита. В жизни он не попадал на столь нескладный ужин — вот вам и господа богатые помещики! Однако хозяйка, поднявшись из-за стола, тотчас же вручила ему конверт с тысячью лей. Хоть это по-барски.

Ему совсем не понравилась комната, куда его проводили, — из нее как будто только что выехал кто-то, кто прожил тут долго и наложил на все свою печать. В самой расстановке мебели чувствовалась рука, приверженная к определенному порядку, который ему претил. В комнате пахло увядшими цветами — наверняка какой-нибудь старый букет осыпался где-то за шкафом или за сундуком. Над кроватью красовалась картина, выцветшая и засиженная мухами. Картина, без сомнения, любимая этим кем-то, потому что вид у нее не был ни грустный, ни бесхозяйный, — она висела уверенно, составляя как бы целое с еще не остывшей постелью. «Отсюда уехали не далее как несколько дней назад, — определил доктор. — Очень удобно: меблировано и белье под рукой, поэтому меня сюда и законопатили».

Он быстро разделся, погасил лампу и забрался в постель. Ночь предстояла короткая — завтра его чуть свет разбудит прислуга, к первому поезду на Джурджу. А гости, какие чудаки! Но притом... сама любезность. Вызвались завтра встать вместе с ним, проводить его на станцию. Даже не стали прощаться. Им, видите ли, доставит удовольствие его проводить. Гм!..

Он был уверен, что заснет мгновенно. Наискосок, в окне, стояла на карауле луна.

— Мы должны вместе встать на молитву, — сказал профессор, стараясь казаться спокойным. — Это нам поможет... — Он говорил, а сам заражался ужасом, который читал в глазах Егора. — Вы верите, что доктор правда видел? Неужели возможны такие страсти господни?

Кто-то уже спрашивал это — давно, посреди поля, тоже ночью. Тогда было похолоднее, из-за ветра, но он не помнит такой неправдоподобной, такой непробиваемой тишины. Даже их шаги по комнате при зажженной лампе не могли ее всколыхнуть. Что-то тушило, как об войлок, все шумы.

— Давайте помолимся, — убеждал Егора г-н Назарие. — Это придаст нам храбрости.

Для храбрости Егор, не отвечая, плеснул себе в стакан еще коньяка. Он улыбался, но рука его дрожала, когда он ставил бутылку на стол.

— Если я и боюсь, то за Санду, — сказал он. — Может, нам лучше было бы вообще не ложиться в эту ночь, а караулить ее... Мне по крайней мере...

Г-н Назарие подошел к окну. Распахнутое, оно щедро пустило половодье ночи, тьму.

— Вы не закроете? — спросил профессор. — Собираетесь спать так?

Егор засмеялся.

— Я не боюсь открытых окон, — резко сказал он. — Это идет не оттуда.

Он показал рукой на парк под лунным небом.

— Даже луны, даже ее не боюсь, — добавил он. — Впрочем, она скоро сгинет. Луна

заходит после полуночи...

Как жестоко точит его ужас, г-н Назарие почувствовал по голосу. И слова падали, как в забытьи. Или его разобрало от коньяка? Так скоро?

— Хотите, я сегодня лягу в вашей комнате? — предложил г-н Назарие.

Егор снова ответил смехом. Он бросился на кушетку, зажимая в пальцах дымящуюся сигарету. Голос его был нарочито груб теперь, тон — нарочито развязен...

— Ну, нет. Я должен выдержать все один. Один, и будь что будет. Спать я вовсе не намерен...

«А мое ли это решение, точно ли мое? — ворочалась тем временем в мозгу пугающая мысль. — Не она ли внушает мне, что говорить, что делать?»

Вдруг все вещи в комнате завертело каруселью, и он обхватил голову руками. Полузакрыв глаза, г-н Назарие начал молиться. Но слова вылетали из его уст словно наобум, обрывками, без связи, без смысла.

— Вспомнить бы все, как оно было, вспомнить бы... — повторял тем временем Егор.

Их прервал отдаленный глухой стук, и они, побледнев, переглянулись. Кто-то споткнулся в недрах коридора и упал или, налетев на мебель, сшиб ее с места. «Les vieilles de notre pays...» — вдруг отчетливо пришло на память г-ну Назарие, и по глазам Егора он понял, что они думают об одном и том же.

— Кто-то из людей вернулся с виноградников, — произнес Егор, внятно, раздельно выговаривая каждое слово.

— Да, по звуку это шаги, — согласился г-н Назарие.

Они прислушались. Шаги раздавались все ближе, тяжелые, заплетающиеся. Как будто человек, который топал в темноте, волок на спине другого.

— Уже не случилось ли чего с Сандой?

Егор вскочил с места и бросился к двери. Открыв ее, он встал на пороге, сжимая кулаки. Несколько мгновений спустя появился доктор — в ночной сорочке и охотничьих ботинках. Он трясся от холода и волок за собой ружье.

— Я вас не беспокою? — пробормртал он, заходя в комнату и поспешно захлопывая за собой дверь. — Мне не спалось, и я подумал, что...

Нещадно стуча ботинками, он доковылял до кровати и в изнеможении опустился на край.

— Не спалось, — повторил он, — вот я и подумал...

Он вдруг осознал комизм положения — ввалился в чужую комнату, в одной сорочке и с ружьем — как бы он хотел, чтобы ружье каким-нибудь образом стало маленьким, незаметным или вовсе исчезло.

— Я не знал точно, где ваша комната, — клацая зубами, стал оправдываться он. — Вот и прихватил с собой ружье... чтобы не натыкаться на мебель... В коридоре такая темень...

— По крайней мере оно заряжено? — с иронией спросил Егор.

— Я с ним целый день проохотился, — обиделся доктор. — Это доброе ружье...

Он помолчал, глядя поочередно то на Егора, то на г-на Назарие.

— Прошу вас, продолжайте вашу беседу, — сказал он, видя в их глазах непроходящее недоумение. — Надеюсь, я вам не помешал?

— Нисколько, — сказал г-н Назарие. — Мы как раз собирались лечь спать.

— Вы спите в одной комнате? — встрепенулся доктор, таращась на него с испугом и в то же время с завистью.

— О нет, это комната господина Пашкевича. Самая лучшая в доме, с балконом, — ответил г-н Назарие.

— И кровать тут какая хорошая, отличнейшая кровать, — прошептал доктор, жадно приглядываясь к искусной резьбе спинки и с трудом отводя от нее глаза.

Егор налил в стакан коньяка.

— Чтобы вы не простудились, — мягко сказал он, протягивая доктору стакан.

Тот выпил залпом. Жгучее тепло взбодрило его, он уверенней оперся о ружейный ствол. Насколько светлей и надежней в этой комнате... И кровать тут наверняка под тобой не трясется, и мебель не сдвигается с места, и пол не колышется от лунных лучей. Да и луна не подкатывает к самому окну, и ночных бабочек не больше, чем надо...

— Удивительно, как у меня весь сон прошел...

Усталость, правда, давала о себе знать. Но доктор был уверен, что если закроет глаза, то снова под ним забьется в ознобе кровать, задрожат мелкой дрожью подушки — он подозревал, что навождение поджидает его, стоит ему вернуться в ту комнату. Поджидает это колыханье во сне, этот ужас, который разбудил его, как будто он застал врасплох огромную ручищу, заползшую под матрас, чтобы раскачивать кровать...

— Надеюсь, я вас не обеспокоил, — повторил он, отчаянно вцепляясь в ружье.

Что бы он без него делал, как преодолел бы один, безоружный, этот путь по бесконечному, пустому и темному коридору?

— Нас тоже сегодняшняя ночь не слишком располагает ко сну, — сказал Егор. — Мы рады принять вас в компанию.

— Сколько сейчас может быть времени? — спросил доктор.

— Четверть двенадцатого, — с улыбкой доложил Егор точное время.

— А ведь мне так рано вставать, — простонал доктор. — Станция далеко?

— В шести километрах. Надеюсь, вы не собираетесь отправиться туда тотчас же?

Доктор, не отвечая, еще раз с завистью оглядел кровать, потом встал и прошелся по комнате.

— По правде говоря, меня больше не клонит ко сну, — пробубнил он, не поднимая глаз. — И мне совсем не нравится комната, которую мне отвели... Она как-то на отшибе... И все там такое ветхое — мебель скрипит... только задремлешь, а она...

Егор посмотрел на профессора, но тот, глядя мимо, предложил доктору:

— Если хотите, можете лечь спать в моей комнате.

— А вы? Останетесь здесь?

— Нет, пойду с вами. У меня там две кровати...

Просияв от счастья, доктор бросился к нему.

— У нас к тому же ружье, так что вы можете не бояться, — взахлеб проговорил он. — Я положу его рядом... Лишь бы только заснуть, — добавил он озабоченно, — а то что-то весь сон как рукой...

На пороге Егор спросил его:

— Между нами, как вы оцениваете состояние Санды?

Доктор заморгал.

— Ей осталось, по-видимому, недолго, — брякнул он, не подумав.

— Она моя невеста, — сурово напомнил Егор, глядя ему в глаза.

— Ах, да, — залепетал доктор. — Да, да, конечно, будем надеяться, может быть, все же...

Егор долго простоял у двери, слушая, как удаляются его шаги. Каким чудом беспокойство вдруг отпустило его? Он был тих и ясен, неустрашим и могуч. Сунув руки в карманы, он прошелся по комнате. Скоро полночь, припомнил он. Но час не имел значения, никакого значения не имели эти бабкины-прабабкины суеверия... Только надежда и вера, только любовь к Санде...

Все шумы стихли, стихли шаги. Луна зашла за деревья парка. Егор чувствовал свое полное одиночество, но теперь это укрепляло, это придавало храбрости. «Только бы не заснуть, — твердил он себе. — Или, на худой конец, быстро проснуться...» Он хлопнул в ладоши. Нет, он не спал. Вот горит лампа, вот темнота входит в окно, вот стул и стол и почти допитая бутылка коньяка. Все предметы выглядят как обычно, все на местах. Точно так же, как днем... точно так же, как во сне...

Он снова стал мерить комнату широкими, ровными шагами. «Надо будет сразу проснуться, — настраивал он себя. — Если я на самом деле засну, не смогу же я не проснуться. Услышу ее голос, вдохну фиалковые духи — и проснусь».

Он несколько раз прошел мимо двери, не зная, запирать ее или нет. «Пусть будет так, открыто. Как мне было велено во сне. Если моя любовь сильнее, если... — он хотел продолжить, — если мне поможет Бог и Пречистая Матерь...» — но не сумел закрепиться до конца в своей надежде, в своей опоре. Рассудок на долю секунды затмился. Ему почудилось, что он силится проснуться. Он вытянул руки — вот они, только чуть дрожат. Он не спит. «Сегодня все будет по-другому»...

Решено: он не запрет дверь. Только окно закроет. От ночной свежести. От холода.

С каким спокойным сердцем сел он за стол, как вольно оперся подбородком в ладони, глядя на дверь. Лоб его был чуть нахмурен, но глаза лучились молодой силой.

XIV

Время тянулось невероятно медленно. Егор вдруг заметил, что его сигарета догорела на холодном краю пепельницы. Что он делал с тех пор, как безотчетно зажег ее, где витал?.. Лампа слегка коптила, огонь подрагивал, как от чужого, неуловимого дыхания. И все же в комнате никого не было. Еще не было. Ничего не изменилось вокруг: то же оцепенение, тот же избыток пространства. Егор обнаружил, что сидит за столом — неподвижно, без мыслей. Спокойствие уступило место всепоглощающему безразличию. Его не удивило бы сейчас никакое чудо: так странен был сон, в котором он очнулся, — словно на перекрестке сновидений множества людей, чье присутствие рядом только угадываешь, не видя...

Он с усилием встал и прикрутил фитиль у лампы. Ему показалось, что комната выстужена, но холод существовал в комнате как бы сам по себе, не касаясь его. Он проверил окно — закрыто — и на минуту прижался лбом к стеклу, глядя наружу, в ночь. Неясный звук донесся вдруг откуда-то из недр дома. Егор отвернулся от окна, напряженно прислушался. Стон ли это или скрипнула половица под чьей-то ногой? «Не запирай дверь на ночь», — так сказала Симина. «Запирай — не запирай будто та не войдет как угодно: через окно, через сон... И все-таки это кто-то застонал в забытьи. Господин Назарие, вероятно, а еще вероятнее — доктор».

Он вернулся за стол. «Что же обманывать себя, что себе самому отводить глаза? Это ее шаги, никуда не денешься. Никуда». Потрескивание и поскрипывание перешло в звук легких, быстрых шагов, приближающихся из глубин коридора. «Только бы проснуться», — отчаянно подумал Егор. И это снова был, он знал, самообман, он просто тешил себя надеждой, что спит, что все, с ним происходящее, — не более чем сон.

Пришло время пожалеть, что он до сих пор бездействовал, что никак не подготовился, а просто бессмысленно ждал. Теперь оставалось только загнанно следить, как несется вперед время: мгновенья пожирали друг друга, тяжелые, пустые, безвозвратные. Уже целую вечность шел гул шагов по коридору, но у него как будто заложило уши — он едва различал тихие, приглушенные шорохи. Шаги замерли у двери. Потянулись минуты. «Кто-то стоит за дверью, стоит и выжидает. А может быть, дверь и правда заперта? — цеплялся, как за соломенку, Егор. — Может быть, я во сне ее запер? И она не посмеет войти?..»

И тут раздался короткий и быстрый стук в дверь — так стучит женщина, когда волнуется.

Страшно побледнев, Егор встал и, опираясь руками о крышку стола, уставился на дверь большыми, горячечными глазами. Стук раздался снова, еще более нетерпеливый.

— Войдите! — не сказал, а простонал Егор.

В горле было сухо, груди не хватало воздуха. Дверь тихо отворилась и впустила девицу Кристину. Ее взгляд на мгновенье скрестился с Егоровым. Потом с великолепной улыбкой она оборотилась назад и повернула ключ в замке.

С открытыми в темноту глазами, лежа на спине и стараясь не дышать, г-н Назарие прислушивался к тому, что происходило в комнате. Неужели это доктор проснулся, встал и шарит теперь по столу, сшибая предметы и тут же подхватывая их, чтобы не нашуметь? Стуки и звяки возникали и замирали, словно останавливаемые чьей-то рукой. Предметы будто вскрикивали с болезненной звонкостью, и тут же их душило войлоком, а после делалось еще тише, еще томительней.

Г-н Назарие слушал, стиснув зубы, не смея ни пошевельнуться, ни отереть со лба капли холодного пота. Он был мокрый как мышь — когда он успел так взмокнуть? И что происходит — может быть, доктору что-то приснилось и он бродит теперь по комнате, не просыпаясь? А если очнется — что это будет за вопль, еще бы, в такой жуткой темноте со всех сторон!..

И тут совсем рядом с ним, за стеной, заскребло — огромный коготь неторопливо пробовал стену в разных местах, как бы пытался процарапаться насквозь. Г-н Назарие сорвался с постели и, одним прыжком выскочив на середину комнаты, налетел на кого-то, неподвижно стоящего. Доктор — это был он — отчаянно взвизгнул.

— Что вы здесь делаете? — с трудом выговорил г-н Назарие.

— Мне показалось, что кто-то ходит, — продребезжал доктор. — Что кто-то царапается снаружи... Вы разве не слышали?

— Птица, наверное, залетела в соседнюю комнату, — неуверенно предположил профессор.

Он прекрасно понимал, что никакая это не птица. Коготь корябал стену с нажимом, для птиц непосильным.

— Что вы там искали на столе, доктор? — спросил он. — Вы меня напугали.

— Это не я, — возразил доктор. — Это духи, это злые духи...

Он весь дрожал. А ружье, как на зло, осталось у кровати, и сейчас он ни за что не отошел бы от г-на Назарие, не выпустил бы его руку, за которую уцепился в страхе.

— У вас есть спички? — с натугой произнес г-н Назарие.

— Там, на столе, коробок...

Держась друг за друга, они пошли к столу, стараясь не спотыкаться о стулья. Г-н Назарие долго шарил в полной тьме на столе среди мелких предметов, и когда наконец чиркнул спичкой, его руки тоже дрожали.

— Может, мы зря испугались, — прошептал он.

— Нет, я уверен, уверен, — горячо возразил доктор.

Левой рукой он скомкал рубаху на груди, у сердца, и застыл в судорожной позе, бормоча что-то нечленораздельное.

— Надо уходить, — выговорил он наконец отчетливо. — Я больше в этой комнате не останусь.

— До света недолго, — попытался успокоить его г-н Назарие. — Лучше подождать.

Они взглянули друг на друга, но это только прибавило им обоим страху.

— А до тех пор можем помолиться, — предложил г-н Назарие.

— Я только это и делаю, — признался доктор. — Не помогает. Они все равно шебуршат.

Лампа горела слабым огнем. В наступившей полной тишине их дыхание казалось хрипами больного.

— Вы ничего не слышите? — вдруг спросил доктор.

Г-н Назарие резко обернулся. Звуки были другие, не те, что в комнате. Скорее это снаружи, в парке, поскрипывал гравий под чьей-то осторожной ногой. Г-н Назарие подошел к окну. Сначала ничего не было видно, бледный свет лампы мутил оконное стекло.

— И все же я слышу совершенно ясно, — прошептал доктор, присоединяясь к г-ну Назарие.

Скоро их глаза привыкли к темноте. В самом деле, на аллее виднелась чья-то маленькая фигурка.

— Симина! — узнал г-н Назарие. — Может быть, ее послали за нами? Что-нибудь с Сандой...

Однако девочка, обогнув большую клумбу, направилась вглубь парка. Она шла крадучись, почти невесомо. Доктор, онемев, провожал ее глазами.

— Какого дьявола она гуляет ночью одна? — с волнением проговорил г-н Назарие. — Боюсь, не случилось бы чего...

Он еще немного постоял у окна, пытаясь не потерять из виду Симину. Потом решительно принялся искать ботинки.

— Надо посмотреть, куда она пошла, — приговаривал он. — Узнать, что происходит.

Он торопливо одевался. Доктор смотрел на него ошалело, как бы силясь понять смысл его действий.

— Вы не идете? — спросил г-н Назарие.

Доктор закивал головой, влез в ботинки и накинул пальто прямо на ночную сорочку.

— Как это она нас не заметила? — удивился он. — Мы же были у окна, с лампой, а она шла как раз мимо...

Г-н Назарие прикрыл глаза.

— Неужели сомнамбула? — прошептал он с ужасом в голосе. — Не осознает, что делает... Мы должны догнать ее, пока не поздно!

Железный щелчок замка был последним живым звуком, который услышал Егор. Шаги девицы Кристины, хотя и вполне отчетливые, принадлежали иным пределам, и их тихая мелодическая дробь оплетала, как наваждение.

Она вышла на середину комнаты, держа Егора взглядом. «Если бы я мог закрыть глаза», — подумал он. «Не надо, друг мой любезный, — раздались в его голове слова, хотя Кристина молчала. — Не бойся же меня!..»

Мысли девицы Кристины всходили в его мозгу так ясно, что он без труда отличал их от своих. И страх был не так велик, как он ожидал; правда, ее приближение давило, воздух, которым он дышал, делался все реже и раскаленней, но при всем том ему удавалось оставаться на ногах, руки не дрожали и рассудок не мутился. Он не спускал глаз с Кристины, и ни одно движение ее воскового лица не ускользало от него. Фиалковый запах заполнил всю комнату. По дыханию Кристины Егор видел, что она взбудоражена — его близостью, предвкушением ласк. «Нам не нужен свет, любимый, погаси», — раздалось в его мозгу. Но он не поддался, собрав все силы. Теперь можно было ожидать, что она сама задует лампу и подступит к нему. Однако Кристина так и стояла посреди комнаты, с трепетом глядя ему в глаза, отрываясь лишь за тем, чтобы скользнуть взглядом по его сильным рукам, опирающимся о крышку стола. Егор сделал нечеловеческое усилие и опустился на стул. «А ведь ты раз признался, что хотел бы написать мой портрет, — услышал он мысль Кристины. — Написать так, как только ты умеешь...»

Она натянуто улыбнулась и пошла к его постели. Бесшумно, легко-легко присела на край и стала стягивать перчатки. Замедленность, мягкость, непередаваемая грация были в ее движениях. От прилива крови у Егора на миг остановилось сердце. «Почему ты мне не поможешь? — порозовев, спрашивала девица Кристина. — Какой же ты робкий любовник, Егор... И как гадко с твоей стороны сидеть так далеко от меня. Разве ты не хочешь увидеть меня всю?.. Я никого еще

не подпускала к себе, мое сокровище... Но у тебя такие глаза... от них я потеряла голову, Егор! И что, что я могу дать им — только себя, только свою наготу. Ты знаешь, я белее снега, Егор, ты очень хорошо это знаешь!..»

Егор попытался сомкнуть веки, но они не слушались, и его глаза остались прикованы к девице Кристине. Неподражаемо царственным жестом она сняла шляпу и приложила ее к черным шелковым перчаткам на столике. Сквозь спокойную величавость ее повадки проскальзывала все же неясная тревога. «Ты никогда не поймешь, Егор, на что я иду ради тебя!.. На что осмелилась... Если бы ты только знал, что за кара меня ожидает... За любовь к смертному!» В ее улыбке проступила мучительная тоска, в глазах стояли слезы. Но Егор был здесь, рядом — и одним своим присутствием уничтожал все ее страхи, все тревоги. Она встала. Вот соскользнул с ее шеи воздушный шарф, и шея нежно заблистала белизной. Она повернулась в профиль. Ее грудь на бледном фоне стены круглилась триумфально и дерзко — грудь девственницы, крепкая и маленькая, высоко поднятая пластинами корсета.

«Сейчас она разденется», — содрогнулся Егор. Вместе с ужасом и отвращением, навалившимися на него, как бредовый сон, он почувствовал и укол больного вожделения, ядовитой неги. Это было столь же унизительно, сколь сладко, сладко до помрачения ума. Кровь закипела, забилась в висках. Фиалки пахли теперь куда более тонко и вкрадчиво, дурманя его. Над постелью стоял нескончаемый гул легких женских шорохов, шелест шелков, соскальзывающих с нежной кожи, — и наконец по теплому душистому дуновению он понял, что ее грудь вышла из тесноты одежд. «Я Люцифер, звезда зари...» — услышал Егор напроизнесенное вслух Кристиной. Улыбка ее была все так же горька. «Ты будешь мне невестой!» Лицо ее исказилось желанием, необузданным, смутным, глаза заволок иной огонь — томительный, палящий, тревожный. «Мне плохо одной, любовь моя, — услышал Егор. — Помоги же мне! Мне холодно... Приласкай меня, сядь рядом, возьми меня в объятья, Егор...»

Он взглянул, и в глазах у него потемнело. Медленно расшнуровывая шнуровку, туго сковывающую талию, девица Кристина высвобождала себя из шелков. «Сейчас она подойдет и обнимет меня вот этими голыми руками...» И все же из бездны отвращения волной поднималась сладостная отрава — его ждали ласки, какие ему и не снились...

«...Не хочу больше сниться, — подхватила девица Кристина. — Я устала от холода и бессмертия, Егор, любовь моя!..»

Санда ждала, прислонясь к косяку открытого окна. Еще немного подождать, и все кончится. Это будет так, как начиналось. Как во сне. Луна ушла глубоко вниз; мрак — кромешный. Никто не увидит, как она стоит тут. Никто не услышит ее крика. Все спят, даже ночные бабочки, даже комары...

Санда очнулась от звука шагов за спиной и покорно обернула назад голову. Сначала придет она, потом все остальные, тень за тенью...

— Ты почему встала среди ночи? — раздался голос г-жи Моску.

Как незаметно она вошла. И, вероятно, по дороге из парка, потому что была одета и закутана в шаль.

— Я ждала, — проронила Санда.

— Она уже не придет, — сказала г-жа Моску. — Можешь ложиться.

Санда заметила, что мать сжимает в левой руке темный живой комочек. В другой раз ее всю перевернуло бы от отвращения и гадливости. Но сейчас она только тупо смотрела на материнский кулак, сжимавший маленькую тварь.

— Где ты это поймала? — еле сумела выговорить она.

— В гнезде, — возбужденно прошептала г-жа Моску. — Он еще не умеет летать...

— И так жестоко?.. — простонала Санда.

Ей пришлось взять виски в ладони, так сразу навалились на нее все муки, все страхи самой первой бредовой ночи, страхи, смешанные с омерзением. Она замотала головой. Распахнутое окно щедро впустило в комнату промозглость ночи.

— Ложись! — с металлом в голосе приказала г-жа Моску. — Простудишься!

Дрожа, Санда вернулась в постель. Голова раскалывалась, жгло в висках.

— Не закрывай окно, — шепнула она матери. — Может, все-таки придет...

Дойдя до середины аллеи, г-н Назарие и доктор чуть не наткнулись на Симину, которая стояла спиной к ним, высматривая что-то за деревьями.

— Недалеко же она ушла, — прошептал доктор. — За столько-то времени...

Симина без всякой робости смотрела в темноту, не оборачиваясь на них. Не нарочно ли она подпустила их поближе, чтобы потом увести за собой?

— Она ничего не слышит, — сказал г-н Назарие. — Наверное, даже не отдает себе отчета, где она находится.

И тут девочка тронулась с места — уверенным, собранным шагом. Свернув с аллеи, она пошла напролом, не ища тропинки, не опасаясь мертвых веток, целящихся в нее.

— Как бы нам не заблудиться, — пробормотал доктор.

Г-н Назарие не ответил. Его словно отпустило после долгого приступа страха и он очнулся больной и оглушенный, с ощущением, что ввязался в какое-то бессмысленное преследование, что его заманивают в ловушку, что еще немного — и он провалится в глубокую сырую яму.

— Я потерял ее из виду, — сказал доктор, останавливаясь среди деревьев.

«Ветки так хрустят под ногами, — думал он, — как можно нас не услышать?»

— Вон она! — сухо откликнулся г-н Назарие, указывая рукой на белую фигуру вдалеке, у кустов.

Вероятно, там начиналась другая, перекрестная аллея, потому что темнота теряла там свою плотность, а деревья выстраивались по линейке.

Доктор сделал в ту сторону несколько шагов, продираясь сквозь плешивые и кривые ветки, низко провисшие, словно под невидимой тяжестью, и вперил взгляд в белую фигуру.

— У меня хорошие глаза, — прошептал он, и ужас был в его голосе. — Это не она.

Тогда и г-н Назарие заметил, что фигура возле кустов слегка колышется, и ее руки вздымаются, как будто зовут кого-то, им невидимого, издалека. Конечно, какая там Симина! Он оцепенел, дух перехватило. Фигура была не человеческая. Скорее она напоминала его давешние видения — бесплотность, неестественное колыхание пустых одежд.

— Вернемтесь! — услышал он осипший голос доктора.

И тут мимо них прошла Симина. Г-н Назарие догадался по ее широко раскрытым глазам, по испугу во взгляде, который она бросила на них искоса, по крепко сжатым губам, что она пытается исправить свою оплошность. Вероятно, она считала ту аллею вполне надежным местом, где не встретишь чужих, и теперь,

растерявшись при виде гостей, хотела увлечь их в противоположный конец парка. Итак, миновав их, она быстрым, сосредоточенным шагом направилась к северным воротам. Доктор сорвался было с места, чтобы бежать за ней, но г-н Назарие удержал его за руку.

— Сначала посмотрим, что там, — сказал он решительно.

Осторожно ступая, они пошли к перекрестной аллее. Фигура исчезла. То ли пустилась вслед за Симиной, то ли ее просто скрыли кусты. Г-ну Назарие стало казаться, что он уже раз переживал это приключение, что когда-то давно уже преследовал среди неподвижных деревьев существо с мягкими тряпичными движениями.

— Скрылось, — прошептал доктор. — Я, по крайней мере, ничего не вижу...

Зато г-н Назарие снова заметил в нескольких шагах от себя Симину. Прижавшись спиной к стволу дерева, она в отчаянии смотрела на приближение мужчин. Перехватив взгляд г-на Назарие, девочка попыталась, как и раньше, подчинить его своему внушению, удержать на месте, сломить его волю, но г-н Назарие не поддался и, твердо пройдя мимо, увлек доктора на обочину аллеи.

— Стойте и не двигайтесь! — приказал он.

Наискосок от них, посреди аллеи, виднелся рыдван допотопного образца, старая, потрепанная помешичья коляска, запряженная парой сонных лошадей. Кучер в белесом, вылинявшем от дождей зипуне и потертой кожаной шапке уснул на козлах. Похоже было, что он приготовился к долгому ожиданию, так основательно он спал, даже не подрагивая во сне. И лошади как будто соскользнули в такой же мертвый сон, неподвижный, бездыханный. Как темные изваяния, застыли они в упряжке и оцепенело ждали.

У доктора глаза вылезли из орбит, он снова уцепился обеими руками за г-на Назарие, свистящим шепотом спрашивая:

— Видите? Видите?

Г-н Назарие кивнул.

— Они живые? — вопрошал доктор. — Или нам блазнится?

В эту минуту фигура, которая на время скрылась, вышла прямо на них. Это был старик изможденного вида, со впалыми щеками, одетый, как одевались в старые времена дворовые люди. Он проколыхался мимо, как будто не замечая их, глядя под ноги. Но г-н Назарие почувствовал, что тот знает об их присутствии в непосредственной близости от себя, — он уловил момент, когда старик зыркнул на них стеклянными, усталыми, больными глазами. Доктор заслонил глаза ладонью, рванулся было прочь, но пожатие холодной маленькой руки парализовало его. Симина!

XV

Девица Кристина ждала, обнажив грудь, распустив волосы. «Егор, ты унижаешь меня! — услышал он ее мысль. — Погаси лампу, иди ко мне!» Приказ звучал в мозгу, в кровь проникал ее манящий яд, и сопротивляться было выше человеческих сил. «Если она меня поцелует, я пропал», — мелькнула мысль. Но в то же время он чувствовал, как овладевает им наваждение, как он хочет эту плоть, такую живую и сулящую такую ярость содроганий. Под натиском ее зова Егор против воли шагнул к постели. Его шатало, с дьявольской четкостью он понимал, что гибнет, чувствовал, как захлестывает его, сквозь тошноту, вожделение. Шаг, еще шаг...

Прямо перед ним раскрылись губы Кристины. Когда же он успел подойти так близко? Он протянул руки и обнял лилейные плечи. И тогда его обожгло — сразу и льдом, и пламенем — так нещадно, что он рухнул на постель. Было нестерпимым прикосновение к этому не имеющему себе подобия огню, прикосновение к тому, чего нельзя, невозможно коснуться... Но губы Кристины уже искали его — и снова, как ожог, первая секунда отозвалась только пронзительной болью во всем теле. Потом сладкая отрава просочилась в его кровь. Больше противиться он не мог. Их дыхания смешались, и он отдал свои губы на сожжение ее губам, во власть мучительного, больного блаженства. Восторг был таким всепоглощающим, что у Егора слезы навернулись на глаза, ему казалось, у него расходятся швы черепа, размягчаются кости, и вся его плоть содрогнулась в великолепии спазма.

Кристина откинула голову назад и посмотрела на него сквозь ресницы. «Как ты хорош, Егор!» Она провела рукой по его волосам, потом тихонько пригнула его лицо к своей маленькой, затрепетавшей груди. Егору показалось, что он слышит прямо над ухом текучий протяжный голос:

Аральд, склонить не хочешь ко мне на грудь чело?Ты, черноглазый бог мой... О! Дивные глаза...Тебе на шею локон спущу я, как лоза...И мы в раю, любимый, счастливее нельзя.И в ночь очей смотреться убийственно светло!

Голос не походил на Кристинин, каким она говорила во сне; ни на тот ее неслышный голос, каким она подчиняла себе его мысли. Нет, кто-то третий читал рядом с ними эти стихи, смутно напомнившие Егору лицейские времена, минуту острого одиночества в осеннюю ночь. «А у тебя какие глаза, Егор?» — Кристина приподняла его голову своими маленькими руками, взглянула пристально и лукаво. «Ты, черноглазый бог мой!.. Они у тебя — фиалковые, отчаянные... Сколько женщин отражалось в них, а, Егор?! Как бы я растопила их лед губами, суженый мой! Почему ты не дождался меня, почему не хотел любить меня одну?!»

Егора трясло, но то был уже не страх, а нетерпение тела, сгорающего в предвкушении небывалых ласк, и чем унизительнее душило его вожделение, тем неистовее бушевала плоть. Рот Кристины имел вкус запретного плода, вкус недозволенных, упоительных, бесовских грез. Но ни в какой самой сатанинской грезе яд и роса не соседствовали так тесно. Объятия Кристины пронзали Егора остротой самых темных радостей и причащали к небесам, растворяли во всем и вся. Инцест, переступание черты, безумие — любовница, сестра, ангел... Все сплеталось и тасовалось от близости ее плоти, пылающей и все же безжизненной.

— Кристина, я сплю? — глухо прошептал он с помутившимся взглядом.

Девица Кристина улыбнулась ему. Но роса ее губ не дрогнула, хотя Егор ясно услышал ответ:

«...Что есть мир, как не греза духа?..»

«Да, да, — мысленно соглашался Егор. — Она права. Я грежу. И никто не принудит меня проснуться».

«Говори со мной, Егор! — раздался беззвучный приказ. — Какая боль, какая пытка — твой голос, как бередит он душу... Но я не могу без него!»

— Что тебе сказать, Кристина? — в изнеможении спросил Егор.

Зачем она приблизила его к своей груди, а сама заставляет говорить, изматывая его, оттягивая полноту объятий? Зачем так нетерпеливо звала и сбрасывала перед ним одежды, а теперь, приведя их в беспорядок, забыла и про свет, который так мешал ей, и про свою роль соблазнительницы, и про его неподатливость.

— Что тебе сказать? — повторил он, глядя ей в глаза. — Ты мертвая или просто мне снишься?

Лицо девицы Кристины безнадежно угасло. Она не плакала, но глаза ее разом потеряли блеск, заволоклись пеленой. Улыбка стала принужденной, а с губ отлетело ядовитое ароматное веяние, так взбудораживщее его чувственность.

«Почему ты все время об этом, Егор, любовь моя? — услышал он ее мысль. — Тебе так нужно подтверждение, что я мертва, а ты смертен?.. Если бы ты мог остаться со мной, если бы мог быть только моим — какое бы чудо исполнилось!»

— Но вот же, я люблю тебя, — простонал Егор. — Я не хотел любить тебя сначала, я тебя боялся! А теперь люблю! Что ты дала мне выпить, Кристина? Какое зелье я отведал с твоих губ?!

Как будто морок вдруг обуял его. Отрава разошлась по крови, проникла в мозг и речь. Он заговорил в беспамятстве, клонясь к груди девицы Кристины, шепча и целуя, судорожно ища снежное тело, в котором хотел потерять себя.

Кристина улыбнулась. «Так, любимый, так, говори мне страстные слова, говори, что ты без ума от моей наготы, глядись в мои глаза, глядись и забудь обо всем!..»

— Дай мне поцелуй! — вне себя прошептал Егор.

И тогда его еще раз опалило тем нездешним блаженством, которое давали ее губы. Проваливаясь в пропасть, лишаясь чувств, он зажмурился. Ее мысль приказала: «Раздень меня, Егор! Ты, сам, раздень меня!..» И он погрузил пальцы в точащие яд шелка. Пальцы горели, как будто он перебирал льдинки. Сердце бешено стучало под напором крови. Желание накатило слепо и безумно, не желание — угар, горячка, дьявольский соблазн распасться, растаять в последнем спазме. Тело Кристины отвечало дрожью его чутким пальцам. Но при всем том ни дыхания, ни слабейшего вздоха он не мог уловить на ее губах, полураскрытых и влажных. Эта плоть жила по иным меркам, замкнутая сама в себе, бездыханно, безгласно.

«Кто тебя научил ласкать, залетный мой? — звучало в его голове. — Откуда у тебя такие жгучие руки, такой стремительный поцелуй?» Распустив на ней корсет, Егор провел пальцами вдоль безропотной спины — и вдруг в ужасе замер, как будто очнулся на краю гнилого болота, еле удержавшись, чтобы не упасть. Кристина взглянула долгим, вопросительным взглядом, но Егор не поднял на нее глаз. Его пальцы наткнулись на влажную теплую рану, единственное теплое место на неестественном теле Кристины. Зачарованное скольжение оборвалось, рука отдернулась, угодив в кровь. Рана была настолько свежая, словно открылась только что, считанные минуты назад. Она обильно кровоточила. Но почему же тогда кровь не натекла за корсет, не залила платье?!

Он поднялся, шатаясь, обхватив голову руками. Ужас и омерзение снова пронзили его до мозга костей. «Слава Богу, что это сон, — сказал он себе, — и что я вовремя проснулся». Но тут его взгляд упал на полуобнаженную, брошенную им девицу Кристину, и он услышал в мыслях: «Да, это моя рана, Егор! Туда попала пуля, туда выстрелил этот скот!..» Ее глаза снова заискрились. Тело, раскинувшееся на его постели, как будто излучало нездешний свет. Но мара рассеялась. Егор посмотрел на свою руку. Пальцы были в крови. Он застонал, обезумев, и отскочил в другой конец комнаты. «И ты, как все, Егор, ты, любовь моя! Боишься крови!.. Дрожишь за свою жизнь, за свой жребий смертного. Я за час любви пренебрегла самой страшной карой. А ты не можешь пренебречь капелькой крови. Все вы таковы, смертные, и ты тоже, Егор...»

Кристина встала с постели, гордая, скорбная, неласканная. Егор в панике смотрел на ее приближение.

— Ты мертвая, мертвая! — завопил он, не помня себя, забиваясь в угол, за стол.

Кристина спокойно сделала к нему несколько шагов. «Ты будешь искать меня всю жизнь, Егор, и никогда не найдешь! Ты истомишься, ты иссохнешь по мне... И умрешь молодым, унеся в могилу вот эту прядь волос!.. На, храни ее!» Она наступала, захлестывая его фиалковым дурманом. Но он не протянул руки. Он не вынес бы еще раз прикосновения к этому бездыханному телу. Когда Кристина сама протянула ему прядь волос, Егор отчаянным рывком тряхнул стол. Лампа упала, разбившись с глухим звоном. Полыхнуло желтым пламенем. Резко запахло керосином. В язычках огня, побежавших по ковру, по полу, фигура Кристины, освещенная снизу, казалась еще зловещей. «Просыпаюсь! — радовался Егор. — Конец кошмару!» Он только не понимал, почему стоит, сгорбясь, вцепившись в крышку стола, и что это за огонь лижет балки, окружает его кровать, пожирает на ней белье. «Это был сон, девица Кристина приходила во сне», — повторял он, пытаясь охватить разом столько сверхъестественных событий. Девицу Кристину тем временем как бы уносило от него. С презрением глядя ему в глаза, одной рукой она подбирала рассыпавшиеся по плечам волосы, другой запахивала платье на груди. Только миг он видел ее такой.

Потом — он не уловил как — комната опустела.

Он остался один, посреди огня.

XVI

Г-н Назарие, доктор и Симина долго стояли вместе, глядя на рыдван со спящими лошадьми. Время замерло. Листья перестали шевелиться на ветках, затаились ночные птицы. Смолк человеческий разум. Г-н Назарие стоял без единой мысли, без воли. С той минуты, как к ним подошла Симина, его словно сковало. Впал в оцепенение и доктор. Одна Симина напряженно ждала, и дыхание ее было взволнованным.

— Вы должны уйти, — не выдержала она наконец. — Она вот-вот вернется... И рассердится на меня, если увидит вас здесь...

Шепот Симины словно пробивался издалека. Мужчинам пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

— Она рассердится, — повторила Симина.

Г-н Назарие стал тереть глаза. Озадаченно посмотрел на своих спутников, потом снова на рыдван, на неподвижных лошадей, покорно поникнувших головами.

— Как же мы долго спали, — пробормотал г-н Назарие.

Симина усмехнулась, беря его под руку.

— Мы не спали, — сказала она тихо. — Мы все время стоим здесь и ждем ее...

— Да, так, — согласился профессор, тоже чуть слышно и, по-видимому, не понимая, что говорит. Разум замер, и ничем было не расшевелить его.

— Она и вас тоже позовет, — добавила Симина. — Придет и ваш черед. А сейчас она у Егора, сейчас она с ним...

Г-н Назарие содрогнулся. Но у него не было ни сил, ни мыслей. Чары Симины отуманивали, усыпляли даже волнение, даже страх.

— Кристинин кучер — из наших крестьян, — прошептала Симина, указывая рукой. — Вы его не бойтесь, он добрый.

— Я не боюсь, — послушно сказал г-н Назарие.

В ту же минуту ледяная игла кольнула его под левую лопатку, и от этой боли он в страхе очнулся. Сразу стало холодно, его забил озноб. С другого конца аллеи быстрым шагом к ним приближалась разъяренная девица Кристина. Поравнявшись с людьми, она полоснула по ним угрожающим взглядом: будь ее воля, она превратила бы их в ледяные столбы — так сверкали ее глаза. Г-н Назарие отшатнулся, как от удара. Теперь он имел дело не с призраком из тумана и жути и не с гнетущим присутствием невидимого духа. Кристина пригвоздила их взглядом из пространства — не из сна. Он видел ее с ясностью, от которой можно было сойти с ума, в двух шагах от себя. Больше всего поражала ее походка, очень женская, стремительная и гневная. Девица Кристина забралась в рыдван, обеими руками собирая края шелков вокруг шеи. Платье на ней было в беспорядке, лиф распущен. Длинная черная перчатка соскользнула по ступеням коляски на гравий аллеи.

Симина первая заторопилась к рыдвану, не спуская с тетушки преданных глаз. Ее бледное личико было копией перламутрового лица Кристины. Она простерла руки и замерла, не произнося ни слова. Чего она ждала — знака, поощрения, приказа? Девица Кристина улыбнулась ей очень горько, очень устало, глядя прямо в глаза, как будто одним взглядом сказала обо всем, что было, — и рыдван бесшумно тронулся, покачиваясь над землей, как тяжелое облако тумана. Спустя несколько минут он скрылся из виду.

Симина осталась стоять, удрученно потупясь. Г-н Назарие тяжело дышал. Доктор, по-прежнему не шевелясь, зачарованно уставился на черное пятно, видневшееся в

нескольких метрах от них, посреди аллеи.

— Она обронила перчатку, — наконец сдавленно сказал он.

Симина встрепенулась, заволновалась, как будто решая, трогать или нет оброненное. Но доктор уже подскочил и, дрожа, подобрал с земли самую настоящую черную перчатку, слабо пахнущую фиалкой. Он держал ее на ладони, не понимая, откуда берутся эти токи огня и стужи, пронизывающие его. Симина, шагнув к нему, процедила:

— Вы зачем руками хватаете?

Подошел и г-н Назарие, он тоже смотрел, оторопело, бессмысленно, с перекошенным от ужаса и непонимания лицом. Потом потянулся потрогать шелковую вещицу, выпавшую из сна. Но перчатка незаметно истлела на ладони доктора, как будто ее пожирал скрытый огонь, и, превратясь в горсточку старой, залежавшейся золы, грустно просыпалась на гравий там, где проехал рыдван. Наклонив ладонь, доктор сонно смотрел на пыльную струйку.

Огонь быстро распространялся по комнате. Уже занялся шкаф с одеждой, кровать и занавески. Задыхаясь от дыма, Егор все же долгое время тупо простоял на прежнем месте у стола. «Надо что-то делать», — думалось ему, как сквозь сон. Взгляд упал на кувшин с водой; по горящему ковру он кое-как добрался до него и стал брызгать куда попало. Силы его покидали. Воды, которая нашлась в комнате, не хватило даже, чтобы погасить пол у двери, куда он отступил. Решив позвать на помощь, он нажал на ручку. Дверь оказалась запертой. «Я не запирал», — похолодев, вспомнил он. Ужас, снова вернувшийся, придал ему силы. Он нащупал ключ в замке — железо было горячим, закоптелым; ключ повернулся тяжело, по дереву уже прошлось несколько языков огня, запятнав сажей желтое лаковое покрытие.

Егор побежал по коридору, зовя на помощь. Из приоткрытой двери позади него вырвались тонкие струйки дыма, подсвеченные пламенем. Егор кричал, звал г-на Назарие. Но на всем протяжении коридора его встречала безответная тишина, которую он не мог себе объяснить. В кромешной тьме он не узнал дверь профессора — иначе заколотил бы в нее ногами, чтобы тот проснулся. Он бросился вниз и выскочил из дому, так никого и не встретив. Некоторое время протоптался во дворе, силясь понять, что с ним происходит, все еще надеясь проснуться, если это сон. Поднес к глазам руки, но даже их не разглядел в темноте. Вдруг неуловимо повеяло мертвыми цветами, слежавшимся в сундуке бельем, и, вскинув глаза, он увидел сильное пламя, вырвавшееся из его окна и быстро достигшее крыши. «Сгорят заживо!» — испуганно подумал он и снова закричал. Но когда на аллее, за его спиной, послышался шум шагов, он, не оборачиваясь, в панике пустился бегом к флигелю, который занимало семейство Моску. Только сейчас он сообразил, в какой опасности Санда.

«Лишь бы не опоздать! — приговаривал он про себя. — Лишь бы меня не заметили...»

Он столько раз звал на помощь — и никто не проснулся; не залаяла ни одна собака; все так же пуст оставался двор и так же давила на него со всех сторон темная громада парка. Люди на виноградниках, сказала Симина. Но как же она-то его не услышала — или кормилица, или г-жа Моску? Он оглянулся. Черный воздух начал расцвечиваться заревом. Тени ближайших к дому акаций и кустов сирени дрожали под напором усталого, кровавого света. «Весь дом сгорит, — апатично подумал он. — Назарие, конечно, сбежал. Улепетнули вместе с доктором, бросили меня одного, на верную гибель. Спасают шкуру.»

Он тихо, с бесполезной осторожностью обошел хозяйский флигель. «Скоро все проснутся, соберется народ с виноградников, набегут деревенские». Огонь горел далеко, бесшумно. «Еще есть время, еще есть время спасти ее, взять на руки и бежать...»

Вдруг он поймал на себе чей-то взгляд и, поискав глазами, увидел высоко в окне Санду. Она была в одной рубашке, без кровинки в лице, локти на подоконнике, подбородок в ладонях — как будто она устала ждать и ее одолевал сон. Егор вздрогнул, наткнувшись глазами на ее застывшее лицо. «Она все знает...»

— Ты? — тускло обронила Санда. — Мама сказала, что ты сегодня уже не придешь... Ночь...

Она смотрела прямо ему в глаза, но без всякого выражения, даже не удивляясь, что он вдруг оказался здесь в столь поздний час.

— Набрось что-нибудь на плечи и спускайся вниз, быстро, — сказал Егор.

Но Санда не двинулась с места. Только начала дрожать. Как будто до ее сознания дошел наконец холод ночи, промозглость тумана, сковавшего ей плечи, руки, шею.

— Нет, я не смогу, брр! — прошептала она, передернувшись. — Меня не заставляйте. Не могу!.. Мне их жалко...

Егор слушал в оторопи. Он понял, что Санда говорит не с ним, а с кем-то невидимым, кто, вероятно, стоит за его спиной и чей приход она в страхе подстерегала. Он подошел прямо под окно. Как жаль, что нельзя тут же взобраться по стене в ее комнату, укутать, взять на руки и унести отсюда силой.

— ...я давеча видела одного, — замирающим голосом говорила Санда. — Мама поймала в гнезде... Но я не смогу, мне жалко... Не выношу... вида крови...

— С кем ты говоришь, Санда? — громко спросил Егор. — Кого ждешь здесь, среди ночи?

Она осеклась, пристально и непонимающе вглядываясь в него.

Боясь отвести от нее глаза, словно она могла ускользнуть куда-нибудь, если он зазевается хоть на секунду, Егор вскинул руки и, цепляясь за камни стены, крикнул:

— Я пришел за тобой!

— Да, мама говорила, — пробормотала, дрожа, Санда. — Но мне страшно... Спуститься вниз? Прямо отсюда?

Егор окаменел. Санда поднялась на цыпочки и налегла всем телом на подоконник. Вероятно, она была слишком слаба, чтобы сразу одолеть такую высоту. Тогда она повторила попытку, очень спокойно, но упрямо — как будто выполняла чей-то приказ, не подлежащий обсуждению.

— Что ты собираешься делать? — крикнул он. — Стой на месте! Не двигайся!

Санда то ли не слышала, то ли до нее не доходил смысл слов. Ей удалось наконец забраться на подоконник. Теперь она ждала знака — или только прилива храбрости, чтобы прыгнуть. До земли было метра четыре, не больше. Но из той позы, в которой, покачиваясь, стояла Санда, готовая нырнуть головой вниз, прыжок мог оказаться фатальным. Егор в ужасе кричал на нее, махал руками, чтобы она услышала его, опомнилась.

— Не бойтесь, — раздался рядом сухой голос. — Она упадет нам на руки. Тут невысоко.

Он повернул голову. Г-н Назарие, потный, помятый, стоял, не глядя на него, наблюдая за безотчетными телодвижениями Санды.

— Вы бы пошли к ней в комнату, может, успеете, — шепотом добавил г-н Назарие. — А мы посторожим тут. С доктором.

В самом деле, в нескольких шагах позади них, опершись о ружье, расположился среди роз доктор. Его, казалось, уже ничем нельзя было удивить — такая неестественная уверенность была в его фигуре, такое строгое, застывшее внимание на лице.

— Кто поджег? — спросил г-н Назарие, подходя под окно.

— Я, — ответил Егор. — Опрокинул керосиновую лампу. Во сне опрокинул, нечаянно... Мне привиделась девица Кристина...

Г-н Назарие дотронулся до его руки.

— Я тоже ее видел, — спокойно сказал он. — Там, в парке...

В эту секунду Санда мягко взмахнула руками, как раненая птица крылами, и без звука рухнула вниз. Она упала на грудь Егору, свалив его на землю. С минуту Егор пролежал, прижимая к себе оголившееся при падении сонное и холодное девичье тело. Санда была неподвижна, руки повисли.

— Надеюсь, вы не очень ушиблись, — сказал г-н Назарие, помогая оглушенному ударом Егору подняться.

Потом приложил ухо к сердцу упавшей.

— Ничего, — прошептал он. — Сердце пока бьется...

XVII

Пламя вздымалось теперь высоко над домом, освещая парк до верхушек акаций. Летала стая разбуженных ворон. Где-то очень далеко проснулись наконец и глухо залаяли собаки.

— Надо отнести ее в тепло, — сказал Егор, укутывая своим пиджаком плечи Санды. — Когда еще она очнется...

Встряска от падения пошла ему на пользу — он как будто бы снова обрел чувство реальности.

— А вещички-то наши все... тю-тю, — прошептал доктор. Не сводя глаз с огня и напряженно пытаясь вспомнить, что он сделал со своим гонораром. Где эта тысяча лей — при нем, в кармане пальто, или осталась на столе сместе с часами и патронташем?

— Дом сгорит дотла, — мрачно сказал г-н Назарие. — Может, оно и к лучшему. Окаянное место...

В дальнем конце двора раздались первые человеческие голоса.

— Идут с виноградников. — Егор заторопился. — Надо скорее отнести Санду.

Он взял девушку на руки. Ее голова безвольно запрокинулась, лицо было слегка запачкано — то ли сажей, то ли грязью с Егоровой одежды. «Просто чудо, что она ничего не сломала, не вывихнула, — радовался Егор. — От боли она бы, конечно, закричала, пришла в себя. Или опять обморок?..»

— Вы кто? — окликнул г-н Назарие темные фигуры, бегом приближавшиеся к ним со стороны дворовых построек.

— Свои, барин, — раздался голос. — Мартиновы, с виноградника.

— Пропащее дело, — вступил другой. — Пока подоспеют деревенские, все сгорит...

— Пусть его, — строго ответил г-н Назарие. — Пусть сгниет упырь.

Люди ошарашенно замерли. Переглянулись.

— Вы тоже видели? — робко спросил первый. — Это она была, покойная барышня?..

— Она, девица Кристина, — четко сказал Егор. — Это она опрокинула лампу, — добавил он уже на ходу, направляясь к заднему крыльцу флигеля.

Ему становилось жутко держать на руках бесчувственное молодое тело, биение сердца в котором почти не улавливалось.

Г-н Назарие остался с людьми.

— Оно и к лучшему, — говорил он. — Будет покончено с чертовщиной...

Народ прибывал со всех сторон. Сбившись в кучу поодаль от огня, люди стояли, не двигаясь, ничего не предпринимая и только ахая. Из уст в уста передавалось сказанное Егором.

— У нас тоже скотина пала, — слышал г-н Назарие обращенное явно к нему. — Нынешней осенью — вся, и мелкая, и крупная...

— А ежели какой помрет из младенцев, как раз в упыря обернется...

Никто не подходил ближе к дому, никто ни о чем не спрашивал. Никто, кажется, не собирался тушить пожар. Теперь с треском рушились перекрытия и время от времени осыпались, в клубах дыма, потолки.

Г-н Назарие вдруг оказался один на один с толпой. Он не знал, что надо сказать этим поднятым с постели крестьянам, еще не отдышавшимися от бега. Не знал, надо ли просить их о чем-то, и его уже начинал разбирать страх от их числа, от их угрюмого и как будто все более зловещего молчания. Столбы пламени поднимались к небу так мощно, а колеблющаяся тень толпы распространилась так широко, что г-ну Назарие невольно пришла на ум мысль о крестьянском бунте. Только пока люди держались молча, думая свою суровую думу, и ничего не требовали, ничьей жизни. Разве что жизни девицы Кристины, а вернее, ее настоящей смерти, не наступившей тогда, давно, в большой смуте девятьсот седьмого, от пули управляющего...

Г-н Назарие торопливо пошел в дом вслед за Егором. В окна проникало теперь довольно света, чтобы свободно пройти по коридору. Дверь к Санде была открыта, Егор стоял на пороге.

— Не знаю, хорошо ли я сделал, что опять принес ее сюда, — сказал он. — Хочется надеяться, что она спит... Но может проснуться с минуты на минуту, и тогда мало ли что ей взбредет в голову...

— Надо ее постеречь, — предложил г-н Назарие. — Позовемте и доктора.

— Но у меня есть дело к людям... — задумчиво продолжал Егор. — Ваша помощь при этом мне тоже понадобится...

Он не знал, на что решиться. Снова вошел в комнату. Санда лежала по-прежнему неподвижно.

— Что же доктор не идет? — с раздражением сказал Егор. — Не могу понять, что с ней, почему сон такой тяжелый...

— Что доктор, — тихо заметил г-н Назарие. — Доктор, боюсь, тут не поможет.

Когда стали рушиться стены, народ подался назад. Можно было подумать, что горит нежилой дом, так безучастно они топтались перед ним прямо на клумбах с розами. Почти все молчали, словно на их глазах исполнялся наконец-то давний обет, столь долго и столь тщетно желанный, что в душах уже не осталось места для радости.

— Расступитесь! — прозвучал вдруг голос Егора.

Он как будто вырос и стоял, на голову возвышаясь над толпой. Лицо осунулось, глаза запали.

— Заклятье кто-нибудь умеет снимать, заговор от упыря кто знает? — спрашивал он направо и налево, пробивая себе путь в молчащей толпе.

Люди жались, пряча глаза.

— Это к бабкам надо... — сказал один, как-то странно жмурясь.

Егор не понял, то ли он ухмыляется, то ли подмигивает. Это был явно самый бойкий, самый храбрый из всех.

— А топоры у кого-нибудь найдутся? Или ножи? — прогремел Егор. — Сделаем вместе одно дело...

Слова попали в точку. Люди зашевелились, заволновались. Колоть, бить — вот на что у них чесались руки. Просто так смотреть на гибель в огне проклятого дома было мало.

— За мной! — крикнул Егор тем, кто первыми вышли из толпы.

Г-н Назарие подскочил к нему, схватил новоявленного атамана за руку, спросил, перепуганный:

— Что вы намерены делать?

С той минуты, как Егор покинул комнату Санды, словно бы разгневавшись на ее непонятный обморок, с пеной у рта пытая всех встречных-поперечных, где спальня г-жи Моску, профессор не знал, что и думать. Уж не сошел ли Егор с ума? Г-н Назарие не смел смотреть ему в глаза — таким диким блеском они горели.

— На что вам топор? — допытывался он, теребя Егора за рукав.

— Мне нужно железо, — отвечал тот. — Все железное, что есть. Чем больше, тем лучше — против злых чар.

И хотя слова прозвучали ясно, отчетливо, все же Егор провел рукой по лбу, как будто отгоняя слишком страшное воспоминание, слишком свежий ужас. Затем размашисто пошел к дому, за ним гурьбой повалили крестьяне.

— С кем Санда? — на ходу спросил он у г-на Назарие.

— С доктором. И там еще две женщины из деревни, — ответил оробевший профессор.

Ему не нравилась ни решительная, отчаянная походка Егора, ни клич, который тот бросил над окаменевшими головами толпы. Слишком быстро оживились крестьяне от этого клича. Сейчас, при пожаре, железо обретало смысл магического орудия, орудия мести. Но призвать людей взяться за ножи и повести их в барский дом!..

— Вы хотите впустить их всех в дом? — спросил г-н Назарие.

Крестьяне в нерешительности затоптались на пороге. Но Егор махнул рукой, чтобы они следовали за ним.

— Факелы нужны! Сделайте из чего придется, да побыстрее! — приказывал он.

В доме было темно. Кто-то внес горящую ветку акации, но она сразу погасла, напустив едкого дыма. Егор метался в нетерпении. Он не желал искать лампу. Свет горел в одном месте дома — в комнате Санды, но сейчас он не пошел бы туда. Заметив в коридоре на окнах полотняные шторы, он указал на них людям.

— Вот это нельзя приспособить?

Тот, что все время то ли жмурился, то ли подмигивал, схватился за штору и, дернув, сорвал вместе с карнизом. Грохот падения стал как бы прологом к этой утехе, которую обещал Егоров клич. Люди тяжело задышали, постепенно разъяряясь, еще не зная, против кого.

— Смотри, не подожги ничего! — строго предупредил Егор, видя, что его незнакомый товарищ уже зажигает факел.

— Это уж, барин, будьте покойны, присмотрим, — отвечал человек.

Он намотал кусок шторы на дубинку и поджег с одного конца. Кто-то еще тоже сделал факел, по его примеру, и поджег с такой же осторожностью. При слабом, колеблющемся свете от горящих и дымящихся тряпок Егор повел людей по коридору. Воздух был как в погребе, влажный и удушливый.

Профессор, забегая сбоку, попытался снова урезонить Егора, но поперхнулся дымом и закашлялся. Они шли мимо ряда дверей, и Егор смотрел внимательно, насупясь, пытаясь вспомнить, угадать нужную. В конце коридора он столкнулся лицом к лицу с перепуганной кормилицей. Она вытаращила на него свои мутные, серые глаза.

— Что ты здесь делаешь? — грозно спросил Егор.

— Я барыню стерегу, — скрипучим голосом ответила женщина. — Неужто вы

пришли весь двор поджечь?

Несмотря на страх во взгляде, голос ее выдавал злорадство и насмешку.

— Где госпожа Моску? — хладнокровно осведомился Егор.

Кормилица ткнула рукой в ближайшую дверь.

— У барышни...

— У Кристины в комнате, ты хочешь сказать? — уточнил Егор.

Почувствовав дыхание наступающей толпы, кормилица лишилась языка и только кивнула. Егор повернулся к людям, приказал:

— Эту возьмите и не спускайте с нее глаз, она тоже не в себе. Но чтобы никто ее пальцем не тронул...

Он толкнул дверь в комнату Кристины, не постучав. Горела керосиновая лампа. Зловещим огоньком дрожала в углу лампада. Г-жа Моску встретила толпу, величественно стоя посреди комнаты. Егор на секунду замер, оробев от торжественной позы этой женщины с белым гордым лбом и ясными глазами.

— Вы пришли за землей? — произнесла г-жа Моску. — У нас больше нет земли...

Она смотрела сквозь Егора и обращалась прямо к людям, сгрудившимся за его спиной, к ожесточенным лицам, к глазам, раздразненным видом этой барской опочивальни, в которой давно уже никто не спал.

— ...я могла бы позвать жандармов, — продолжала г-жа Моску. — Я могла бы приказать слугам побить вас палками. Капитан Дарие из Джурджу — мой хороший знакомый, я могла бы послать за ним, он привел бы сюда свой полк... Но я не хотела кровопролития. Если вы пришли за землей, я говорю вам: земли у нас нет. Землю у нас уже забрали...

Егор понимал, что г-жа Моску заговаривается, что ей мерещится крестьянский бунт, и он выставил руку, пытаясь остановить ее, боясь, как бы кто-нибудь из людей не потерял терпения, не сорвался. Пожар полыхал рядом, толпа с ножами и топорами перхала от чада самодельных факелов, но г-жу Моску было не удержать.

— Вы взбунтовали всю деревню и подожгли дом... Вы забыли, что у меня тоже есть дети...

Тут Егор почувствовал на себе чей-то взгляд, ледяной, беспощадный, убийственный. Поднял голову и встретился глазами с девицей Кристиной на портрете. Она больше не улыбалась ему. Полузакрыв веки, она пронзала его недоумением и жестоким укором. Егор вздохнул и закусил губу. Потом вдруг бросился к ней, оттолкнув с дороги г-жу Моску. Та упала на постель Кристины и, трясясь, прошептала:

— Убить меня хотите?

Егор выхватил у кого-то из рук топор и, размахнувшись, рубанул по портрету. Ему показалось, что глаза девицы Кристины мигнули, грудь вздрогнула. И еще ему показалось, что у него отсохла рука и повисла, бесчувственная, от локтя. Однако минуту спустя он снова поднял топор на эту цветущую невинность в кружевах и лентах.

Он слышал отчаянные стоны г-жи Моску, но только неистовее закипала в нем кровь.

— Остановитесь, вы стену проломите, — кричал сзади г-н Назарие.

Егор обернулся: лоб в саже и крупных каплях пота, губы дрожат. Люди смотрели

на него, распаляясь и крепясь из последних сил, потому что оскал разрубленного надвое портрета дразнил их. Барин пустил в ход железо, и теперь их тоже подмывало бить, крушить и топтать, испепелить эту барскую опочивальню на углях своей мести.

— За что вы ее убили? — раздался вдруг вопль г-жи Моску. — Она теперь всех вас задушит, всех!

Егор, сдерживая дрожь, подошел к г-ну Назарие.

— Возьмите ее отсюда, — попросил он, указывая на постель, где распростерлась г-жа Моску. — И стерегите хорошенько...

Двое парней поспешили на помощь г-ну Назарие и вынесли за дверь бьющуюся г-жу Моску как раз в ту минуту, когда лампада зачадила и погасла.

— Это она и есть упырь — барышня! — прошептал кто-то от окна.

Вновь навалилась на Егора та лихорадка, что сливала для него сон с явью. Он схватился за голову, выронив топор, тут же кем-то подобранный. И вдруг в исступлении крикнул:

— Это — спальня девицы Кристины! Кто боится — уходи, а кто не боится, оставайся со мной! Разнесем все в щепы!

Он первый кинулся к столику подле кровати и обрушил на него кулаки. Потом яростно сбросил со стены раскромсанный портрет. Вслед за ним люди растеклись по комнате, круша топорами мебель, убранство и стены, разбивая окна...

— Смотрите не подожгите! — истошно кричал Егор.

Но его голоса никто уже не слышал. Молча, задыхаясь в дыму, в пыли от щебня, натыкаясь друг на друга, люди почти вслепую громили опочивальню девицы Кристины.

— Только не подожгите! — кричал Егор, пробираясь к выходу и защищая лицо руками от нечаянных ударов. Коридор был полон людьми.

XVIII

По дороге он остановился у одного из окон — взглянуть на пожар. Пламя грозило перекинуться на хозяйский флигель. Народу собиралось все больше и больше. «Подходят из соседних сел», — отметил Егор. Возбуждение не оставляло его. Из Кристининой комнаты слышались удары топора. В коридоре густо сновали люди, наполняя воздух разгоряченным дыханием, запахом своих рубах, хмельным биением крови. «Лишь бы не начали грабить», — содрогнувшись, подумал Егор.

Он с трудом добрался до комнаты Санды. Та по-прежнему бессильно лежала на подушках, бледная, с закрытыми глазами. Вокруг кровати теснилось много женщин. В углу Егор увидел доктора, сосредоточенно вцепившегося обеими руками в ружейный ствол. В изголовье у Санды старая бабка бубнила заговор:

...Вот он, красненький сморчок,Кровушки хотел испить,Жизнь молодую погубить.Жизнь тебе не погубить,Кровушки тебе не пить.Я иголкой заклятье сниму,Я метлой его замету,Я в осоку его зашвырну,Я в Дунай его окуну.С гуся вода,С нашей Санды хвороба!

Санда словно бы услыхала свое имя из глубин сна, заворочалась, заметалась на подушках. Старуха поймала ее руку и кольнула острием ножа. Девушка застонала. Егор закрыл глаза, зажал виски в ладонях. Откуда эти глухие, непонятные шумы, как будто что-то осыпается. Как будто кряхтит фундамент дома, как будто трещат, раскалываясь, огромные крылья. Сонный, смутный звон заполнил собой пространство. Сам воздух этой комнаты был давящий, а летаргия Санды так напоминала небытие, что Егор бросился к доктору и тряхнул его за плечо.

— Почему она никак не проснется?

Доктор смерил его долгим, укоризненным взглядом. Казалось, его удивляло, что Егор не понимает таких простых вещей.

— Вампир еще не сгинул, — тихо и веско произнес он.

Вошедший г-н Назарие метнулся к Егору.

— Подите к людям, — попросил он. — Они разбушевались, того и гляди разнесут весь дом!

В самом деле, из коридора все ближе к ним подступали звуки ударов и разрушения. Время от времени среди этих низких глухих стуков звонко тенькало разбиваемое стекло.

— Остановите их! — продолжал г-н Назарие. — Они уже столько комнат разгромили!.. Вас привлекут к ответу!

Егор снова сжал виски в ладонях и закрыл глаза. В голове мутилось, воля слабела.

— Пусть, это даже лучше, — тяжело проговорил он. — Пусть все порушат.

Г-н Назарие схватил его за грудки и затряс, так некстати была сейчас эта слабость.

— Вы с ума сошли! — шипел он. — Вы не отдаете себе отчета в том, что делаете. Здесь же приданое Санды!

Егор с усилием встряхнулся. Нахмурив брови, сжав кулаки, он поспешил к людям.

— Все назад! — крикнул он. — Назад! Жандармы!

Он с трудом проложил себе дорогу почти до комнаты Кристины. Коридор был неузнаваем. Окна везде разбиты, мебель покорежена, стены — в выбоинах.

— Назад! Назад! — надрывался Егор. — Жандармы пришли! Полк жандармов!..

Егора никто не слушал. Погром затихал сам собой — распространилась весть, что умирает барынина старшая дочка, и люди, присмирев, стали отступать. Постепенно, по двое — по трое, они выбирались во двор, взлохмоченные, припорошенные штукатуркой, перепачканные сажей, и снова собирались в толпу, молчаливую, настороженную.

— Пойдемте со мной! — глухо позвал Егор г-на Назарие и, запрокинув голову к небу, добавил: — Эта ночь кончится когда-нибудь? Я уже не помню, когда видел дневной свет...

Однако заря приближалась, пока еще невидимая. Воздух стал особенно холоден и недвижим. Звезды поблекли в полыхании зарева. Егор взял у кого-то из рук керосиновую лампу и осторожно, чтобы не погасла на ходу, нес ее. Видя, что он решительно направляется в глубь парка, г-н Назарие испуганно спросил:

— Что вы задумали?

Ему было страшно удаляться от людей, от огня. Страшно, потому что затянувшийся обморок Санды все время напоминал ему о силе злых чар.

Егор не ответил. Он торопился к старому каретному сараю. Было очень темно, еще темнее от дрожащего, светящегося клубочка лампы. Огненный столб над усадьбой остался далеко позади. Когда Егор открыл ворота сарая и шагнул внутрь, г-н Назарие начал понимать, в чем дело, и похолодел, не смея поднять глаза. Егор устремился прямиком в дальний конец сарая. Коляска девицы Кристины стояла на своем месте как ни в чем не бывало.

— Эта? — спросил Егор, поднимая лампу, чтобы посветить г-ну Назарие.

Профессор кивнул, побледнев. Он признал коляску, ту самую, ветхую и сонную, что несколько часов назад, на отдаленной аллее, поджидала легкую поступь девицы Кристины.

— И дверь была заперта... — улыбаясь, прошептал Егор.

Улыбка получилась вымученной, а голос прозвучал неверно, тоскливо. Г-н Назарие смотрел в землю.

— Уйдем отсюда, — сказал он. — Мало ли что там может случиться, в доме.

Но Егор мыслями был далеко. При свете коптящей лампы он смотрел на потертые кожаные подушки рыдвана, и не мог оторваться. Выходит, все правда, все было. Девица Кристина приходила наяву... она есть... Он смотрел и словно видел это существо, не подчиненное законам природы, на сиденье коляски. Вот и фиалковые духи еще не развеялись...

— Уйдемте же, Егор! — нетерпеливо позвал г-н Назарие.

«Неужели все окажется явью, все до последнего?» — думал Егор, устало поникнув головой. Он вспомнил, как первый раз обнаружил рыдван девицы Кристины.

— Интересно, — сказал он вдруг. — Интересно, что нам еще ни разу не попалась на глаза Симина!

Они пошли назад. Г-н Назарие особенно спешил, боясь даже обернуться.

— Да, правда, — заметил он, — с тех пор как начался пожар, я ее не видел. Куда-нибудь забилась от страха...

— Я знаю, где ее искать, — снова улыбаясь, сказал Егор. — Знаю, где прячется маленькая колдунья...

И все же — какой тяжелый камень лег ему на сердце; словно он опять оказался совсем один, как проклятый, без надежды прорвать огненный круг ворожбы,

умилостивить судьбу...

Доктор вышел из комнаты. Подле Санды остались только женщины и г-жа Моску, которую почтительно принесли сюда на руках крестьяне. Смешавшись с толпой во дворе, доктор стоял и смотрел на догорающий дом. Он ни о чем не думал и не мог бы даже сказать, в какой момент наступила эта приятная пустота в голове, это благостное изнеможение. Он видел, как Егор снова появился в толпе и куда-то позвал крестьян. Слов Егора доктор не слышал — только видел его вскинутые вверх руки, потемневшее лицо. Несколько человек пошли за ним, не слишком торопясь, держась кучно, глядя в землю. Пошел и доктор. Кто-то прихватил с собой факел. Егор нес в левой руке керосиновую лампу, в правой — железный посох.

— Я спущусь первый, — сказал он, приведя людей ко входу в подземелье. — Ждите здесь, пока я не крикну. Тогда спускайтесь тоже.

Г-н Назарие с воспаленными от бессонной ночи и волнения глазами вцепился в него, стараясь удержать.

— Вы с ума сошли, как можно туда одному?!

Егор рассеянно взглянул на него. «Откуда он берет силы верховодить?» — подумал г-н Назарие, угадав по Егоровым глазам, что тот страшно устал и почти невменяем.

— Вас я возьму, — сказал Егор, с трудом шевеля пересохшими губами. — Но запаситесь чем-нибудь железным... На случай, если придется защищаться, — добавил он чуть слышно, увлекая профессора вниз по ступеням.

Люди остались наверху. Сдерживая дыхание, они жались друг к другу, как бы удостоверяясь, что пока еще целы и невредимы.

Прежде чем потеряться в черной пасти подземелья, Егор бросил последний взгляд наверх. Далеко, на краю неба, темнота стала редеть.

— Скоро рассвет, — сказал Егор, обернувшись к г-ну Назарие, и улыбнулся.

Затем стал быстро спускаться по холодным ступеням, держа лампу прямо перед собой.

Г-н Назарие не отставал. Почувствовав под ногами влажный песок, он вздрогнул и попытался вглядеться в темноту. Ничего не было видно — только стены, вдоль которых они шли при дрожащем свете лампы. Егор без колебаний направился в самую глубину подземелья. Чем дальше они уходили, тем глуше становился шум пожара, рушащихся стен.

Тут, под землей, всем вновь овладела тишина.

— Страшно? — вдруг спросил Егор, целя лампой в лицо профессору.

Тот заморгал, ослепленный. «Что с ним? Какое безумие он еще затевает?» И твердо сказал:

— Нет, мне не страшно, потому что при мне и железо, и крест. К тому же рассвет близко. И тогда уже ничего плохого не сможет случиться.

Егор, не возразив, сосредоточенно двинулся дальше, поигрывая железным посохом. Они вошли в кладовую. Егор с замиранием сердца узнавал дорогу. Через окошечко в потолке пробивался слабый красноватый отблеск. «Мы снова у пожара», — подумал г-н Назарие. Однако наружные шумы почти не проникают сюда. Тяжелый свод, толстые стены душили звуки, умеряли голоса.

— Вы видите — там?! — шепотом спросил Егор, останавливаясь и указывая лампой в темный угол.

— Ничего не вижу, — отвечал г-н Назарие.

— И все-таки это — там, — повысив голос, сказал Егор и двинулся вперед широким, решительным шагом. Влажность и духота усилились. Низко, давяще нависли над головами древние своды.

...Симина лежала, распластавшись на мягкой земле, изрытой вокруг ее пальцами. Она, казалось, не слышала мужских шагов и не переменила застывшей позы плакальщицы. Егор задрожал, наклонясь над ее маленькой скорбной фигуркой.

— Она здесь, правда? — шепотом спросил он, беря девочку за плечо.

Та подняла голову, взглянула безучастно, не узнавая, и снова припала к земле, царапая, разрывая ее ногтями, напряженно прижимая к ней ухо. Руки у нее были изранены до крови, чулочки запачканы, платьице в пятнах от зеленого сока растений, которые она раздавила на бегу, пробираясь ночным парком.

— Напрасно ты ждешь ее, Симина, — резко сказал Егор. — Кристина уже умерла раз, давно, а сейчас умрет окончательно!..

Он яростно подхватил девочку с земли, встряхнул.

— Очнись! Кристина отправится сейчас в преисподнюю, гореть на адском огне!..

Странная вялость охватила его, когда он произнес эти слова. Девочка бессильно повисла у него на руках — с остекленевшим, невидящим взглядом, с искусанными в кровь губами. Но рассудок Егора забил тревогу: «Надо решаться тотчас же, немедля. Была не была. Надо добыть спасение для всех...»

— Подержите ее и не забывайте про крестное знамение! — сказал он г-ну Назарие, передавая ему обмякшее тело девочки.

Г-н Назарие широко перекрестился и завел тихую молитву. Егор нагнулся над тем местом, где только что лежала Симина, сверля ее глазами, как будто пытаясь пробить взглядом толщу материи, угадать, где она скрыла нечистое, окаянное сокровище. Потом размахнулся и что было силы всадил посох острием в землю. Капли холодного пота выступили у него на лбу.

— Здесь ее сердце, Симина?! — вскричал он, не оборачиваясь.

Девочка, словно обезумев, забилась в руках профессора. Егор вытащил посох, вошедший в землю только до половины, и вонзил его чуть поодаль с удвоенной яростью.

— Здесь? — хрипло допытывался он.

Судорога прошла по телу Симины, глаза закатились. У Егора дрогнула рука. «Я попал», — понял он и, зажмурясь, с воплем, всей своей тяжестью навалился на посох. Он чувствовал, как входит железо в живую плоть и как она сопротивляется ему. Его трясло: это медленное пронзание тянуло в бездну, топило в темноте безумия, в бреду. Как сквозь сон доносились до него крики Симины. Ему показалось, что г-н Назарие сделал движение остановить его, и тогда, в полном исступлении, он упал на колени, налегая на посох, хотя железо изранило ему ладони до кости. Глубже, еще глубже, в самое ее сердце, в средостение чертовщины...

Вдруг мучительный восторг, от которого перехватило дыхание, захлестнул его. Он с изумлением узнал стены своей комнаты, старинную кровать, бутылку коньяка на столике. Заблагоухали фиалки. То ли напев, то ли наговор зазвучал, как тогда:

...Мне больно от твоих очей,огромных, тяжких, жгучих...

Куда делась Симина и г-н Назарие, куда подевались низкие серые своды?.. Далекий-далекий голос со щемящей тоской позвал:

— Егор!.. Егор!..

Он обернулся. Никого. Он остался один, навеки один. Больше он никогда не увидит ее, никогда не вдохнет фиалковое веяние ее духов, и ее губам, знающим вкус крови, никогда уже не пить его дыхания... Он рухнул наземь. Снова мрак стал густым и холодным. Он чувствовал себя похороненным заживо — там, где никто его не найдет, где неоткуда ждать спасения...

Однако из каких-то иных пространств к нему приближались человеческие шаги. Им предшествовала музыка, мелодия старого вальса, луч света. Кто-то спрашивал, низко склонясь над ним:

— Знаешь Раду Пражана? Взгляни!

Егор в страхе приподнял голову. Он опять кого-то изображает, этот Раду Пражан, и как нелепо! Теперь он был похож на г-на Назарие. Он не осмеливался подойти к Егору, не говорил ни слова — только смотрел ему в глаза, зовя взглядом, заклиная приблизиться, намекая на грозящую опасность. На руках он держал Симину с побелевшими губами, со спутанными, упавшими на лоб прядями волос. «Вот, она тоже умерла!» — казалось, говорил его взгляд.

Но может быть, все это было обманом, маскировкой, чтобы его не узнали. Он, Пражан, тоже испытывал страх, безысходный страх, оттого и смотрел такими застывшими, немигающими глазами...

Очнувшись, Егор увидел вокруг множество людей. Мелькали факелы, топоры, дубинки. Перед ним из влажной земли торчал конец железного посоха. «Значит, правда!» — подумал он, страдальчески улыбаясь. Все было правдой. Он сам, собственной рукой убил ее; а теперь — откуда ждать надежды, кому молиться и какое чудо в силах придвинуть к нему теплое бедро Кристины?!

— Вас наверх кличут, — услышал он незнакомый голос. — Барышня умирает.

Он поник головой, не отвечая. Мыслей не было. Только одиночество. Как жребий, как рок, как судьба.

— Умерла... — прошептал чей-то еще голос.

Он почувствовал, что его берут под руки, поднимают. Снова, над самым ухом, прозвучало:

— Барышня умерла, Санда! Ступайте наверх, а то беда!

Чей это голос проник в его безмерное одиночество, в эту ночь, куда не было доступа никому, никаким человеческим звукам?!

Его вели под руки. Вокруг, как по волшебству, менялись комнаты. Сначала они прошли через большую бальную залу, освещенную канделябрами с позолотой и хрустальными подвесками. Элегантные пары — кавалеры во фраках, дамы с шелковыми веерами — на секунду останавливали танец, чтобы скользнуть по ним удивленным взглядом. Потом — через залу, где за столами с зеленым сукном незнакомые люди молча играли в карты. Они тоже недоуменно оборачивались посмотреть, как его волокут под руки невидимые спутники... Вот начались ступени, ведущие в столовую со старинной мебелью. Остался один коридор... Но коридор впереди затуманился, и из голубоватых клубов дыма вырвался огромный огненный столб. Егор зажмурился. «Значит, правда», — напомнил он себе.

— Хозяйский флигель занялся! — услышал он голос и попытался оглянуться на того, кто все время говорил с ним. Но глаза встретили лишь крыло огня, без начала и без конца, и сомкнулись сами собой.

— Вот так и пропала барская фамилия...

Это был все тот же незнакомый голос, пробившийся к нему, минуя все заставы сновидения.